ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТАМБОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Шитова Анастасия Александровна

КОМСОМОЛ В ДУХОВНОЙ СФЕРЕ ЖИЗНИ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА 1921-1929 ГГ. (НА МАТЕРИАЛАХ СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО КРАЯ)

Специальность 5.6.1. Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук,
профессор
Слезин Анатолий Анатольевич

Тамбов – 2023

Оглавление

Введение …….....3

Глава 1. Институализация комсомола в советском обществе 1920-х годов ….....21

1.1. Формирование молодежной идеологии: тенденции и понятия.....21

1.2. Комсомол 1920-х годов: формирование, развитие, роль в жизни общества.....45

1.3. Развитие комсомола в Северо-Кавказском крае: тенденции и мотивация.....65

Глава 2. Преобразование духовной жизни Северо-Кавказского края в 1920-е годы и комсомол …….....91

2.1. Просветительская деятельность комсомола …….....91

2.2. Эволюция новой культуры быта и комсомол …….....114

2.3. Особенности противодействия комсомольских организаций религиозному влиянию ….....142

Заключение……...166

Источники и литература…….....174

Введение

Актуальность темы исследования. Проблема участия комсомола в перестройке духовной сферы жизни в 1920-х годах актуальна в связи с насущной потребностью в понимании процессов формирования нового социального уклада и новой культуры, которые возникали в указанный период. Очевидно, что установление новой социальной системы с развитым политическим и идеологическим контролем не может оцениваться однозначно и только положительно, но сам конструктивный опыт, процесс поиска решений требуют понимания.

Осмысление процессов столь широкомасштабных преобразований может быть использовано в концепциях развития общества, в современной молодежной политике.

Кроме того, актуальность данного исследования объясняется тем, что в заданных временных рамках проблема участия молодежи в культурном строительстве в Северо-Кавказском крае не рассматривалась целостно и с учетом организационных и мотивационных особенностей. В исследованиях рассматривались отдельные города, национальные или сельскохозяйственные районы и, как правило, анализировался лишь какой-либо отдельный аспект: проблемы борьбы с неграмотностью и развития образования, изменения форм досуговой культуры, антирелигиозная пропаганда[1]. При этом роль молодежи в этих процессах, как правило, описывалась фрагментарно.

---

[1] См. например: Багдасарян С.Д., Скорик А.П. Крестьянская повседневность эпохи нэпа: досуг и праздник в южно-российской деревне в 1920-е годы. Новочеркасск, 2012; Шаповалов С.Н. Генезис советских государственных праздников на Кубани в 1918-1930-е гг. Краснодар, 2012; Панкова-Козочкина Т.В. Казачье-крестьянское самоуправление эпохи нэпа: проблемы модернизации властных отношений на Юге России в 1920-е годы. Новочеркасск, 2014; Рожков А.Ю. В кругу сверстников: жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов. М., 2016.

Целостное описание роли молодежного, комсомольского движения в развитии культуры нового социального строя позволяет точнее понять, как менялось общество и общественная атмосфера в 1920-х гг., переосмыслить некоторые процессы, происходящие в настоящее время в России.

Объектом исследования являются процессы возникновения и функционирования комсомольских организаций Северо-Кавказского края.

Предмет исследования составляют основные направления, формы и методы деятельности комсомола в духовной и идеологической сферах формирующегося советского общества, участие комсомольских организаций в этом процессе.

В современной науке понятие «идеология» употребляется осторожно и не всегда определенно. Поэтому представляется необходимым уточнить то его содержание, которое будет использоваться в исследовании.

На сегодняшний день в науке сохраняется устойчивое разделение сфер жизни общества на материальную и духовную. В сложных и развитых обществах происходит разрастание и усложнение духовного аспекта жизни общества, возникает целая подсистема, состоящая из множества людей, социальных групп и организаций, связанных в основном с формированием этого аспекта, то есть складываются институты и механизмы духовной сферы. К этим механизмам могут быть отнесены: общественные и религиозные организации, институт образования, пресса, различные организации в сфере искусства и многие иные.

В результате всех этих процессов происходит выделение специфической области духовной жизни, которая может быть определена как связанная с формированием практического или поведенческого сознания людей, ее чаще всего и называют идеология[1].

---

[1] Несмотря на различия подходов и теоретических положений, этой точки зрения придерживается большинство исследователей. Именно она излагается в учебных курсах. См. для сравнения таких разных исследователей: Грамши А. Тюремные тетради : [Пер. с итал.]. М., 1991. 1.ч. С. 25; Зиновьев А.А. Логическая социология. М., 2002. С. 134-145;

Хронологические рамки исследования охватывают период 1921/22 гг. – 1929/30 гг. Выбор таких временных границ во многом определен объективными обстоятельствами, а именно: начало связано с переходом к мирной жизни и НЭПу и началом формирования комсомольских организаций в сельской местности и национальных районах Северо-Кавказского края; конец – с изменениями не только в экономике, но и в политике, которые во многом определили линию дальнейшего развития как комсомола, так и всей страны в целом. Некоторое изменение границ по отношению к стандартным границам 1921 – 1929 гг. объясняется особенностями истории края – инерционностью процессов в сельской местности и более поздней организацией на его территории работающих молодежных организаций.

Территориальные рамки исследования охватывают районы Северо-Кавказского края. В 1920-х гг. административно-территориальное деление края менялось несколько раз: до 1924 года существовали Донская, Кубано-Черноморская область, Ставропольская, Терская губернии. В феврале 1924 г. была создана Юго-Восточная область, преобразованная в октябре 1924 г. в Северо-Кавказский край с центром в Ростове-на-Дону. В данных границах он существовал до марта 1933 г.

Степень изученности темы. Период после окончания Гражданской войны связан с процессом формирования новой социальной системы, новой культуры. В этом процессе активно участвовали комсомол и молодежь.

Роль комсомола и молодежи в преобразованиях 1920-1930-х гг. неоднократно становилась предметом исследования. Однако, как правило, основное внимание уделялось более позднему периоду 1930-х гг., либо отдельным аспектам деятельности молодежи, например, антирелигиозной пропаганде.

Манхейм К. Идеология и утопия / Карл Манхейм // Диагноз нашего времени: Пер. с нем. и англ. М., 1994. С. 7-276.

Первые работы о комсомоле появляются еще в период нэпа и в самом начале 1930-х гг.[1], однако в этих работах в основном внимание уделялось моменту возникновения и первым годам существования комсомола. И хотя в некоторых работах шла речь о культуре и борьбе за новую идеологию, говорить об их исследовательском характере не приходится в связи с выраженной идеологической направленностью[2]. Наиболее нейтральными и описательными выглядят «этнографические очерки»[3], в которых предпринята попытка описать происходящие процессы, но и в них пропагандистская и идеологическая составляющая доминируют.

В работах следующих периодов, посвященных как истории комсомола СССР, так и истории комсомола Юга России, главное внимание уделялось тридцатым и последующим годам[4].

Основной материал о роли молодежи в культурных преобразованиях 1920-х годов достаточно небольшой по объему можно найти в исследованиях, связанных с культурно-просветительной работой в период нэпа[5]. Среди них выделяются прямо посвященные комсомолу Северо-

---

[1] Шохин А. Краткий очерк истории комсомола. М.-Л., 1926; Шохин А. Краткая история ВЛКСМ. М, 1928; Смородин П. Изучение истории комсомола — в большевистские руки // Молодежь в революции. Сб. №3/4. Л., 1932. С. 114-123.

[2] Бобрышев И. Мелкобуржуазные влияния среди молодёжи. М.-Л., 1928; Москатов К. Борьба за молодёжь: О параллельных комсомолу организациях // Юный коммунист. - 1926. № 17-18. С. 51-56; Ханин Д. Большевистское воспитание молодёжи и оппозиция / Д. Ханин // Молодая гвардия. 1926. №9. С. 94-102.

[3] Комсомол в деревне: очерки / под ред. В. Г. Тана-Богораза. М.-Л., 1926.

[4] Боевой путь Ленинского комсомола. М: Мол. гвардия, 1947; Ленинский комсомол. Очерки по истории ВЛКСМ. М., 1963 и др.; Динес В.А. Партийное руководство комсомолом: 1921 – 1925. М., 1983; Казначеев В.А., Иванько Н.И. Юная гвардия [2-е изд., испр. и доп.]. Ставрополь, 1970.

[5] Общие работы: Андреева М.С. Политико-просветительная работа в деревне в конце восстановительного периода (1924 – 1925 гг.). М., 1953; Генкина Э.Б. Переход Советского государства к новой экономической политике: (1921-1922) М., 1954; Стеллиферовская

Кавказского края, но и в них рассматривался главным образом радикальный поворот, происходящий на рубеже десятилетий[1]. Собственно процессы, происходившие в 1920-х гг., затрагивались в незначительной степени, при этом отбирались те события, факты и явления, которые могли служить подтверждением положительных оценок политики партии по отношению к комсомолу и молодежи. Однако, несмотря на определенную идеологическую направленность исследований, следует отметить, что принципы установления контроля над комсомолом и молодежью, способы управления ею в указанных работах нашли свое отражение, хотя с оценками, отличными от современных исследователей.

С начала 1990-х гг., когда в исторический оборот были включены ранее закрытые документы, статистические данные, увеличилось количество исторических исследований, связанных с проблемами реформирования и изменения повседневной культуры, что представляется закономерным, так как происходящие в обществе на рубеже веков изменения требуют

Е.Н. Культурно-просветительная работа в деревне (1924-1925) // Очерки по истории советской науки и культуры. М., 1968; Пушков В.П. Опыт изучения особенностей культурного развития советского доколхозного крестьянства: По данным бюджетных обследований крестьянских хозяйств 20-х годов // История СССР. 1978. № 5. С. 118-131; Денисов С.Г. Борьба партии за культурное преобразование деревни (1917-1937 гг.): Ист. очерк М., 1981.

Работы по Северо-Кавказскому краю: Ильин В.А. Борьба Коммунистической партии за культурную революцию на селе в годы коллективизации (1929 – 1933 гг.): дис. … канд. ист. наук. Ростов н/Д., 1963; Казюкин И.С. Культурно-политическое шефство города над селом на Северном Кавказе в период создания фундамента социализма // Из истории партийных организаций Краснодарского края / Отв. ред. И.И. Алексеенко. Краснодар, 1968. С. 49 – 70; Демидова Г.А. Руководство Северо-Кавказской партийной организацией культурным строительством в деревне (1928 – 1932 гг.): дис. … канд. ист. наук. М., 1972.

[1] Семисотов И.Н. Ленинский комсомол – помощник Коммунистической партии в проведении культурной революции в деревне в годы первой пятилетки (1928 – 1932 гг.): дис. … канд. ист. наук. Ставрополь, 1969; Мельников В.В. Культурная революция и комсомол. Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та, 1973.

осмысления и, соответственно, обращения к историческому опыту. Кроме того, происходит отход от формационного подхода, а повседневность, социальные трансформации становятся самостоятельными предметами изучения.

В этот период появляются работы, затрагивающие проблемы перехода к новому социальному и культурному бытию в масштабах всей страны[1], и работы, посвященные отдельным регионам[2], в том числе Северо-Кавказскому краю[3].

В сферу внимания исследователей включаются различные аспекты деятельности комсомола и молодежной политики, проводимой партией и

---

[1] Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920-1930 годы: СПб., 1999; Курёнышев А.А. Крестьянство и его организации в первой трети XX века. М., 2000; Рожков А.Ю. В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов. М., 2014.

[2] Слезин А.А. «Миру крикнули громко…»: Комсомол Центрального Черноземья в духовной жизни советского общества 1921-1929 гг.: социально-политические аспекты. Тамбов, 2002; Слезин А.А. В борьбе за нового человека. Комсомол 1920-х годов как институт политической социализации. Тамбов, 1998; Соболева А.Н. Участие молодежи БМАССР в модернизационных процессах 1920-х – 1930-х гг. Улан-Удэ, 2014.

[3] Водолацкий В.П., Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г. Казачий Дон: очерки истории и культуры. Ростов н/Д., 2005; Сердюкова Н.В. Государственная политика Советского государства в области религии в 1920-е гг.: На материалах Северного Кавказа: дис. … канд. ист. наук. М., 2006; Белецкая Е.М. Фольклор станицы Червленной: память поколений (1890–1990-е гг.) // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа. Материалы Шестой Междунар. Кубанско-Терской конф. / Под ред. Н.Н. Великой, С.Н. Лукаша. Краснодар – Армавир, 2008; Игонин А.В., Оборский Е.Ю., Суханова Н.И. Северокавказское общество на историческом переломе (1917 – конец 1920-х гг.). Ставрополь, 2009; Панкова-Козочкина Т.В., Тикиджьян Р.Г. Особенности создания идеологической платформы советской обрядности: «красные праздники» в казачьих станицах Юга России 1920-х гг. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». 2009. № 3. С. 97-104; Скорик А.П., Тикиджьян Р. Г. Донцы в 1920-х годах: очерки истории. Ростов н/Д., 2010.

государством. В ряде работ был представлен целенаправленный анализ воспитательной работы в комсомоле, связанной с формированием жесткого идеологизированного сознания молодежи.

В работах В.К. Криворученко, Л.С. Цветлюк, В.И. Соколова и других подробно изучена проблема социального положения молодежи в структуре общества, негативные последствия проведения политики культа личности[1].

К наиболее значимым исследованиям, результаты которых учитывались в настоящей работе, относятся публикации, характеризующие источники по истории раннего комсомола[2] и публикации по развитию и формированию культуры в Северо-Кавказском крае, в том числе диссертации Н.И. Булгаковой, Е.В. Ногиной, Н.И. Капустиной, монография С.Н. Шаповалова, совместный труд С.Д. Багдасарян и А.П. Скорика[3].

---

[1] Криворученко В.К. Молодежь, комсомол, общество 30-ых годов XX столетия: к проблеме репрессий в молодежной среде: Научная монография. М., 2011; Цветлюк Л.С. Молодежь в преобразовании страны на коммунистических началах: методология, историография, исторические уроки 1917-1941. М., 2006; Соколов В.И. История молодежного движения России (СССР) со второй половины XIX века до XXI века. Рязань: Узорочье, 2002.

[2] Слезин А.А. Источниковая база истории раннего комсомола // Genesis: исторические исследования. – 2012. № 2. С. 108-148; Слезин А.А. История раннего комсомола: к характеристике архивно-источниковой базы // Исторический журнал: научные исследования. – 2012. №5. С. 24-30.

[3]Булгакова Н.И. Сельское население Ставрополья во второй половине 20-х – начале 30-х годов XX века: изменения в демографическом, хозяйственном и культурном облике: Дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2003; Ногина Е.В. Социокультурное развитие городского населения Ставрополья в 1920-1930 годы: опыт исторического исследования: дис. ... канд. ист. наук: Ставрополь, 2004; Капустина Н. И. Развитие общественных организаций Ставрополья в 1920 годы: дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2005; Шаповалов С.Н. Генезис советских государственных праздников на Кубани в 1918-1930-е гг. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2012; Багдасарян С.Д., Скорик А.П. Крестьянская повседневность эпохи нэпа: досуг и праздник в южно-российской деревне в 1920-е годы. Новочеркасск: Лик, 2012.

В начале 2017 г. появилась докторская диссертация С.Д. Багдасарян, посвященная изменениям и в сфере культуры, и в сфере быта на селе на юге России в период нэпа[1]. В этой работе предпринята попытка «концептуализированного представления о сельской повседневности крестьянства Дона, Кубани, Ставрополья и Терека в эпоху нэпа на основе анализа многообразных структур и аспектов крестьянской обыденности»[2].

В указанных выше работах, посвященных Северо-Кавказскому краю, рассматриваются как отдельные аспекты формирования нового социального строя и новой культуры, так и процесс преобразований в целом. Однако основное внимание уделяется государственным и партийным органам, роль молодежи и комсомола, если и освещается, то только как дополнительная, при этом в стороне остаются проблемы организации, проблемы мотивационные. Комсомол в основном рассматривается как организация, способствующая воздействию на молодежь.

В исследованиях рассматривались или отдельные национальные районы, или сельскохозяйственные, или города, и, как правило, анализировался лишь какой-либо отдельный аспект: проблемы борьбы с неграмотностью и развития образования; проблемы изменения форм досуговой культуры, антирелигиозная пропаганда[3].

Следует отметить, что целостных работ, которые характеризовали бы культурно-просветительную деятельность комсомола и молодежи на юге

---

[1] Багдасарян С. Д. Сельская повседневность на юге России в эпоху НЭПа: устойчивость традиций и противоречия преобразований: д-ра ист. наук. Новочеркасск, 2017.

[2] Там же, С. 9.

[3] См. например: Багдасарян С.Д., Скорик А.П. Крестьянская повседневность эпохи нэпа: досуг и праздник в южно-российской деревне в 1920-е годы. Новочеркасск, 2012; Шаповалов С.Н. Генезис советских государственных праздников на Кубани в 1918-1930-е гг. Краснодар, 2012; Панкова-Козочкина Т.В. Казачье-крестьянское самоуправление эпохи нэпа: проблемы модернизации властных отношений на Юге России в 1920-е годы. Новочеркасск, 2014; Рожков А.Ю. В кругу сверстников: жизненный мир молодого человека в советской России 1920-х годов. 2-е изд. М., 2016.

России, на данный момент еще не публиковалось. Определенным ориентиром в подходах к избранной теме могут быть исследования, в которых учитываются региональные особенности, повлиявшие на формирование и методы работы молодежных организаций[1].

Кроме того, в недавнее время появился целый ряд исследований, посвященных отдельным вопросам, связанным с развитием комсомола и его деятельностью в 1920-х гг. Это работы Р.В. Рыбакова, Л.В. Кромер, П.А. Меркулова, А.Н. Соболевой, Д.В. Давыдова[2].

---

[1] Андриец У.М. Особенности становления коммунистического союза молодёжи в Дальневосточном регионе (1920-1923 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 6. Ч.1. С. 32-37; Билим Н.Н. Пропаганда как форма воспитания советской молодежи в 1920 -1930-е гг. (по материалам Дальневосточного края) // Теория и практика общественного развития. 2015. № 8. С. 141-143; Королева Л.А. Политическое образование пензенской молодежи в начале 1920-х гг. // Образование и наука в современном мире. Инновации. 2016. № 4. С. 44-50; Лобанова Д.В. Основные тенденции советского воспитания молодежи в 1920-1930-е гг. // Из истории культуры народов Северного Кавказа. Ставрополь, 2016. С. 134-138; Зиберт Н.П. Антирелигиозная деятельность комсомольских и пионерских организаций на Алтае в 1920-е гг. // Известия Алтайского государственного университета. 2017. № 5. С. 44-48; Можаева Л.А. «Опиум для народа». Молодежные антирелигиозные праздники 1920-х гг. // История в подробностях. 2016. № 1-2. С. 76-83.

[2] Рыбаков Р.В. Динамика роста комсомольских организаций в начале 1920-х гг. // Динамика систем, механизмов и машин. 2016. Т. 4. № 1. С. 394-397; Кромер Л.В. Роль политического просвещения в адаптации комсомольской молодежи Сибири к коммунистическому режиму первой половины 1920-х годов // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2016. Т. 15. № 8. С. 120-132; Кромер Л.В. РКСМ-РЛКСМ-ВЛКСМ как социальный лифт молодежи в годы новой экономической политики // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых. Сб. материалов Всероссийской молодежной научной школы-конференции. Новосибирск, 2016. С. 158-166; Меркулов П.А. Молодежные организации РСФСР начала 1920-х годов // Управленческое консультирование. 2017. № 1 (97). С. 196-204; Меркулов П.А. Борьба РКСМ с другими организациями за влияние на молодежь в

Зарубежные исследования, посвященные молодежи в СССР до конца 1990-х гг. имели не менее ярко выраженную идеологическую направленность, чем исследования советского периода. В основном в них проводилась мысль об «орудийном» использовании комсомола в целях решения насущных социально-экономических задач[1]. С началом нового века и некоторым снижением «накала идеологической борьбы» за рубежом стали появляться работы культурологического характера[2]. Но и в этих работах основными источниками для анализа остаются официальные документы руководящих партийных и комсомольских инстанций, материалы центральной прессы. Показательны в этом отношении публикации на русском языке двух японских исследователей[3]. В этих работах использованы письма, присланные в редакции «Крестьянской газеты» и «Бедноты», а также фрагменты решений официальных заседаний и высказываний лидеров

1920-е годы // Управленческое консультирование. 2017. № 9 (105). С. 164-169; Соболева А.Н. Формирование образа героя и образа врага у советской молодежи в 1920-1930-е гг. // Политика и общество. 2017. № 10. С. 78-87; Давыдов Д.В. «Комсомолки краситься и пудриться не должны!» // Родина. 2016. № 5. С. 117-119; Шмелев С.А. Формирование нового быта молодежи в 1920-е годы // Самарский научный вестник. 2018. Т. 7. № 1. (22). С. 190-196.

[1] Brinkley G. Controlling the Youth of the Soviet Union // The Review of Politics. – 1960. – Vol. 22. – No.3; Kassof A. The Soviet Youth Programm. Regimentation and Rebellion. – Harvard University Press, 1965; Fainsod M. How the Soviet Union is governed / Jerry F. Hough a. Merle Fainsod. 4. print. - Cambridge (Mass.); London : Harvard univ. press, 1980.

[2] Tirado I.A. The Komsomol and the Krestianka. The Political Mobilization of Young Women in the Russian Village (1921 –1927) // Russian History. – 1996. – Vol. 23. – № 1-4. pp. 345-366.

[3]Асаока Дз. Крестьянская печать и общественность в нэповской советской деревне: сельский корреспондент как деревенский актив // XX век и сельская Россия: сб. науч. работ / отв. ред. Х. Окуда. Токио, 2012. Вып. 2. С. 110-126; Окуда, Х. «От сохи к портфелю»: деревенские коммунисты и комсомольцы в процессе раскрестьянивания (1920-е – начало 1930-х гг.) / Х. Окуда // История сталинизма: итоги и проблемы изучения. Материалы Международной науч. конф., г. Москва, 5 – 7 декабря 2008 г. М., 2011. С. 502 – 524.

партии. В результате, предположения, высказанные иностранными историками, сохраняют гипотетический характер и требуют подтверждения на конкретном материале из других источников.

В целом исследования отечественных и западных ученых свидетельствуют о растущем интересе к социокультурным аспектам исторического развития и ориентации на историко-антропологический подход к проблемам молодежи.

Цель исследования: выявить особенности деятельности комсомола в Северо-Кавказском крае в 1920-х годах в духовной сфере жизни формирующегося общества и установить способы и методы воздействия на эту сферу жизни и оценить их эффективность.

Достижения поставленной цели требует решения таких *задач*:

- охарактеризовать основные процессы, определявшие формирование новой системы ценностей и новой идеологии;

- выявить специфику той роли, которую играл комсомол в сфере духовной жизни;

- охарактеризовать систему мотиваций к вступлению в комсомол и к активной деятельности комсомольцев;

- установить основные способы и методы работы комсомола по таким направлениям, как изменение бытовой культуры, антирелигиозная и культурно-просветительная деятельность;

- оценить эффективность деятельности комсомола и молодежи в сфере культуры.

Основу источниковой базы составили материалы архивов, в которых содержатся данные по социально-политической истории Северо-Кавказского края. К ним относятся: Государственное учреждение «Национальный архив республики Адыгея» (ГУНАРА) фонд Ф.П-3 – Адыгейский областной отдел ВЛКСМ; Центральный Государственный архив Архивной службы Кабардино-Балкарской республики (ЦГА АС КБР) Ф. Р-188 – архив Ленинского учебного городка, где готовились комсомольские активисты,

велась работа с женщинами и девушками горянками; Центр документации новейшей истории Архивной службы КБР (ЦДНИ АС КБР) Ф. П-19 – архив Кабардино-Балкарского республиканского комитета ВЛКСМ; Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК) Ф. 1998, 1999 – Кубанский и Армавирский окружные комитеты комсомола.

Особое внимание было уделено архивам Ростовской области, потому что именно Ростов-на-Дону был административным центром Северо-Кавказского края и основные руководящие органы размещались в нем. В Государственном архиве Ростовской области (ГАРО) материалы, связанные с деятельностью общества «Долой неграмотность» (ОДН) Ф. Р-2561. В Центре документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО) были исследованы материалы фондов партийных организаций Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) – Ф. 5, Донского и Донецкого окружкомов – Ф. 7, 75; фонды комсомольских руководящих органов: Ф. 171 – Северо-Кавказский крайком ВЛКСМ, Ф. 174, 175, 275 окружных комитетов ВЛКСМ.

Были изучены материалы Государственного архива Ставропольского края (ГАСК) и Государственного архива новейшей истории Ставропольского края (ГАНИСК). Материалы ГАСК Ф.Р-163, 164, 299, 300, 1482, 1331 содержат информацию о деятельности различных организаций, связанных с культурно-просветительной деятельностью, в работе которых активное участие принимала молодежь. Деятельность комсомола освещается в фондах ГАНИСК: Ф.6346 – фонд Ставропольского губернского комитета РКСМ, Ф. 4624 – фонд Терского губернского комитета РКСМ, Ф. 4625, 6347 Ставропольского и Терского окружных комитетов ВЛКСМ, Ф. 4420, 4915, 4921, 4922 – фонды ячеек ВЛКСМ. Кроме того, были использованы отдельные материалы фондов партийных организаций Северо-Кавказского края: Ф.3, 7 – губернских комитетов партии, и Ф. 6325, 5938 – окружных комитетов партии.

Для анализа общей политики комсомола и уточнения решений центральных комсомольских органов использовались материалы

Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ): Ф. М-1: Центральный Комитет ВЛКСМ. Оп. 2, 3, 16: протоколы, стенограммы пленумов ЦК ВЛКСМ, Бюро ЦК ВЛКСМ и материалы к ним, протоколы, стенограммы конференций, пленумов, собраний активов, заседаний бюро крайкомов, обкомов комсомола РСФСР.

Кроме того, привлекался материал из ранее изданных сборников, посвященных истории края и событиям указанного периода[1]. Были изучены публикации документов органов ОГПУ-НКВД[2].

Как дополнительные источники привлекались материалы прессы 1920-х гг. и сборники инструктивных материалов этого периода[3].

Методологическая основа диссертации. Исследование построено на принципах историзма, аналитическом, системности и объективности.

Принцип историзма определил хронологический подход к исследуемому материалу. При истолковании исторических фактов и выявлении тенденций, значимых для исследования, события

---

[1] Голоса из провинции: жители Ставрополья в 1917 – 1929 годах. Ставрополь, 2009; Документы и материалы по истории Краснодарской организации ВЛКСМ (1918 – 1976 гг.) / под ред. Н.П. Гриценко, В.А. Дмитриева, А.В. Дортгольц и др. Краснодар, 1978; Летопись донского комсомола (1920 – 1945 гг.). Ростов н/Д., 1982; Материалы к отчёту Донского окружного комитета В.К.П. (больш.[евиков]) на XII окружной партконференции (ноябрь 1925 – январь 1927 г.). Ростов н/Д., 1927; Письма во власть. 1917-1927. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям. Сост. А. Я. Лифшин, И. Б. Орлов. М., 1998.

[2] Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД: Документы и материалы в 4-х т. 1918 – 1939. Т. 2. Советская деревня глазами ОГПУ. 1923 – 1929 / под ред. А. Береловича, В. Данилова. М., 2000; Ислам и советское государство. Вып. 1 : (по материалам Восточного отд. ОГПУ. 1926 г.) / вступ. ст., сост. и коммент. Д.Ю. Арапова и Г.Г. Косача. М., 2010.

[3] «Молот» (литературно-художественный иллюстрированный журнал, приложение к одноимённой газете), «Красное знамя» (орган Кубанского окружного комитета компартии и окружного исполкома), «Молот» (орган Северо-Кавказского крайкома и Донского окружкома компартии и Донисполкома), «Советский пахарь» (орган Северо-Кавказского краевого и Донского окружного комитетов компартии), «Советский Юг».

рассматривались в совокупности и в контексте изменений, происходящих в стране. Использование аналитических принципов позволило установить причинно-следственные связи между изменениями в подходе к идеологической работе на партийном уровне и поворотами культурной политики. Именно сочетание хронологического подхода к изучаемому материалу в сочетании с аналитическим позволило выявить изменения в способах и методах культурно-просветительной работы на протяжении 1920-х годов и определить возможный период перелома.

Особое внимание уделено анализу директив, прямых высказываний и оценок, что позволило определить причины, целевые установки преобразований в культурной сфере, и мотивы, которыми руководствовались как лидеры страны и партии, использовавшие молодежь и комсомол, так и сами представители молодежи в своих действиях.

В исследовании была использована концепция, обоснованная в работах близкой тематики, о комсомоле и молодежи как специфических орудиях преобразования и одновременно с тем объектах преобразования[1]. При этом деятельность комсомола в духовной сфере жизни рассматривалась в аспекте изменений, связанных с разрушением традиционных систем ценностей и норм и становлением новых.

В работе не затрагивались проблемы ответственности молодежи и комсомола за отдельные эксцессы и негативные последствия преобразований. Результаты и способы этой деятельности оценивались с позиций достижения намеченных целей.

Представляется, что историческая оценка исследуемых фактов, процессов и тенденций складывается при объективном описании

---

[1] См.: Слезин А.А. Огосударствление комсомола: неоднозначность последствий / А.А. Слезин // Юридический мир. 2006. № 9. С. 75-78; Он же. Институализация комсомола как государственного органа: теоретическая основа // Политика и общество. 2008. №4. С. 69-71; Он же. Этатизация комсомола: второй этап // Вестник ТГТУ. 2009 Т.15. №1. С. 249-255.

естественным образом и зависит не столько от исследователя, сколько от особенностей восприятия и позиции воспринимающих указанное описание.

Научная новизна диссертации заключается в том, что работа представляет комплексное исследование, посвященное роли комсомола в формировании новой культуры в Северо-Кавказском крае в начальный период строительства советского государства.

Предложена интерпретация процессов становления молодежной идеологии, отражающая особенности периода 1920-х гг.

Показана двойственность роли комсомола в процессе преобразований в крае как средства и способа внешнего контроля и одновременно самоконтроля духовной сферы жизни молодежи. В связи с этим описан процесс превращения комсомола в массовую организацию, которая самим фактом своего создания и функционирования обеспечивала установление государственного и партийного контроля над молодежью.

Установлено использование естественных мотивов поведения молодежи для привлечения ее в комсомол и использования ее активности в формировании новой социальной организации общества.

Исследована просветительская деятельность молодежи в различных аспектах, начиная от участия в кампаниях по ликвидации безграмотности и заканчивая организацией живых газет и постановкой театрализованных представлений.

Дан анализ влияния комсомола на бытовую сферу жизни. Исследованы процессы, связанные с изменениями в быту и с девиантным поведением.

На защиту выносятся следующие положения:

1. В 1920-е годы идут процессы оформления идеологии и становления идеологических механизмов. Именно этим объясняются изменения в политике по отношению к крестьянству и казачеству, колебания в культурной политике. Кроме того, именно необходимость становления идеологической системы стала одной из основных причин усиления борьбы с религией в конце 1920-х годов, так как церковные организации со своей

сложившейся структурой рассматривались как прямые конкуренты в борьбе за новую культуру и за нового человека.

2. Комсомол становился одним из важнейших механизмов проведения идеологии и формирования «новой культуры», который создавался для формирования, контроля и самоконтроля духовной сферы жизни молодежи. Особенно значимыми эти процессы становились в регионах, где низок был уровень образования и культуры, где существовали социальные слои с устойчивыми культурными стереотипами, где высока была степень религиозности.

3. Для укрепления и роста комсомола и молодежных организаций в крае использовались не только мотивы сознательного участия в перестройке общества, но и стремление молодежи к повышению социального статуса, использование общественных организаций как защитников интересов в противостоянии со старшим поколением.

В борьбе со старой культурой органично использовалась естественная протестная активность молодого поколения, направленная против ограничивающих норм старого быта. Таким образом, комсомол адаптировал и корректировал идеологические установки «высокого уровня», упрощая их и приспосабливая к руководимой им молодежной среде.

4. Просветительская деятельность комсомольцев, участие в ликвидации безграмотности в обязательном порядке сочетались с пропагандой системы ценностей нового общества. Молодёжь, задействованная в образовательной деятельности, являлась как субъектом этой деятельности, так и объектом. Двойственное положение комсомола потенциально и объективно способствовало использованию образования и деятельности, связанной с ним, как способа повысить или хотя бы изменить свой статус.

5. Молодежь стала своего рода объектом для преобразований, иногда, например, в случае с семьей и половым вопросом, объектом для экспериментов. Не все подобные преобразования привели к положительным результатам, так одним из последствий слома старой культуры стал рост

пьянства и хулиганства на селе. В тоже время, когда процесс изменений был запущен, молодежь, будучи объектом таковых, стала и главным их проводником.

6. Несмотря на энергию молодежи, эффективность ее деятельности в культурной сфере была не велика, подтверждением чему служат результаты борьбы с религией. А эта борьба являлась одним из основных направлений деятельности комсомола в Северо-Кавказском крае, главным образом потому, что именно религиозные организации обладали исторически сложившимся аппаратом агитации, а, следовательно, составляли конкуренцию новой культуре, а, следовательно, новой власти. Именно поэтому стремление включить всю молодежь в работу в организованных государством и партией структурах стало эффективным способом управления, с помощью которого осуществлялась не только постановка под контроль повседневной жизни молодых людей, но и расширялись возможности идеологического воздействия на молодежь.

Практическая значимость исследования заключается в том, что данные, приведенные в диссертации, сделанные наблюдения, полученные результаты и предложенные выводы могут быть использованы для дальнейшего изучения проблемных вопросов отечественной истории и истории Северо-Кавказского края. Возможно использование материалов диссертационного исследования при написании учебников и учебных пособий и в процессе преподавания истории в высшей школе, в средних специальных учебных заведениях.

Кроме того, на современном этапе, когда идеологические схемы, способствующие конструктивной активности молодежи, не действуют, потому что старые разрушены или не востребованы, а новые еще только формируются, исследование, посвященное развитию молодежных организаций в переходные периоды истории, представляется востребованным. Опыт построения таких организаций, как комсомол, опыт использования энергии молодежи в культурном строительстве в годы

советской власти представляется особо значимым. Полученные в результате работы выводы, а также выдвинутые предположения могут оказать существенную помощь в решении проблем современной молодежной политики и конструировании современных форм молодежного движения.

Апробация диссертации проведена на научных конференциях и в публикациях автора. Основные идеи и положения диссертации отражены в 12 научных статьях, в том числе в 8 публикациях в рецензируемых журналах из Перечня ВАК (общий объем – 7, 2 п. л.).

Структура диссертации соответствует поставленным задачам: диссертация состоит из введения, двух глав, разделенных на параграфы, заключения, списка использованных источников и литературы.

Глава 1. Институализация комсомола в советском обществе 1920-х годов

1.1. Формирование молодежной идеологии: тенденции и понятия

Основной задачей советской власти и партии большевиков сразу же после окончания Гражданской войны и интервенции стало создание новой системы управления, перестройка социальных механизмов. «Начало революции» так лидер партии называл октябрьский захват власти и события, последовавшие за ним[1]. Политический переворот сам по себе не гарантировал удержание власти и, тем более, не обеспечивал становление новой социальной организации общества. «Автоматические механизмы» и преимущества новой организации общества, на которые поначалу рассчитывали большевики, не сработали, и расчет на органический переход к обществу нового типа не оправдался. О том, что подобные представления были распространены в партии, свидетельствовала позиция ее лидера, В.И. Ленина. Он вплоть до начала «внутренней» гражданской войны[2], угрожавшей сохранению власти большевиков, придерживался линии построения социалистического общества с помощью политики «военного коммунизма».

Опора на марксистские принципы, превратившиеся в лозунги, не давала сразу необходимого или контролируемого результата, а рационального плана строительства нового общества и программы преобразований новая власть не имела.

Требовалось изменить общественные структуры, провести хозяйственные реформы, сформировать систему ценностей, адекватную

---

[1] Ленин Н. О значении воинствующего материализма // Ленин В.И. Полн. Собр. Соч., 5-е изд., М., 1970. Т. 45. С. 23.

[2] Речь идет о крестьянских выступлениях на Юге России, в Тамбовской губернии, в Западной Сибири, развернувшихся в конце 1920 – начале 1921 гг.

новому социальному порядку. Необходимо было все это организовывать, проводить и контролировать. Подобные изменения не могли быть произведены за один раз даже при наличии обоснованного плана и выверенных перспектив, но ни планов, ни точных ориентиров не существовало. Существовали лишь отдельные высказывания классиков марксизма, причем и эти высказывания, как показывала практика, не всегда оказывались работающими[1], то есть действовать пришлось методом проб и ошибок.

Поиски путей построения общества нового типа проходили в напряженной борьбе за власть в партии, которая, по сути, означала борьбу за власть в государстве. Фактически уже на первых этапах обсуждения планов развития государственной власти и государства был осуществлен выбор в пользу жесткой централизации в принятии властных решений. И первый шаг в этом направлении сделал лидер партии: именно по инициативе В.И. Ленина была принята резолюция «О единстве партии»[2], которая ограничивала возможности обсуждения. Обстановка, сложившаяся в стране в тот момент, не способствовала дискуссиям[3], но она же, эта обстановка, свидетельствовала о необходимости разумного выбора, трезвой оценки способов и методов возможных преобразований. Впоследствии именно выбор путей развития страны будет совмещаться с обострением борьбы за власть. И признание того или иного плана будет неразрывно связано с укреплением властных позиций.

На том же съезде, на котором была принята разработанная В.И.

---

[1] Так, например, В.И. Ленин, по воспоминаниям К. Цеткин, утверждал, что «пролетариат — восходящий класс ... не нуждается в опьянении, которое оглушало бы его или возбуждало. Ему не нужно ни опьянение половой несдержанностью, ни опьянение алкоголем». Цит. по: Цеткин К. Воспоминания о Ленине. М., 1955. С. 50.

[2] В издании стенограмм и протоколов X съезда она имеет название «Об единстве партии». См.: Десятый съезд РКП(б). Март 1921 г.: Протоколы. М., 1933. С. 585-587.

[3] 11 марта на вечернем заседании X съезда РКП(б) была проведена мобилизация 300 делегатов съезда, направленных на подавление Кронштадтского мятеж. См.: Кронштадтская трагедия 1921 года. Документы. В 2-х кн. М.: 1999.

Лениным резолюция, впервые после революции прошло широкое обсуждение «агитационно-пропагандистской работы партии». Вопрос об организации пропагандистской работы стал следствием неготовности широких масс принять ценности партии. Растерянность руководства большевиков прозвучала с трибуны съезда: «Мы все еще являемся какими-то оккупаторами [так в тексте] в стране, как армия, которая держится в стране и держит всех силой своей сплоченности, идеализма и энергии и которая не обрела еще спайки с широкими массами. Эту спайку можно обрести при условии, что нас может выручить какой-то невероятный хозяйственный подъем, который даст нам возможность всех одеть и накормить»[1].

Однако рассчитывать на «невероятный хозяйственный подъем» в сжатые сроки не приходилось по многим причинам. Поэтому для создания этой «спайки» в стране была развернута пропагандистская и идеологическая работа. В программной статье «О значении воинствующего материализма» уже в марте 1922 г. в В.И. Ленин писал: «Об общих задачах журнала “Под Знаменем Марксизма” тов. Троцкий в № 1 – 2 сказал уже все существенное и сказал прекрасно. Мне хотелось бы остановиться на некоторых вопросах, ближе определяющих содержание и программу той работы, которая провозглашена редакцией журнала во вступительном заявлении к № 1 – 2.

В этом заявлении говорится, что не все объединившиеся вокруг журнала “Под Знаменем Марксизма” – коммунисты, но все последовательные материалисты. Я думаю, что этот союз коммунистов с некоммунистами является безусловно необходимым и правильно определяет задачи журнала. Одной из самых больших и опасных ошибок коммунистов (как и вообще революционеров, успешно проделавших начало великой революции) является представление, будто бы революцию можно совершить руками одних революционеров. Напротив, для успеха всякой серьезной революционной работы необходимо понять и суметь претворить в жизнь, что революционеры способны сыграть роль лишь как авангард действительно

[1] Десятый съезд РКП(б). Март 1921 г.: Протоколы. М., 1933. С. 158.

жизнеспособного и передового класса. Авангард лишь тогда выполняет задачи авангарда, когда он умеет не отрываться от руководимой им массы, а действительно вести вперед всю массу. Без союза с некоммунистами в самых различных областях деятельности ни о каком успешном коммунистическом строительстве не может быть и речи»[1].

Статья задавала границы, в которых должны были находиться материалы, публикуемые в философском журнале[2]. В результате был сформулирован принцип «единства марксистской философии». Череда дискуссий, последовавшая затем, привела к последовательному устранению всяких отступлений от признаваемой партией линии[3]. Именно на базе единого партийного подхода и началось формирование новой советской идеологии.

Характеризуя ситуацию, сложившуюся в то время, некоторые исследователи писали: «При жизни В. Ленина и вообще в 20-х годах понятие «идеология» еще не было центральным, доминирующим в идейной жизни. Уже одно то, что весьма авторитетные теоретики марксизма, какими были В. Адоратский и И. Разумовский, вообще выступали против этого понятия и ратовали за его изгнание, за «возврат к Марксу» в деле его интерпретации, свидетельствовало, насколько слабыми были еще корни, пущенные им. Более того, в 20-х годах понятие «идеология» употреблялось преимущественно как антипод «материальному», подчеркивалось, что «общественные явления делятся на материальные и идеологические, причем первые определяют

---

[1] Ленин Н. О значении воинствующего материализма // Ленин В.И. Полн. собр. соч., 5-е изд., М., 1970. Т.45. С. 23-24.

[2] Журнал «Под Знаменем Марксизма» выходил с января 1922 г. по июнь 1944 г., преемником этого журнала считается журнал «Вопросы философии», выходит с июля 1947 г.

[3] См.: Иегошуа Яхот. Подавление философии в СССР (20-е - 30-е годы) // «Вопросы философии». М. 1991. №№ 9,10,11; История философии в СССР . В 5 т. Т. 5: [В 2 кн.]. М., 1988.

вторые»[1], соответственно, считалось, что изменение материальных условий и явлений автоматически должно было порождать изменение идей и духовной культуры. Возможно поэтому в документах партии до середины 1920-х годов понятие «идеология» употребляется довольно сдержано.

В современной науке понятие «идеология» также употребляется осторожно и не всегда определенно. Оно, в целом, остается проблемным и порождает споры. Поэтому представляется необходимым уточнить то его содержание, которое будет использоваться в исследовании.

На сегодняшний день в науке сохраняется устойчивое разделение сфер жизни общества на материальную и духовную. В первой из них люди живут и действуют с целью обеспечить свою жизнь и существование, во второй человек и общество формируются, обрабатываются применительно к условиям и требованиям определенных исторических условий[2].

В сложных и развитых обществах происходит разрастание и усложнение духовного аспекта жизни общества, возникает целая подсистема, состоящая из множества людей, социальных групп и организаций, связанных в основном с формированием этого аспекта, то есть складываются институты и механизмы духовной сферы. К этим механизмам могут быть отнесены: общественные и религиозные организации, институт образования, пресса, различные организации в сфере искусства и многие иные.

В результате всех этих процессов происходит выделение специфической области духовной жизни, которая может быть определена как

---

[1]Иегошуа Яхот. Подавление философии в СССР (20-е - 30-е годы) // «Вопросы философии». М. 1991. №№ 9, 10, 11 [Электронный ресурс]. URL: http://www.ihst.ru/projects/sohist/papers/yakh91vf.htm (Дата обращения: 17.02.2017).

[2] Несмотря на различия подходов и теоретических положений, этой точки зрения придерживается большинство исследователей. Именно она излагается в учебных курсах. См. для сравнения таких разных исследователей: Грамши А. Тюремные тетради : [Пер. с итал.]. Москва: Политиздат, 1991. 1.ч. С. 25; Зиновьев А.А. Логическая социология : избранные сочинения М., 2008. С. 134-145.

связанная с формированием практического или поведенческого сознания людей, ее чаще всего и называют идеология. В современных науках понятию «идеология» приписываются самые различные значения. Так, в работах иностранных исследователей предпринимались попытки развести определения идеологии и ideology[1]. Однако подавляющее большинство специалистов объединяет убеждение в том, что идеология – это совокупность понятий, суждений, идей, учений, концепций, мнений[2]. Иначе говоря, это, прежде всего, некоторый набор текстов и утверждений. Расхождения в представлениях об этом феномене общественной жизни связаны, главным образом, с особенностями функционирования текстов, с их использованием и с оценкой утверждений, содержащихся в них. Рассмотрим существующие подходы, характеризующие идеологию с содержательной и функциональной сторон.

На сегодняшний день идеология – это система взглядов, установок, принципов, задающих ориентиры человеку, социальной группе, обществу в целом и способствующая формированию определенных моделей поведения. Идеология признается объективным явлением и не рассматривается как следствие и/или проявление заблуждений, «злой воли», попыток намеренного манипулирования. Современные исследователи полагают, что она опирается на накопленные знания об обществе и мире в целом[3]. С последним утверждением сложно согласиться, так как варианты решения задач почти в обязательном порядке получают ту или иную оценку. Кроме

---

[1] Манхейм К. Идеология и утопия // Диагноз нашего времени: Пер. с нем. и англ. М., 1994. С. 7-276.

[2] Словарь русского языка. Под ред. А. П. Евгеньевой. т. 1-4. М., 1981-1984; The Concise Oxford Dictionary. Oxford University Press, 1964; Longman dictionary of English language and culture / Ed. director Della Summers. Harlow (Essex): Longman, 1992; См.: Тер-Минасова С.Г. Языки межкультурная коммуникация. М., 2000.

[3] Рачков П. А. О смерти и бессмертии идеологии // Вестник Московского университета. Сер. 7, Философия. 1999. № 2. С. 42.

того среди функций, признаваемых за идеологией выделяют такие, которые прямо связаны с воздействием на сознание людей, в том числе с манипулированием, пусть и не из «злой воли».

Например, одной из главных функций называют легитимацию власти, однако в предельном выражении её реализация связана с оправданием и укреплением классового господства[1]. Но, даже если оставить в стороне сильное понятие «господство», можно ли будет говорить об осуществлении легитимации власти без использования «намеренного манипулирования»? Поскольку в многочисленных работах исследователями приводятся примеры именно управления поведением, а англоязычные словари относят функцию манипулирования к ведущим функциям, указанный вопрос можно рассматривать как риторический.

Формирование идентичности социальных групп, осознание принадлежности индивидом к данной, конкретной группе, возможности коллективного действия – эти задачи также призвана решать идеология[2]. При этом процесс принятия индивида в группе зависит от того, насколько полно в его поведении будут проявляться ценности и принципы, разделяемые большинством группы. Если же он не признает этих ценностей и принципов или же они не проявляются в его действиях, он обречен занимать маргинальное положение.

Не менее важной функцией идеологии является функция снятия социального напряжения, которая реализуется за счет уже готовых реакций, моделей поведения, заданных оценок. Насколько объективны оценки, рациональны модели поведения, до какой степени они связаны с личными убеждениями индивида, эти вопросы остаются открытыми.

Реализация этих функций связывается с различными характеристиками идеологий, которые зачастую взаимно противоречат друг другу.

---

[1] Манхейм К. Идеология и утопия // Диагноз нашего времени: Пер. с нем. и англ. М., 1994. С. 25.

[2] Грамши А. Тюремные тетради : [Пер. с итал.]. Москва: Политиздат, 1991. Ч. 1. С. 25.

Так, утверждения, составляющие идеологию, по мнению одних исследователей, должны быть согласованы, однако степень согласованности и аспекты согласования не указываются. В то же время, фактически безусловным считается тот факт, что совокупность утверждений, принимаемых группой, позволяет индивидам достаточно легко использовать критерий «свой – не свой» по отношению к иным индивидам.

Не менее противоречивыми выглядят описания идеологии как отвлеченной структуры, содержащей термины высокой степени абстракции, и как системы положений, определяющих конкретные действия и реакции,

Очевидным для описания идеологии является термин «стабильность», так как для социальных групп необходима неизменность совокупности базовых текстов на протяжении некоторого исторического времени. При этом стабильность идеологии не отменяет ее гибкости и возможности перестроения.

«Элитарные» политические концепции вновь сделали актуальной проблему, связанную с полемикой о том, насколько истинными являются идеологические положения. В настоящее время наблюдается тенденция признавать некоторые основания идеологий истинными. В этой полемике отражается претензия идеологов на научность или, по меньшей мере, на связь с данными науки. При этом в стороне остается вопрос об адекватности упрощенных форм идеологических утверждений научным положениям, выраженным в строгом виде.

Указанная выше проблема восходит через К. Манхейма к начальным представлениям об идеологии, например, к критике, высказанной К. Марксом. Уже тогда подчеркивалось такое свойство идеологии как «интерпретированность» фактов и теорий с определенных групповых позиций.

Можно констатировать, что единство по вопросу, как истолковать понятие «идеология», так и не сложилось. В то же время, характеризуя идеологию с внешней стороны – по строению, сфере бытования – все

исследователи сходятся в том, что и большие, и малые группы могут вырабатывать определенную идеологию. При этом отмечается, что совокупность суждений, как правило, иерархична, то есть существуют базовые тексты, истолковывающие и практически используемые.

Если взять за основу эти внешние характеристики, то можно предположить, что сущностные расхождения в оценках содержания и функций идеологии, связаны с тем, что оцениваются разные уровни бытования идеологии. Это предположение позволяет объяснить разноплановость характеристик и противоречивость оценок, даваемых исследователями.

Рассмотрим для иллюстрации указанного предположения такой пример. В некоторых случаях единая идеология является обязательным элементом политического режима государства. При целенаправленной идеологической работе необходимы будут высшие органы, вырабатывающие наиболее общие установки – уровень структурной абстракции, среднее звено, доводящее и истолковывающее идеологические установки – уровень реализации и пропаганды, нижний уровень, на котором установки будут реализовываться в поступках и действиях – уровень бытования.

1920-1930-е гг. в истории России могут рассматриваться как чистый пример, подтверждающий сказанное выше, потому что позволяют увидеть, как последовательно складывались указанные уровни.

Обратимся к ряду исследований и фактов, относящихся к данной сфере и связанной со становлением систем пропаганды, политического контроля в 1918 – 1929- х гг.

«Идеология (общественная) есть система мыслей, чувств или правил поведения (норм)»[1], - так определяет идеологию один из ведущих теоретиков большевиков в 1922 г. Уже здесь можно найти сочетание системы взглядов и системы моделей поведения, характерное, прежде всего для низшего уровня

1 Бухарин. Н. Теория исторического материализма : Популярный учебник марксистской социологии. М.-Л., 1928. С. 239.

бытования. Очевидно также, что в этом определении содержится признание важности идеологической работы, без которой невозможно изменение социальных норм поведения. Именно поэтому такая работа активно велась большевиками в 1920-х годах, когда первоочередной задачей стало переформатирование страны.

Однако до сих пор сохраняется представление об указанном периоде как особом по духу свободы и развития. Это объяснимо, во-первых, тем, что в 1920-х годах понятие «идеология» употреблялось преимущественно в качестве антипода «материальному», подчеркивалось, что общественные явления делятся на материальные и идеологические, причем первые определяют вторые»[1]; во-вторых, еще неустоявшейся на тот момент и не набравшей силу системой контроля общества нового типа. Новое общество только становилось, оформлялось как идеологически монолитное: еще возможна была полемика о путях развития государства[2], еще велись споры о развитии молодежных организаций[3], еще множились направления в культуре и в теории культуры[4]. Вместе с тем, те же деятели культуры, которые вспоминают о «духе свободы 20-х», не замечали или признавали несущественными уже происходившее и отчасти произошедшее вычеркивание старых ценностей, уже начавшуюся замену системы ценностей, замену религии нерелигиозной идеологией. Более того, именно в

---

1 Иегошуа Яхот. Подавление философии в СССР (20-е - 30-е годы) // «Вопросы философии». М. 1991. №№ 9, 10, 11 [Электронный ресурс]. URL: http://www.ihst.ru/projects/sohist/papers/yakh91vf.htm (Дата обращения: 17.02.2017).

2 См.: 10-й съезд РКП(б) (8-16 марта 1921 года): Протоколы. М., 1933; 12-й съезд РКП(б) (17-22 апреля 1923 года): Стенографический отчет. М., 1968; 15-й съезд ВКП(б): Стенографический отчет. Москва - Ленинград, 1928.

3 См. обсуждение этой темы в выступлении А.В. Луначарского: Десятый съезд РКП(б). Март 1921 г.: Протоколы. М., 1933. С. 157-159.

4Кобрин К. "Человек 20-х годов". Случай Лидии Гинзбург (к постановке проблемы) [Электронный ресурс]. URL: http://magazines.russ.ru/nlo/2006/78/kk3-pr.html (Дата обращения: 17.02.2017).

эти годы закладывались основы системы политического контроля, включающие в себя государственные органы и общественные организации, создаваемые под партийным контролем.

В молодежной политике, направленной на политический и идеологический контроль масс, таким примером служит разгром идей В.А. Дунаевского, предлагавшего развивать молодежные организации как особые, независимые от партии. По его мысли комсомол должен был стать таким объединением, в которой допускалось бы высказывать «путем свободного волеизъявления своих членов своё отношение к вопросам как общеполитическим, так и различных областей жизни молодёжи, форм и путей своей работы»[1]. В.А. Дунаевский за такое предложения был отстранен от работы с молодежью и исключен из партии на полгода.

Этот пример, а также рассмотренный выше, в связи с «монолитизацией философии», достаточно показательны, чтобы говорить о том, что особый дух 20-х годов был возможен только в тех сферах общественной и культурной жизни, которые еще не были охвачены политическим контролем. В свою очередь, политический контроль предполагает идеологический уже потому, что он не сводится только к «системе регулярного сбора и анализа информации различными ветвями государственного аппарата о настроениях в обществе, отношении различных его слоёв к действиям властей, о поведении и намерениях экстремистских и антиправительственных групп и организаций».[2] Поскольку политический контроль – это и «закономерная и вполне легальная деятельность подразделений власти. Она обусловлена

---

[1] Цит. по: Криворученко В.К. Молодёжь, комсомол, общество 30-х годов XX столетия: к проблеме репрессий в молодёжной среде. 2011. [Электронный ресурс] // Московский гуманитарный университет. URL: http://doc.knigi-x.ru/22monografiya/87964-1-moskovskiy-gumanitarniy-universitet-krivoruchenko-molodezh-komsomol-obschestvo-30-h-godov-stoletiya-probleme-repressiy.php (дата обращения 25.09. 2017).

[2]Измозик В.С. Политический контроль в советской России 1918-1928 гг.: Автореф. дис. … д-ра ист. наук. М., 1995. С. 13.

объективной необходимостью в получении и оценке информации о настроениях граждан, восприятии ими актуальных вопросов общественно-политической и экономической жизни страны, действиях власти в данных сферах»[1]. Но в случае с организацией нового общества – с единой партией во главе – такая система подразумевала наличие некоего набора базовых норм, принятых данной партией, задающих модель должной «системы мыслей, чувств или правил поведения», то есть идеологии.

Следует отметить, что органы цензуры, а это органы контроля за литературой, художественной культурой, формировались последовательно с самого прихода большевиков к власти. Отдельные отклонения, упущения 1920-х годов связаны в основном с началом процесса становления цензуры и с неясностью и нерешенностью отдельных идеологических вопросов.

Большевики исходили из принципов, высказанных их лидерами еще до прихода к власти: «Когда революционный класс ведет борьбу против имущих классов, которые оказывают сопротивление, то он это сопротивление должен подавлять; и мы будем подавлять сопротивление имущих всеми теми средствами, которыми они подавляли пролетариат, – другие средства не изобретены»[2].

Формирование контрольных органов началось еще в период Гражданской войны. 20 ноября 1920 г. на II съезде Пролеткульта будущий руководитель Главлита говорил: «Диктатура в области духовной обнимет и политическую, и экономическую жизнь… Когда мы сумеем провести диктатуру пролетариата в области духовной культуры, то мы и в области политического и экономического движения сумеем внести много таких организационных моментов, которые были не свойственны буржуазному

---

[1]Слезин А.А. За «новую веру». Государственная политика в отношении религии и политический контроль среди молодёжи РСФСР (1918 – 1929 гг.). М., 2009. С. 4.

[2] Ленин В.И. Речь по вопросу об Учредительном собрании // Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1977. Т. 35. С. 136.

обществу»[1].

В условиях нэпа проблема контроля приобрела в глазах лидеров партии особую остроту. Так, в решениях XII съезда партии, прошедшего 17 – 25 апреля 1923 г., в резолюции «По отчету ЦК РКП» отмечалось все возрастающее сопротивление «врагов партии», которые в своих выступлениях противопоставляли «советское государство рабочему классу и партию советскому государству». В ней подчеркивалось: «XII съезд не может закрывать глаза на то, что обстановка НЭПа создает почву для уклонов, опасность которых должна быть предусмотрена партией, и которым партия должна с самого же начала дать решительный идейный отпор»[2].

Значимость ограничений в духовной сфере жизни от признаваемых чуждыми элементов иных идеологий или даже шире иных духовных культур признавалась победившей партией и закономерно приводила к ограничениям в печатном слове. В том же 1923 г. в своей работе «Литература и революция» Л.Д. Троцкий писал: «Если мировая буржуазия колеблется вкладывать капитал в советские концессии, то она ни на минуту не поколебалась бы вложить средства в газеты и издательства во всех концах революционной страны. Вот этого революция не может допустить. И у нас есть цензура, и очень жестокая, она направлена против союза капитала с предрассудком. В тот день, когда пролетариат прочно победит в наиболее могущественных странах Запада, – цензура революции исчезнет за ненадобностью»[3].

Первые органы, созданные для контроля над прессой, появились в составе ВЧК. Особый отдел ВЧК в 1920 г. сосредоточил в своих руках функции военной цензуры, что, в принципе, в условиях Гражданской войны было объяснимо. Но сфера контроля начинала расширяться: 21 декабря 1921

---

[1] Лебедев-Полянский П.И. О пролетарской культуре : (Стенограмма речи, произнесенной в Москве 20 ноября 1920 г.) / П. М. [!] Лебедев-Полянский. Ростов н/Д: Донск. обл. отд., 1921. С. 9.

[2]См.: Резолюции и постановления XII съезда РКП (б). М., 1923. С. 6.

[3] Троцкий Л.Д. Литература и революция. М., 1923. С. 11.

г. в структуре секретно-оперативного управления ВЧК был создан отдел политконтроля, первоначальной задачей которого стала перлюстрация почтово-телеграфной корреспонденции[1], но уже в 1922 после переформирования ВЧК в ГПУ (Государственное политическое управление при НКВД РСФСР) в структуре отдела появляются 1 отделение (печати и зрелищ), 2 отделение (почтово-телеграфное)[2]. Помимо этих функций на ГПУ возлагалась функция контроля за работой издательств, типографий и книжных магазинов, за ввозимой и вывозимой из страны литература, а с весны также контроль за деятельностью театров, филармоний[3].

Можно отметить, что указанный орган контроля оставался неофициальным, скрытым, а официальным органом стало учрежденное декретом СНК РСФСР от 6 июня 1922 г. Главное управление по делам литературы и издательств (Главлит) при Наркомпросе РСФСР[4]. Еще одним декретом СНК РСФСР от 9 февраля 1923 г. при Главлите был создан Комитет по контролю за репертуарами и зрелищами (Главрепертком)[5].

Первоначально официальное контрольное ведомство оказалось в структуре Наркомпроса РСФСР, однако по влиянию и значимости Наркомпрос занимал далеко не ведущее место. Ситуация была быстро «исправлена»: в состав комиссий Главлита стали в обязательном порядке включаться представители ГПУ, что позволяет сделать вывод о «руководстве» ГПУ цензурными органами[6].

В июле 1925 г. было принято Постановление ЦК ВКП (б) «О политике партии в области художественной культуры» и главным контролирующим

---

[1]Мозохин О. ВЧК-ОГПУ. Карающий меч диктатуры пролетариата. М., 2004. С. 63.

[2] Там же. С. 30.

[3]Там же. С. 63.

[4] СУ РСФСР. 1922. № 40. Ст. 461.

[5] СУ РСФСР. 1923. № 14. Ст. 177.

[6] За кулисами «Министерства правды». Тайная история советской цензуры. 1917-1929. СПб., 1994. С. 105, 108.

органом стал Отдел печати ЦК ВКП(б)[1].

Параллельно с созданием цензурных органов шло развитие государственных и партийных средств массовой информации, ориентированных на пропаганду среди основной части населения. В свете темы исследования рассмотрим ниже отдельные аспекты формирования молодежной прессы, с одной стороны, и механизмы воздействия и контроля, связанные с печатным словом.

Уже в Программе РКСМ, принятой в октябре 1920 г., отмечалось, что «политико-просветительная работа союза ведется через: а) юношескую печать, освещающую жизнь и движение молодежи…». XI съезд РКП(б) в 1922 г. признал прямо необходимым создание литературы для рабоче-крестьянской молодёжи, «которая могла бы быть противопоставлена влиянию на юношество со стороны нарождающейся бульварной литературы…»[2]. Создаваемые органы печати должны были содействовать «широкой агитационной работе союза в массах рабоче-крестьянской молодежи…»[3]. В постановлении ЦК ВКП(б) от 23 июля 1928 г. отмечалось, что «основной задачей юношеской и детской печати должно являться коммунистическое воспитание рабочей и крестьянской молодёжи, внедрение в юношескую среду боевых традиций большевистской партии…»[4].

Отметим, что не только молодежные газеты и журналы попадали под контроль, даже круг чтения определялся партийными органами. Руководством комсомола составлялись списки рекомендованной для чтения литературы, причем основными авторами в этих списках были лидеры партии. Тематика рекомендованных произведений имела непосредственно идеологический, пропагандистский характер, например: «Бердников и Светлов: Что должен знать каждый рабочий и крестьянин, вступающий в

---

[1] Известия ЦК РКП(б). 1925. №25-26. С. 8-9.

[2] Советская печать в документах. М., 1961. С. 48.

[3] Комсомол и молодёжная печать (1919-1972 гг.): сборник. М., 1973. С. 48.

[4] Советская печать в документах. М., 1961. С. 244.

РКП»; «Азбука коммунизма» Н.И. Бухарина и Е.А. Преображенского[1].

Одним из методов контроля и косвенной пропаганды являлись утверждаемые программы чтения как в школе, так и в молодежных организациях. Следует отметить, что чтение превращалось из индивидуального занятия в общественное, потому что в обязательном порядке проходили публичные обсуждения произведений общественно-политической литературы, ориентиром для них служили оценки, высказанные в партийной и комсомольской прессе. Это в свою очередь, означало требование выразить свою позицию по прочитанному, то есть сделать мысли и чувства доступными для контроля.

Особое место в литературе и в пропаганде 1920-х годов занимало утверждение «новых культов» в молодежной среде. Речь здесь идет о культах героев и вождей революции, которые должны были стать нравственно-идеальными ориентирами для нового поколения.

В этой деятельности широко использовались различные приемы: от переименования улиц и населенных пунктов до митингов и шествий, включающих использование традиционных религиозных символов. При этом значения символов перетолковывались: так, красный цвет, имевший значение глубины, сущности, превращался в цвет революционной жертвенности; звезда, символизировавшая в зависимости от формы и мудрость, и всеведение, и спасение, явленное миру, становилась символом революционного обновления; многочисленные штандарты и знамена демонстраций использовались так, чтобы типически соответствовать святым хоругвям крестных ходов[2]. Архивные данные свидетельствуют о том, что

---

[1] См. об этом: Слезин А.А., Скоропад А.Э. Быт и досуг комсомольцев в сфере политического контроля в РСФСР 1918-1929 гг. // NB: Исторические исследования. 2014. № 2. С. 78-105.

[2] См.: Глебкин В.В. Ритуал в советской культуре. М., 1998; Красный цвет в русском искусстве. Альбом / Науч. руководитель Е.Н. Петрова. Авт. вступ. статей: Е.Н. Петрова, И. Киблицкий, Т.Б. Вилинбахова. СПб, 1997.

даже массовое производство изображений и портретов вождей и их обязательное размещение в «красном углу», на лучшем месте замещало не столько старые портреты, сколько иконы[1].

Вождизм, в принципе, характерен для эпох исторической ломки и опирается на особенности харизматического лидерства, то есть на особые выдающиеся качества лидера, именно поэтому его можно считать нерациональным, спонтанным явлением. Однако создание культа вождей в 1920-х годах имело целенаправленный и систематический характер. Подобная практика не может считаться новой: в радикальных кругах приемы подобного «обожествления» и придания «святости» встречались и в предыдущие эпохи, например: стихотворение Н.А. Некрасова «Памяти Добролюбова» построено на понятиях, в которых описывается деятельность христианских святых. Соответственно, новая власть с помощью создания культа В.И. Ленина и других вождей, а впоследствии культа И.В. Сталина использовала одно из средств легитимации власти в данных исторических условиях.

Особое место занял культ главы государства В.И. Ленина. Именно поэтому так резко и постоянно говорилось о безошибочности его взглядов, особой роли в управлении страной и в революции. Следует отметить тот факт, что после начала болезни В.И. Ленина, после исчезновения его из реального публичного пространства, работа по формированию культа только усилилась. Из невидимого и неслышимого вождя легче было сделать идеальный образ всегда правого и мудрого руководителя. К тому же появилась возможность комментировать высказывания и цитаты лидера по своему произволу, что позволяло представить их как содержащие всю совокупность необходимого для жизни знания. В итоге идейная основа партийной политики получила новое название «ленинизм».

Утверждались и культы других вождей, что находило свое выражение в

---

[1]РГАСПИ. Ф. 357. Оп. 1. Д. 18. Л. 4 исл.

«именных названиях» учреждений, предприятий, городов, например: «Коммунистический университет им. Тов. Зиновьева».

Культ и формировался как культ, включающий не только тексты, но и изображения – портреты вождей в комсомольских учреждениях, в общежитиях.

Исследователи отмечают, что даже смерть Ленина была обставлена религиозно-магическими процедурами.

19 февраля 1924 г. ЦК РКСМ принял циркуляр «О пропаганде ленинизма в союзе», в котором главное внимание было уделено изучению ленинского наследия, а вскоре с подачи А.В. Луначарского культ был закреплен присвоением комсомолу имени Ленина – VI Всероссийский съезд РКСМ принял решение о переименовании РКСМ[1].

Ссылаясь на знаменитую фразу Н.К. Крупской «Ленина не надо превращать в икону»[2], некоторые исследователи полагают возможным говорить о том, что не все были согласны с признанием «ленинизма» как своего рода «канона». Эту фразу истолковывают как призыв к критическому подходу по отношению к политике партии и «учению» в целом[3]. Вероятно, такой подход связан со стремлением противопоставить относительную либеральность «ленинизма» 1920-х годов жесткости сталинского «ленинизма». Представляется, что такой подход не учитывает прямолинейности высказываний самого В.И. Ленина в своих идеологических сочинениях и в речах, направленных против противников. Не менее ригористичен был и критик «начетничества» Н. И. Бухарин. Единственным отличием между отношением к «учению» может служить лишь то, что В.

---

[1]Слезин А. А. Становление культа Ленина в комсомоле // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2011. № 3. С. 20 - 21.

[2] VI съезд РЛКСМ, 12-18 июля 1924 г.: Стеногр. отчет. М.-Л., 1924. С. 16.

[3] Криворученко, В.К. Советское общество в воспитании молодежи. 1917-1941 гг. [Электронный ресурс]: http://www.zpu-joumal.rU/e-zpu/2011/4/Krivoruchenko~Tsvetliuk_Soviet_Society/ (дата обращения 21.03.2016).

И. Ленин и Н.И. Бухарин цитировали К. Маркса, а впоследствии, например, И. В. Сталиным цитировался В. И. Ленин[1].

Выше уже говорилось, что инициатором жесткого единства в партии был сам В. И. Ленин, именно резолюция «Об единстве партии»[2] (так в первом издании стенограмм 10-го съезда – А.Ш.) фактически предопределила общую картину борьбы за власть в стране и в самой партии, при этом она принималась в связи с вопросом, который не имел и не мог иметь «истинного решения». Последовавшая затем борьба за власть всеми сторонами велась одинаково с точки зрения идеологического и интеллектуального обоснования: со ссылками на К. Маркса и В.И. Ленина. Отметим здесь высказывание Н. И. Бухарина о том, что в меньшинстве правота возможна лишь у В. И. Ленина[3].

Победа И. В. Сталина, вероятно, может быть объяснена как раз «гибкостью» его позиций и опорой на уже почти сформированный бюрократический партийный ресурс, позволявший не только контролировать членов партии и комсомола, но и навязывать заранее подготовленные решения, в том числе и пропагандистскими способами. Поэтому культ И. В. Сталина может рассматриваться как закономерно производный от культа В. И. Ленина и других вождей.

В тех случаях, когда пропаганда, агитация, убеждение не позволяли добиться нужного результата в духовной сфере жизни, необходимого для страны, следовало изменение основополагающих принципов, норм или моделей поведения. Если же это изменение было невозможно, то старое вычеркивалось, чтобы очистить место новому. Вычеркивались как

---

1. [1] Интерес в этом плане представляет один из разделов «Заключительного слова по докладу на VII расширенном пленуме ИККИ» 13 декабря 1926 г., названный «Зиновьев в роли школьника, цитирующего Маркса, Энгельса, Ленина». См.: Сталин И.В. Сочинения. Т. 9. М., 1948. С. 62-151.

[2] Десятый съезд РКП(б). Март 1921 г.: Протоколы. М., 1933. С. 585-587.

[3] См.: Слезин А.А. За новую веру… С. 153.

принципы, так и носители старых принципов. Показательно в этом смысле отношение к религии и борьба с ней, начавшаяся с первых дней советской власти.

С опорой на учение К. Маркса выстраивались концептуальные идеологические теории высшего уровня, а именно: религия рассматривалась как «отклонение от нормы», так как «любые религиозные различия несущественны в силу их производности от базисных материальных факторов»[1]. Поэтому смена этих базисных факторов, связанная с ликвидацией эксплуатации, закономерно должна была привести к ликвидации «отклонение от нормы». Соответственно, первоначальная спокойная реакция советской власти на церковную деятельность и даже поддержание «определенных взаимоотношений с конфессиональными объединениями». Именно в таком подходе, когда казалось, что смена базисных экономических оснований жизни автоматически приводит к ликвидации надстроечных элементов, коренилась легкость первой, прямой атаки на религиозность – «штурм небес».

Простая аргументация о закономерном столкновении мировоззрения «отцов» и «детей» вкупе с тезисами о пособничестве церкви и религии контрреволюции представлялась достаточной. Объяснения сводились к самым простым, например, в «Азбуке коммунизма» Н.И. Бухарина и Е.А. Преображенского, в параграфе девяностом «Отделение церкви от государства», писали: «Для коммуниста церковь – это общество людей, объединенных источниками дохода за счёт верующих, за счёт их невежества и темноты»[2].

Такой логике следовали печатные издания в борьбе «с невежеством и темнотой». Адаптацией положений марксистской теории для пропаганды в среде малокультурного большинства занимались специальный журнал

---

[1] Слезин А.А. За «новую веру» … С. 6.

[2] Бухарин Н.И., Преображенский Е.А. Азбука коммунизма. Популярное объяснение программы Российской Коммунистической партии Большевиков. Гомель, 1921. С. 195.

«Революция и церковь», а впоследствии газета и журнал «Безбожник». Уровень этих изданий был достаточно низок. Следует отметить, что в массе своей антирелигиозная литература была представлена изданиями довольно низкого культурного уровня.

Исследователи отмечают тот факт, что «антирелигиозные издательства в 1920-е годы выпустили огромное количество книг, которые в совокупности условно можно назвать антологией истории свободомыслия. Читателям предоставлялась возможность изучать весьма разнообразный, познавательный, критический и гуманистический материал. Но наряду с интеллектуальной литературой более высокими тиражами издавались агитационные брошюры, которые некоторые современные авторы называют научно-популярными. В них можно было увидеть самые невероятные измышления, прикрываемые псевдонаучностью»[1].

Поскольку религия так или иначе выполняет некоторые идеологические функции, ориентируя человека на определенное поведение в мире и обществе, борьба за новую идеологию была связана с борьбой с религией. Именно поэтому формирование нового общества в России в 1920-х годах представлялось новой власти невозможным вне утверждения атеистического мировоззрения. И когда обнаружилось, что религиозные убеждения отнюдь не исчезают, несмотря на то, что материальные факторы изменились, власть прибегла к самым жестким мерам. Эти меры включали в себя не только антирелигиозную пропаганду и агитацию, но ликвидацию или значительное ослабление церковных систем, потому что аппарат и механизм воздействия религии на общество рассматривался как конкурирующий с создаваемым аппаратом идеологии Советской России.

Особенностью формирования идеологии в двадцатых годах было то, что она начиналась с нижнего уровня: с примитивных форм борьбы с

---

[1]Слезин А.А. За «новую веру» … С. 25.

церковными обрядами и праздниками, с открытых насмешек над религией[1], с отрицания старых понятий о браке и семье[2], с критики «старых подходов к культуре»[3]. Но оказалось, что одно отрицание старых «систем мысли, чувств или правил поведения» не дает должного эффекта. Требуется целостная система, предполагающая положительное содержание.

Настоятельная потребность в привлечении молодежи к строительству нового общества, ставшая особенно острой после гражданской войны и при переходе к нэпу, была осознана большевиками еще и в связи с тем, что слом старой системы и отсутствие оформленной новой привело к росту негативных проявлений в жизни молодежи и в жизни общества.

Развратный образ жизни, кризис семьи, обостряющиеся в связи с этим демографические и медицинские проблемы, взрывной рост пьянства и хулиганства фактически превращались в проблему выживания молодого государства[4]. Утрата ориентиров вела к поиску новых, что в условиях только складывающейся системы политического контроля и слабой идеологической работы могло породить и порождало протестные движения в молодежной среде.

Разрушение старой культуры разрушило и старые представления о смысле жизни, о главных ценностных ориентирах. Так, А. Ю. Рожков приводит следующие статистические данные: «Если до революции у молодых людей преобладали альтруистические мотивы, то к 1926 г. их место заняли эгоистические. Личные темы, которые до революции составляли 45%

---

[1] Там же. С. 25.

[2] Левина Н.Б. Повседневность 1920 – 1930-х годов: «борьба с пережитками прошлого» // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал: В 2 т. Т. 1. От вооруженного восстания в Петрограде до второй сверхдержавы мира / Под общ. ред. Ю.Н. Афанасьева. М., 1997. С. 244-291.

[3] Гурьянова Н. Авангард и идеология. [Электронный ресурс]. URL: http://hylaea.ru/pdf/nina_gurianova.pdf (Дата обращения: 17.02.2016).

[4]Лебина Н.Б. В отсутствие официальной проституции // Лебина Н.Б., Шкаровский М.В. Проституция в Петербурге (40-е гг. XIX в. – 40-е гг. XX в.). М., 1994. С. 179-215.

всех тем их общения, в 1926 г. – уже 84%. Если накануне революции более половины опрошенных сообщали о наличии цели в жизни, то к концу 20-х гг. таковую имели только 38% молодых людей»[1].

Мировоззренческий кризис, который отражают эти данные, стал следствием разрушения и фактической ликвидации дореволюционной системы представлений, взглядов и жизненных установок. Новой власти необходимо было заменить это всё новым материалом, создать для молодежи и «нового человека» иные ориентиры, соответствующие ценностям строящегося общества и культурному уровню человеческого материала данной эпохи.

Можно предположить, что именно общий уровень образования и культуры, неготовность масс и молодежи к восприятию сложных идеологических построений прямо вели к упрощению пропагандистской литературы, к ригоризму в оценках, линейности в изложении. Без примитивизации философских теорий, без искажения исторических фактов эффективность идеологической обработки в культурных условиях того времени была невозможна[2]. «Система мыслей, чувств или правил поведения» могла выстраиваться и контролироваться наилучшим образом именно за счет простоты и доступности.

Соответственно, можно сделать такие выводы об идеологической работе и идеологии 1920-х гг.:

– 20-е годы это время проб и ошибок, время поиска как способов и методов формирования системы взглядов и принципов нового общества, так

---

[1] Рожков А.Ю. Молодой человек и советская действительность 1920-х годов: формы повседневного протеста // Способы адаптации населения к новой социально-экономической ситуации в России. М., 1999. С. 140.

[2] Согласно переписи, проведённой на территории Советской России в 1920 г., умение читать было зафиксировано всего у 41,7% населения в возрасте от 8 лет и старше. Данные приведены по: Грамотность / Российская педагогическая энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: www.otrok.ru/teach/enc/txt/4/page95.html (Дата обращения: 17.02.2015).

и содержания этой системы;

– одним из факторов, стимулировавших ускоренное становление молодежной идеологии, стала борьба с отклоняющимся и протестным поведением, которое, в свою очередь, стало следствием разрушения основ ранее существовавших типов мировоззрения, в том числе религиозных и семейно-бытовых;

– содержание идеологии складывалось параллельно с формированием механизмов социального и политического контроля, с их помощью деятельность молодежи направлялась в желаемом для нового общества и строящегося государства направлении;

– упрощенность идеологических конструкций объясняется как начальным периодом формирования идеологии, так и невысоким уровнем готовности человека и общества;

– одним из основных аспектов в идеологической работе становится борьба с религией, что связано с активным влиянием религий на формирование мировоззрения, воздействием их на привычные формы поведения, а кроме того, наличием систем и механизмов, позволяющих воздействовать на общество, то есть возможностью активного противодействия идеологической и пропагандистской работе.

1.2. Комсомол 1920-х годов: формирование, развитие, роль в жизни общества

После Февральской и Октябрьской революций шла самоорганизация молодежи и создание самостоятельных организаций. Практически все политические силы страны и, конечно, победившие большевики стремились повлиять на формирование юношеских союзов, на то, чтобы привлечь молодежь под свои политические знамена. Активную политику проводили как левые партии и объединения – меньшевики, анархисты, так и правые – кадеты. Но в условиях сложившейся однопартийности и в связи с усилением государственного контроля молодежные организации небольшевистской ориентации еще до середины 1920-х гг. прекратили свое существование под давлением государственных органов.

РКП(б), с июля 1918 г. ставшая практически единственной партией[1], с первых же дней вела активную работу по созданию в российских условиях молодежного коммунистического союза. Уже в октябре 1918 г. проводится съезд союзов рабочей и крестьянской молодёжи, который после образования ими Коммунистического союза, стали именовать съездом РКСМ. На съезде, где собственно и произошло основание комсомола, делегатами были: 72% коммунистов и сочувствующих компартии. Однопартийными стали и органы управления новой организацией: весь состав первого избранного ЦК – коммунисты, из 7 кандидатов в члены ЦК – 6 члены компартии и 1 сочувствующий коммунистам[2]. На этом съезде была провозглашена коммунистическая основа позиций комсомола: «вне коммунизма нет рабочего движения, все остальные течения в рабочем классе выброшены

---

[1] Имеется в виду фактическая монополия на власть после восстания левых эсеров в июле 1918 г.

[2] Первый Всероссийский съезд РКСМ (29 октября – 4 ноября 1918). Изд. Третье. М., 1926. С. 79, 81.

революцией за борт»[1]. То есть были изначально заявлены исходные политические и идеологические принципы, которые, в свою очередь, ограничивали возможность создания иных политических молодежных союзов. Наглядно это видно на примере национальных организаций – социалистических и коммунистических объединений еврейской молодежи – и организаций, созданных учащейся молодежью – учащихся-коммунистов. Все они под давлением партийных и государственных органов к 1924 г. насильственно были ликвидированы или самораспустились. Вне рамок комсомола активность молодежи не должна была проявляться.

Следует отметить, что ставка на молодежь как на одну из основных сил по преобразованию страны с самого начала декларировалась лидерами партии. Председатель Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов Г.Е. Зиновьев уже 16 сентября 1919 г. на съезде Петроградской организации РКСМ так формулировал задачи комсомола: «Нелепо думать, что только пожилые – настоящие социалисты, а юношество – это, дескать, зелено, молодо, этого нельзя брать всерьёз. Напротив, движение молодежи – это дело очень серьезное. Мы всегда знали, что рабочая молодежь – это «великая держава», многое зависит от её симпатий и антипатий. Кому сочувствует молодёжь, у того всё будущее»[2]. Но несмотря на подобные декларации, предполагающие инициативную деятельность, место комсомола в политической системе определялось как подчиненное. В Отчете ЦК РКП в отношении комсомола давалась следующая формулировка: «самодеятельная, формально непартийная организация, но, по существу, являющаяся подсобной РКП организацией, школой коммунизма»[3].

В этом отношении обращает на себя внимание указание X съезда РКП(б) (март 1921 г.), в котором прямо заявлялось: РКСМ обязан вовлечь

---

[1]Там же. С. 70.

[2]Зиновьев Г.Е. Интернационал молодежи и его задачи : Речь тов. Г. Зиновьева на съезде молодежи 16 сентября 1919 года. Петроград, 1919. С. 13.

[3] Известия ЦК РКП(б). 1920. №22. 18 сентября. С. 4.

комсомольцев в обсуждение общеполитических вопросов, проблем советского и партийного строительства, но не в рамках своих организаций, а в открытых собраниях партийных организаций, в делегатских собраниях, на конференциях и съездах. То есть, комсомол мог и должен был вести политическую деятельность в обществе, но только под контролем партии. Следует отметить то, что эти формулировки были закреплены в резолюции «По вопросам партийного строительства»[1], то есть можно сделать вывод о том, что комсомол это часть партии – та часть, где происходила предварительная подготовка молодежи и отбор будущих кадров.

Против возможных конкурентов в лице альтернативных молодежных организаций действовал и сам комсомол, причем тактика таких действий зависела от типа организаций. Так, руководитель ЦК РКСМ, Л. А. Шацкин в докладе на пленуме ЦК говорил: «По отношению к Всероссийской федерации анархистской молодежи и ее местным группам может быть только одна тактика: арест, разгон, суд, мы должны их разгонять»[2]. Далее он рекомендовал такие методы борьбы с анархистской молодежью – в городе путем чрезвычайных мер и идейной агитации против анархизма, в деревне – взрывать эти организации изнутри, так как в сельских условиях репрессивные действия могли помешать. Кроме того, комсомол обращался в своей борьбе с конкурентами к политическим органам и органам социального контроля – ВЧК, прокуратуре – с требованием принятия мер[3]. По факту, с момента возникновения он имел прямые контакты и взаимодействовал с органами ВЧК-ОГПУ-НКВД. С 1921 г. в комитетах комсомола начали создаваться секретные отделы. В их обязанности входило

---

[1]Директивы ВКП(б) по вопросам просвещения: Вопросы народного просвещения в основных директивах съездов, конференций, совещаний ЦК и ЦКК ВКП(б) / Ин-т планирования и организации нар. образования; сост. А.Я. Подземский; под ред. И.Д. Давыдова и И.Г. Клабуновского. – 3-е изд., пересмотр. и доп. М.; Л., 1931. С. 31.

[2]РГАСПИ. Ф.1-м. Оп. 2. Д. 1. Л. 11, 14, 122.

[3]РГАСПИ. Ф.1-м. Оп. 3. Д. 3. Л. 75, 86, 96, 97.

выявление некоммунистических организаций, слежка за их деятельностью и ликвидация с помощью ВЧК-ОГПУ.

Круг задач политического характера, стоящих перед организацией, в общих чертах был утвержден уже в 1920 г. на III съезд РКСМ. Сформулированное еще в 1919 г. Г. Е. Зиновьевым положение повторялось в принятой Программе Союза: предметом обсуждения в комсомоле могли становиться лишь те вопросы, которые определяла партия. Показательны в этом случае слова, прозвучавшие из уст одного из руководителей комсомола Л. А. Шацкина: «За два года нашего развития, с I Всероссийского съезда, мы очень много сделали из того, что должно было сделать пролетарское государство. Мы слились с пролетарским государственным аппаратом, мы часто в этот аппарат врастаем, мы занимаемся все больше и больше государственными делами и, поэтому, нам необходимо ясно определить основы наших взаимоотношений с пролетарским государством. Эти основы заключаются в том, что молодежь должна признать, что решение всех вопросов, касающихся жизни и труда молодежи, принадлежит пролетарскому государству, проведение в жизнь всех задач, касающихся молодежи, должно быть главным образом задачей государственного аппарата»[1]. Обращает на себя внимание высказывание о зависимости от государства, которое противоречило утверждениям, принятым I съездом РКСМ о самостоятельности комсомола. Следует отметить, что далее Л.А. Шацкин пытался заявлять о том, что самостоятельность у комсомола все-таки есть, и она, по мысли оратора, должна была проявляться в инициативе, исходящей от молодежи. Но даже с такими оговорками эволюция позиции была налицо.

Буквально на следующем IV съезде по всем своим характеристикам комсомол превратился в особую прогосударственную организацию, что нашло свое выражение в программе, принятой этим съездом: «РКСМ, как

[1] III съезд РКСМ. Доклад Л. Шацкина «О программе союза» // Задумаемся, сопоставим, сверим. М., 1988. С. 9.

организация коммунистического воспитания, согласует свои требования с общими интересами пролетарского государства в целом»[1].

В принятом на III съезде Уставе РКСМ была определена роль комсомола как особой молодежной организации – единственной представляющей интересы нового поколения. Для защиты этих интересов: «комсомол установил повсеместное представительство в отделах охраны труда, в рабоче-крестьянской инспекции, Наркомземе и его местных органах»[2]. При этом, в Уставе содержалось требование обязательной отчетности: «представители Союза в партии и советских учреждениях постоянно отчитываются перед пославшими их организациями»[3].

На IV съезде в Уставе РКСМ появилось еще одно уточнение: «Для связи и установления контакта Союз посылает своих представителей в Отдел Труда, Отдел Народного образования, профсоюзы, советские учреждения и другие органы, ведущие работу, затрагивающую интересы молодежи»[4]. Таким образом, комсомол превращался в дополнительный контрольный орган, призванный отслеживать все вопросы, связанные с проведением молодежной политики в сферах культуры, производства и образования, используя возможности организаций и учреждений для решения своих проблем.

В расширении влияния комсомола в общественных организациях были заинтересованы правящая партия и создаваемые государственные органы,

---

[1]Программа РКСМ. Принята IV съездом РКСМ. Сентябрь 1921 г. // IV Всероссийский съезд РКСМ. Протоколы. М., 1990. С. 11.

[2]См.: Слезин А.А., Скоропад А.Э. Теоретические основы функционирования раннего комсомола в системе советского политического контроля // NB: Проблемы политики и общества. 2014. № 2. С. 75-98.

[3]III съезд РКСМ. Доклад Л. Шацкина «О программе союза» // Задумаемся, сопоставим, сверим. М., 1988. С. 7-8. См. подробнее: Слезин А.А., Скоропад А.Э. Институализация комсомола как государственного органа // NB: Проблемы политики и общества. 2013. № 4. С. 185-208.

[4]Там же.

так как это повышало степень участия молодого поколения в переустройстве страны, а с другой стороны, позволяло контролировать молодежь с помощью создаваемых структур комсомольского управления. Таким образом, РКСМ оформлялся как средство контроля и одновременно субъект контроля. Компартия и её руководители смотрели на молодёжь как на наиболее податливый материал, всячески стремясь использовать ее в политической и государственной жизни страны.

Большую роль в развитии организации сыграл тот факт, что руководители комсомола в обязательном порядке входили в состав управленческих органов коммунистической партии – от первичных организаций до центрального комитета и, соответственно, ими контролировались. Такое положение, с одной стороны, формально поднимало статус, так как участие молодёжи в выборных партийных органах было выгодно: через своих представителей организация могла использовать преимущества правящей партии в своих прямых интересах. С другой стороны, это положение ставило под контроль партии комсомол уже на уровне отдельных представителей. Кроме того, на протяжении 1920-х годов постоянное внимание уделялось наличию партийного ядра, причем даже на уровне комсомольских ячеек[1].

Для успешного функционирования РКСМ обеспечивался материальной поддержкой, причем уже в начальные годы существования. От государственных органов (соцвоса) комсомол получал субсидии вначале, затем эта обязанность была возложена на парторганы («Положение о взаимоотношениях РКП и РКСМ», сентябрь 1921 г.), то есть партийные комитеты финансировали организационную и политическую работу РКСМ[2].

Однако материальная поддержка не была в полной мере бескорыстной. В случае необходимости молодежь использовалась как основная действующая сила в «залатывании дыр» в делах, связанных с хозяйственным

[1] РГАСПИ. Ф.1-м. Оп. 3. Д. 3. Л. 96, 97.

[2] IV съезд РКСМ, 21 - 28 сентября 1921 г.: Стеногр. отчет. М., 1925. С. 349.

строительством, а также как основной социальный материал, при помощи которого в духовной жизни можно «залатать все общественные пустоты». В апреле 1924 г.в докладе «Комсомол на фронте хозяйственной и культурной смычки» на Московской уездной конференции РКСМ Л.Д. Троцкий так характеризовал роль комсомола: «Прорех, дыр и трещин у нас сколько угодно. У комсомола позвоночник гибкий, мышцы подвижные, он все прорехи и щели заполняет собой. Прорех у нас больше, чем стойко завоеванных мест. Кому же заполнять эти прорехи, как не нашей рабоче-крестьянской молодежи»[1].

Представительство комсомола в высших органах власти не расширялось. Статистика свидетельствует о том, что его широкое использование в хозяйственном строительстве в последующие годы отнюдь не сопровождалось увеличением политической значимости. Так, в Советах число представителей комсомола снижалось от съезда к съезду: среди делегатов I съезда молодые люди в возрасте от 18 до 29 лет составляли 46,2%. На II съезде их было уже 38,6%, а на III - 30,1%. Особенно значительное снижение отмечается после третьего съезда. Уже в 1927 г. на IV съезде молодых людей в возрасте до 29 лет было только 13,2%. Если же сравнить первые три съезда и последующие пять, то картина будет выглядеть совсем удручающей. Так, на первых трех съездах Советов молодые люди в возрасте до 29 лет в среднем составляли 38,3% депутатов, то на последующих пяти съездах - 15,6% или в 2,5 раза меньше[2]. Эти статистические данные демонстрируют утрату комсомолом роли активного и самостоятельного организатора нового строя. Кроме того, на основании этих данных можно предположить, что к началу 1930-х годов в значительной степени уже сформировалась устойчивая система проведения в жизнь

---

[1] Троцкий Л.Д. Проблемы культуры. Культура переходного периода // Л.Д. Троцкий Сочинения. Т. 21. – М .– Л.: Госиздат, 1927. С. 365.

[2] Стецюра Ю.А. Молодежь в постреволюционном преобразовании России в 20-30-е годы. М.: Социум, 1998. С. 59.

партийных решений, в которой в «подсобной организации» не было такой острой нужды.

Можно предположить, что комсомол не столько утрачивал свои активные позиции, связанные с поддержкой преобразований, сколько приобретал новые функции, все более превращаясь в организацию по обработке и формированию новых поколений, то есть его роль все более сводилась к воспитательно-идеологической и контролирующей. Этот процесс, в свою очередь, объективно приводил к тому, что комсомол становился своего рода кузницей кадров, то есть членство в комсомоле было необходимым условием для последующего карьерного роста.

Что касается общественных организаций, то комсомол в принципе вытеснял их из области политики и либо брал под контроль, либо целиком присваивал себе их функции в тех случаях, когда это позволяла партия. Одним из примеров такой деятельности являлось стремление комсомола взять под контроль спортивное и физкультурное движение в конце 1920-х гг.

Политическая и общественная активность масс в первое десятилетие советской власти значительно выросла. Об этом свидетельствовало возникновение множества организаций, объединений и клубов. Возникали профсоюзы, товарищества, общества. На уровне Советов формировались комиссии и секции, курировавшие деятельность всех этих образований. Комсомольцы входили в них как полноправные члены, а со второй половины 1920-х годов они обязаны были принимать участие в работе таких организаций[1].

В процессе формирования общества нового типа индивид, а тем более представитель молодого поколения должен был использовать свои силы и энергию в том направлении, которое было желательно для становящегося

---

[1]Цветлюк, Л. С. Молодежь и юношеские организации в политической системе советского общества. 20-30-е годы XX столетия [Электр.ресурс] // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». URL: http://www. zpu-journal.ru/e-zpu/2011/2/Tsvetliuk_Youth/ (дата обращения: 27.01.2016).

государства и руководящей партии. А достичь этого можно было включением человека в организованные группы, в которых он получал, с одной стороны, возможности для реализации своей активности, а, с другой стороны, включался в систему взаимного контроля и целенаправленной обработки. Возможность формирования общественных работников, подготовка кадров – все это связывалось с понятием «рабочая демократия» и с созданием массовых общественных организаций, на необходимость усиления работы с которыми указывали решения XIII съезда РКП(б) (май 1924 г.)[1].

Однако расширение сфер общественной жизни на то, что ранее относилось к личному выбору и поведению человека, могло служить, а со временем закономерно стало средством политического контроля над деятельностью всех общественных организаций и отдельного человека по следующим причинам: во-первых, сокращалось неконтролируемое свободное время индивида и социальной группы; во-вторых, участие в различных организациях предполагало возможность оценки поведения индивида со стороны группы; в-третьих, сам характер деятельности этих организаций был довольно строго регламентирован.

В стране возникала целостная система вовлечения человека в социальную и политическую жизнь, при которой сам человек попадал в зависимость от организаций, в которых он участвовал, и ставился под контроль. То, что заявлялось в качестве идеала управления – многомиллионная армия коммунистов, «которых в любой момент можно перестроить и сосредоточить на любой партийной работе», превращалось в реальность. Такая многомиллионная организация, «не боясь замешательства в своих рядах, одним мановением руки ЦК может перестроить свои ряды и двинуться на врага»[2]. Этот принцип реализовывался в масштабах всего общества, и одним из проводников в его реализации становился комсомол.

---

[1]Тринадцатый съезд РКП(б). Май 1924 года: Стенографический отчёт. М., 1963.

[2] Сталин И. В. Соч. Т. 4. С. 392.

Понимая огромную силу организованности, руководители партии и государства постепенно превращали профсоюзы, женские и молодёжные организации в зависимые от партии, управляемые и контролируемые ею. Выступая 3 апреля 1924 г., И.В. Сталин назвал РКСМ «инструментом партии, подсобным орудием партии» и, указывая на его главную роль, уточнил: «Активный состав комсомола есть инструмент партии для воздействия на молодёжь, находящуюся вне союза»[1].

Создавая комсомол как «подсобную организацию», партия стремилась к тому, чтобы молодежь не только активно отстаивала и проводила политику преобразования страны, но формировалась «в духе доверия к руководству Российской коммунистической партии» и была способна «подымать боевую готовность рабочего класса против классовых врагов»[2].

Обращает на себя внимание тот факт, что постепенно, к концу 1920-х годов одним из основных направлений в деятельности комсомола становилась борьба за единый набор ценностных установок и моделей поведений. Отступление от них признавалось недопустимым для молодежи. По сути такая борьба превращалась в борьбу против инакомыслия. Именно с позиции установления одобренного партией мировоззрения комсомольские организации оценивали поведение юношей и девушек, которые хотели «приближаться к социализму иначе, не тем путем, не в той форме, не в той обстановке, как их отцы»[3].

На основании вышесказанного может быть сделан вывод о том, что представление о поиске путей к социализму, о возможном многообразии таких путей, бытовавшее в первые годы советской власти, теперь рассматривалось как идеологически враждебное. Политическое руководство страны контролировало публичные высказывания лидеров комсомола, пристально следило за материалами молодежной прессы. Показательным

---

[1]Сталин И. В. Соч. Т. 6. С. 65-66.

[2]Сталин И. В. Соч. Т. 7. С. 142.

[3] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 226.

примером такого контроля было дело ответственного редактора «Комсомольской правды» Тараса Кострова (псевдоним А.С. Мартыновского).

28 ноября 1928 г. в Политбюро ЦК ВКП(б) с докладом «О т. Кострове», редакторе «Комсомольской правды», выступил И.В. Сталин. В этом докладе говорилось, что в целом редакция следовала намеченному партией политическому курсу, но, по мнению докладчика, допускала серьезные ошибки «как по линии борьбы с правым уклоном (неправильная, а порой прямо неверная характеристика правого уклона), так и по линии борьбы с «левым» уклоном (примиренческие тенденции к левому уклону), что затрудняло борьбу с уклонами от ленинской линии»[1]. По докладу было принято решение Политбюро ЦК ВКП(б) освободить Т. Кострова от обязанностей ответственного редактора за изложение точки зрения, расходящейся с линией партии. Чуть позже орган компартии санкционировал репрессивные меры к молодым журналистам[2]. Попытки ЦК ВЛКСМ смягчить наказание ни к чему не привели.

Теоретические установки компартии, их реализация на практике окончательно превращали комсомол в подсобную организацию, исполняющую директивы партийного руководства. Самостоятельность, самодеятельность, провозглашенные на первом Всероссийском съезде союзов рабочей и крестьянской молодёжи, превращались в лозунги. Все более плотный политический и организационный контроль партии превращал комсомол из организации самой молодежи, созданной для реализации её интересов, в «массовую школу коммунизма», осуществляющую в свою очередь контроль над молодым поколением.

Партия и государство ставили задачи перед комсомолом, а он направлял молодежь и поддерживал практически все политические и

---

[1]Очерки истории молодежного движения / под ред. В.Н. Сивохина. М.: Институт молодежи, 1993. С. 137.

[2]РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 714. Л. 7.

хозяйственные мероприятия, проводимые в стране. На VII съезде ВЛКСМ в марте 1926 г. требование следовать партийным решениям было сделано уставным[1]. Под руководством и контролем партии комсомол обязывался участвовать в общественно-политической жизни и в переустройстве страны.

В связи с комсомолом можно говорить о том, что советская власть и партийные лидеры в идеологической работе и построении нового общества задействовали – возможно, впервые в истории так широко – социально-организационный ресурс. Практика массового вовлечения молодежи в комсомол, привлечение молодежи к работе в других массовых организациях и обществах, причем привлечение к активной работе, включало молодого человека в состав формальных социальных групп. Требование же активной работы в таких группах позволяло решать сразу несколько важных задач:

– ограничивало свободное досуговое время, которое могло бы в противном случае быть занято участием в неконтролируемых объединениях или в религиозных общинах, кружках;

– создавало механизм обязательного потребления пропагандистской литературы и иной культурно-идеологической информации, потому что в комсомольской организации молодой человек в обязательном порядке прорабатывал «руководящие материалы»;

– позволяло контролировать поведение, так как молодые люди большую часть времени оставались на виду: говорили и действовали на глазах у других членов комсомола и молодежных организаций, вступали в общение, что позволяло узнать, каких взглядов и принципов придерживался тот или иной молодой человек.

Количественные данные, свидетельствующие о росте комсомола, оценивались партией и ее лидерами с самого начала существования организации. Однако в первой половине 1920-х годов эти данные стали интерпретироваться уже не только как количественные показатели роста

[1] ВЛКСМ в резолюциях его съездов и конференций. 1918-1928 / Под ред. Г. Лебедева, А. Шохина и Г. Ярцева; Истмол ЦК ВЛКСМ. – М. – Л.: Молодая гвардия, 1929. С. 271.

организации, но и как показатели культурно-идеологической перестройки общества, как свидетельство формирования нового советского мировоззрения.

Указанный подход не был новым, хотя иногда партийные лидеры отклонялись от него. Так, уже В.И. Ленин считал, что коммунистический союз молодежи должен быть организацией, распространяющей свое влияние на все молодое поколение, но для достижения этой цели, кроме коммунистических идей, этот союз должен бороться за непосредственные требования молодых рабочих, крестьян, студентов[1]. Однако На VI съезде РЛКСМ (1924 г.) Н.И. Бухарин пытался скорректировать такой подход и считал целесообразным приостановить массовый рост рядов комсомола с целью добиться качественного улучшения состава организации[2], потому что две трети вступивших в нее были политически неграмотны. Но основными стали иные взгляды. В 1925 г. оформилась, например, позиция И.В. Сталина, который прямо высказался в пользу массовости как принципа построения молодежной организации: «Говорят об опасности колоссального роста комсомола в деревне. Говорят о наплыве крестьянской молодёжи в комсомол. Нет сомнения, что некоторая опасность тут имеется. Но несомненно также и то, что комсомол может не бояться этой опасности, если он сумеет выполнить с честью поставленные выше задачи. 100 тысяч комсомольского актива в деревне – это такая сила, для которой не может быть опасным никакой наплыв крестьянской молодёжи. Всё дело в том, чтобы повести энергичную работу по политическому воспитанию этого актива»[3].

Изменение в официальной позиции партии связано отчасти с провалами в идеологической работе в сельской местности, со сворачиванием

---

[1] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 307-309, 314.

2 Бухарин Н. Борьба за кадры. Речи и статьи. М.; Л., 1926. С. 233.

3 Сталин И.В. О комсомольском активе в деревне / И.В. Сталин // Правда. 1925. 15 апреля.

политики «лицом к крестьянству» и с переходом к более жестким формам контроля и организации жизни в стране[1].

К концу 1920-х годов окончательно победил взгляд на комсомол как массовую организацию. Например, Н. Чаплин, один из первых секретарей комсомола, отмечал, что комсомол не сектантская узкая организация, не юношеская партия, а широкая общественная организация[2]. В 1928 г. ЦК ВЛКСМ выдвинул задачу привлечь в комсомол 100% рабочей и батрацкой молодежи[3]. И решение этой задачи находилось под постоянным контролем как со стороны ЦК ВЛКСМ, так и со стороны партии.

Понятно, что культурно-идеологическая работа внутри организации также находилась под контролем партии, но уже сама тенденция к неограниченному количественному росту комсомола в сочетании с обязательным вовлечением молодежи в хозяйственное и политическое строительство становилась способом идеологической борьбы на культурном фронте[4]. Именно поэтому на заседании Оргбюро ЦК ВКП(б) 10 декабря 1928 г. во время обсуждения проблем, связанных с усилением антирелигиозной работы, было сказано: «Мы должны мобилизовать все силы нашей партии, комсомола и т.д. для этой борьбы, а Союз безбожников должен доставлять нам подготовленные кадры. Я вас уверяю, что если мы возьмем наших коммунаров, комсомольцев и т.д., то наша работа в этом направлении пойдет гораздо более успешно. В отношении Союза безбожников есть две возможности: либо он должен доставлять подготовленные кадры работников, либо мы должны включить в Союз безбожников всю безбожную партию и

---

[1]См. например: Кудюкина М.М. Органы управления в деревне: сельсовет и сход. 1926-1929 гг. // Историческое значение НЭПа. М., 1990. С. 109-128.

[2] Чаплин Н. Основы юношеского движения. М., 1930. С. 37.

[3] Известия ЦК ВЛКСМ. 1928. № 14. С. 3.

4 Резолюция о работе в деревне / XV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б) : Стеногр. отчет. М.-Л., 1928. С. 1312.

весь безбожный комсомол»[1].Следствием принятого решения стал бурный рост рядов «Союза воинствующих безбожников» на рубеже 1920 – 1930-х годов: на 1 января 1926 г. в союзе было 87 тысяч членов, на 1 января 1929 г. – 465 тысяч. За 1929 г. СВБ вырос до 700 тысяч[2].

Контролю над молодежью, в том числе и несоюзной, способствовало и ее вовлечение в работу Осоавиахима. Что же касается комсомольцев, то ЦК ВЛКСМ поставил вовлечь в ее работу всех комсомольцев.

Следует отметить, что работа с молодежью была организована и велась на систематической основе, причем привлекались данные обследований, с учетом которых принимались решения о рабочих нагрузках и о задействовании в мероприятиях.

В 1920-х годах в стране были проведены статистические обследования «бюджетов времени» сельского населения. В этих исследованиях учитывались временные затраты не только на хозяйственные работы, но и на досуговое времяпрепровождение: «В праздник … можно отметить некоторое увеличение затрат времени на религиозные потребности в связи с посещением храмов и на всякого рода развлечения. Но круг этих развлечений в деревне настолько ограничен, что чуть ли не 3/4 воскресного досуга оказываются вовсе не распределенными. … В области распределения досугов можно отметить следующие особенности. Молодое поколение деревни раза в два больше времени затрачивает на развлечения, чем старшее. Но за то оно раза в два меньше расходует его на разного рода религиозные упражнения»[3].

С опорой на такие данные разрабатывались рекомендации комсомольским ячейкам по организации работы в Союзе безбожников, в кружках политграмоты, в физкультурных кружках. В рекомендациях учитывалась специфика сезонной занятости в сельском хозяйстве, при этом

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 683. Л. 33-65.

[2] Ярославский Е. Ленин, коммунизм и религия. – М., 1933. С. 284.

[3] Бюджет времени русского крестьянина // Бюллетени Госплана (Плановое хозяйство). Информационный журнал. 1923 год. Вып. 8-9, С. 18-19.

подчеркивалось, что работа не должна прекращаться и в разгар сезона, должны меняться ее формы и особое внимание следует уделить выездной[1].

О системности в пропагандистской работе свидетельствуют аналитические материалы, посвященные особенностям ислама горских народов Северо-Кавказского края. В этих материалах также содержались рекомендации, позволявшие наладить более эффективную антирелигиозную работу в национальных районах. Особое внимание уделялось специфическим чертам организации религиозных общностей: «Военно-политические и контрреволюционные тенденции и роль этих орденов (речь идет о направлениях в мюридизме – А.Ш.) несомненны … Опираясь на централизованную организацию, устав, аульскую ячейку ордена, проводя постоянные собрания, систематически дисциплинируя членов ордена на основе проповеди, молитвы, экзальтации, зикр и бдения – имамы и шейхи, держали в своих руках массу и вели ее в бой по своему усмотрению против феодалов, царя, соввласти»[2].

Собранная информация позволяла сделать вывод о том, что только массовое участие молодежи в различных организациях и мероприятиях, проводимых партией и государством, даст возможность сформировать новые культурно-мировоззренческие установки, а кроме того, решить или смягчить ряд проблем связанных с послереволюционным культурным сдвигом. Вовлечение молодежи в работу различных кружков, привлечение к работе в комсомольских организациях должно было способствовать уменьшению числа случаев девиантного поведения – пьянства и хулиганства, а также вытеснению религиозного влияния.[3].

В сельской местности расширение комсомола было, кроме того, еще необходимо в связи с тем, что без увеличения численности комсомольских

---

[1] Резолюция о работе в деревне/ XV Съезд Всесоюзной Коммунистической Партии (б) : Стеногр. отчет. М.-Л., 1928. - XIV, 1416 с.

[2] ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 605. Л. 47-50.

[3]ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 605. Л. 37-40, 63.

ячеек секретари этих ячеек и волостных комитетов не справлялись с объемом работы, которую должны были вести по поручению партийных органов. Так в выборочном обследовании бюджетов времени комсомольских активистов формулировался следующий вывод: «Таким образом, вопрос о разгрузке работников села больше, чем в отношении кого-либо другого, упирается главной своей частью в выдвижение нового актива, использование активности деревенской комсомольской молодежи. Лозунг «Нет комсомольца без союзных обязанностей» – является в нашем деревенском комсомоле лозунгом, требующим своего немедленного проведения в жизнь»[1].

Таким образом, не только задачи формирования «нового человека» и использование энергии молодых в культурном строительстве, но и повседневные проблемы организационной работы требовали количественного роста комсомола.

Количественные показатели в Северо-Кавказском крае, особенно в национальных областях, становились показателями эффективности работы. При противоречивой оценке политической грамотности сам факт роста мог оцениваться как частная победа на антирелигиозном фронте. Например, в одном из отчетных документов находим: «Рост партийной организации, комсомольской организации, делегатских собраний женщин говорит о том, что старая стена религиозно-бытового уклада рушится… 189 деревенских ячеек и 9 кандидатских групп, около 6000 коммунистов, 18 000 комсомольцев и около 5000 делегаток-женщин. Таким образом, рост боевых организаций рабочего класса представляет для духовенства реальную опасность»[2].

---

[1] Труд, отдых, сон комсомольца-активиста. По материалам выборочного обследования бюджетов времени активных работников РЛКСМ / Центр. Ком. РЛКСМ. Стат. Подотд. - М.-Л., 1926. С. 52.

[2] ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 605. Л. 37-63.

О том же свидетельствуют отчетные материалы комсомольских организаций. Донской комитет РКСМ в 1924 г. на пленуме еще мог вынести постановление о временном прекращении приема крестьян в комсомол по той причине, что не хватает кадров для организации культурной и пропагандистской работы. Но уже в 1925 г. бюро Северо-Кавказского Крайком РЛКСМ году постановил: «Строго осуществлять контроль за выполнением директивы об усилении работы по вовлечению в Союз батрацкой, середняцкой и казачьей молодежи...»[1]. А позднее, в 1927 г., Донской окружной комитет партии пришел к выводу «об ослаблении внимания к работе среди казачьей молодежи»[2] на том основании, что прекратился численный рост ячеек и сократилось число казаков в комсомоле.

Усилению организованности молодежи способствовала также практика углубленной военной подготовки. Проблема организации военной подготовки и обучения была вынесена на специальное обсуждение совместного Бюро Северо-Кавказских крайкома ВКП(б) и крайкома ВЛКСМ. Было принято решение добавить ежемесячные массовые мероприятия (парады, соревнования, военные игры) в объеме не менее двух дней в месяц к обычным мероприятиям по оборонной работе[3].

Самой массовой оборонной организацией стало объединившее в себе в 1927 г. несколько обществ Общество содействия обороне, авиации и химической защите населения – ОСОАВИАХИМ. В ОСОАВИАХИМе комсомольцы составляли от половины до трети от общего числа членов в зависимости от района, а молодежь свыше двух третей[4].

---

[1] Летопись донского комсомола (1920 – 1945гг.): Сборник документов и материалов по истории Ростовской областной организации ВЛКСМ. Ростов н /Д, 1982. С. 88.

[2] ЦДНИРО. Ф. 5, Оп. 1, Д. 141, Л. 61а-62.

[3] ЦДНИРО. Ф. 7. Д. 13. Л. 105-106.

[4] Бодрова Е.В. Создание и деятельность системы обеспечения людскими ресурсами действующей армии в годы Великой Отечественной войны : дис. ... д-ра ист. наук. М., 2000. С. 160.

Вышеизложенное свидетельствует о том, что со второй половины 1920-х годов массовость становилась основным принципом в работе с молодежью. Лидеры партии и государства отдавали себе отчет в том, что уровень подготовки комсомольцев в сельских и национальных районах страны низок[1], что политически большая часть молодежи малограмотна. По мнению лидеров, главным было то, что число занятых общественной деятельностью росло. На фоне культурной ломки, происходившей в стране, такой подход был оправдан хотя бы тем, что увеличивал возможности для политического контроля и уменьшал вероятность воздействия на молодых людей враждебных и религиозных идеологий. Но в перспективе при полном охвате, это должно было привести к полной формализации деятельности и к эффекту отчуждения от комсомола или к использованию данной организации только в качестве социального лифта.

Приведенные факты позволяют сделать вывод о специфической роли комсомола в жизни страны и в сфере духовной жизни:

– комсомол являлся активным участником процесса построения нового общества, так как объединял молодежь страны и проводил в духовной сфере линию партии;

– комсомол формировался, несмотря на декларации о самостоятельности, почти с самого начала как объект воздействия со стороны партии, определяющей основные политические и идеологические позиции;

– комсомол использовался в качестве средства, орудия, с помощью которого реализовывалась политика партии и руководства страны среди молодежи;

---

[1] «Если обратиться к состоянию [и] качеству политического уровня партийцев и комсомольцев в нацобластях, то мы увидим, что абсолютные цифры даже этих организаций дают оснований говорить о том, что материалистическое миропонимание не всем еще свойственно из тех, кто фактически является руководящей силой в советском строительстве в горских областях…» -– ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 605. Л. 37-63.

– комсомол сам становился контролирующим органом, как для иных общественных организаций, так и для своих рядовых членов;

– важнейшим принципом в проведении молодежной политики к концу 1920-х годов стал принцип организации молодежи, вовлечения ее в различные общественные структуры как с целью использования молодежной активности, так и с целями пропаганды и контроля;

– количественный рост комсомола призван был компенсировать низкий культурный уровень населения за счет охвата различными видами активности, отвлекавшей от религии и направлявшей энергию молодежи в приемлемое для партии и государства русло.

Обобщая наблюдения, можно сказать, что комсомол становился тем самым механизмом проведения идеологии и формирования «новой культуры», который создавался для формирования, контроля и самоконтроля духовной сферы жизни молодежи. Особенно значимыми эти процессы становились в регионах, где низок был уровень образования и культуры, где существовали социальные слои с устойчивыми культурными стереотипами, где высока была степень религиозности.

1.3. Развитие комсомола в Северо-Кавказском крае: тенденции и мотивация

Организационное начало комсомольскому движению на Юге России было положено в 1920 г. после освобождения территорий Северо-Кавказского края от белогвардейских войск, а на некоторых национальных территориях лишь в 1922-1923 годах[1]. Начиная с 1920 г. создаются Донской областной комитет комсомола, Ставропольский губернский комитет, Терский губернский комитет, Кубано-Черноморский областной комитет, чуть позже возникают комсомольские комитеты в национальных областях Северного Кавказа[2]. В 1924 г. все указанные территории вошли в состав Северо-Кавказского края, а губернские и областные комитеты были преобразованы в окружные[3].

Комсомольское движение на территориях Северо-Кавказского края формировалось в особых условиях: низкий по сравнению с другими регионами уровень образования; большое влияние казачьих и национальных традиций в сельских районах; приверженность к традиционным для края религиям. Даже города не могли рассматриваться как опорные пункты комсомольского строительства, за исключением Ростова-на-Дону, поскольку и они возникали и развивались как «большие станицы»[4]. Эти объективные

---

[1] См.: Архивные материалы по истории комсомола Ставрополья: (К 40-летию Краев. комсомольской организации) / Ставроп. краев. ком. ВЛКСМ. Гос. архив Ставроп. края. Ставроп. музей краеведения. - Ставрополь : [б. и.], 1960. С. 3; ГАНИСК. Ф. 6346. Оп. 1. Д.6; ГУНАРА. Ф.П-3. Оп. 1. Д. 1. Л. 1-3; ГКУ ЦДНИКК. Ф. 1992. Оп. 1. Д. 1. Л. 1-3.

[2] ГАНИСК. Ф. 6346. Оп. 1. Д. 6. Л. 6, Ф. 6346. Оп. 1. Д. 1. Л. 5 об., Ф. 6346. Оп. 1. Д. 7. Л. 9-9 об.

[3] ЦДНИРО. Ф. 1992. Оп. 1; ГАНИСК. Ф. 66. Оп. 1. Д. 526. Л. 8; ГКУ ЦДНИКК Ф. 1998, 2000.

[4]Щетнев В.Е., Смородина Е.В. История Кубани. XX век Краснодар : Перспективы образования, 2005. С. 22–23; Микуленок Ю.А. Городская повседневность в раннем советском обществе в ракурсе жилищного и внутрисемейного конфликта (по материалам

трудности порождали и трудности развития и становления комсомольских организаций. Они находили свое выражение в показателях численного состава и в колебаниях, связанных с отношением к молодым крестьянам и казачеству, с изменением мотивов самой сельской молодежи при вступлении в комсомол. В этой связи представляет закономерный интерес исследование основных процессов развития РКСМ/ВЛКСМ в Северо-Кавказском крае.

Выше уже говорилось о колебаниях в качественном составе комсомольских организаций и отражении этих колебаний в количественных характеристиках. Рассмотрим эти процессы подробнее.

Вся Ставропольская организация на 1 января 1922 г. включала 1255 человек[1]. Донской комитет РКСМ в отчете 1923 г. приводил такие цифры: в организации КСМ к январю 1923 г. было 216 союзных ячеек, в которых насчитывалось 4402 члена Союза[2]. Характеризуя изменения качественного состава организации, докладчик давал следующую информацию: в январе 1922 г. – 2302 человека, в июле 1922 г. произошло количественное уменьшение организации за счет крестьян, а в сентябре организация опять увеличилась за счет городской рабочей молодежи[3]. Можно предполагать, что отток связан с голодом и организационными трудностями, когда комсомол на территории края не мог помочь беднякам и батракам, что привело к миграции части населения и оттоку крестьян из организации, но хотя бы отчасти помогал рабочей молодежи[4].

Вероятно, все-таки главной причиной таких колебаний в

контрольных органов Кубани и Черноморья 1920-х годов): дис. … канд. ист. наук. Краснодар, 2015. С. 67.

[1] ГАНИСК. Ф. 6346. Оп. 1. Д. 7. Л. 12.

[2] Летопись донского комсомола (1920 - 1945 гг.): Сборник документов и материалов по истории Ростовской областной организации ВЛКСМ. Ростов н /Д, 1982. С. 46.

[3] Доклад Донского комитета РКСМ на пленуме Донкома РКП(б). Цит. по: Сборник документов и материалов по истории Ростовской областной организации ВЛКСМ. – Ростов н/Д, 1982. С. 46-47.

[4] ГАНИСК. Ф. 6346. Оп. 1. Д. 17. Л. 14.

количественном составе и относительная малочисленность комсомольских организаций на селе связаны с тем, что в самой партии в 1922-1924 годах еще не до конца сложилась и не оформилась политическая линия по отношению к сельскому комсомолу. Например, в начале 1920-х годов статистические данные, свидетельствовавшие о количественном росте комсомола, рассматривались в основном в качестве показателей изменений, происходящих в мировоззрении молодежи, индикаторов ее идеологической перестройки. То есть комсомол, по мнению ряда большевистских деятелей, должен был формироваться как передовой, а соответственно, политически грамотный авангард молодежи. На этом, например, настаивал Н. И. Бухарин на VI съезде РЛКСМ (1924 г.), который говорил о нецелесообразности приема в ряды комсомола политически неграмотных[1].

Однако другая группа большевиков придерживалась иной точки зрения на формирование комсомола. И. В. Сталин уже в 1925 г. настаивал на оформлении комсомола как широкой общественной организации, а не узкой партии подросткового или юношеского типа[2]. К 1928 г. позиция И. В. Сталина стала основной, и партия выдвинула задачу привлечь в комсомол 100% рабочей и батрацкой молодежи[3]. А молодежь стала рассматриваться как субъект и объект осуществления государственной политики в сфере идеологии и культуры[4].

---

[1] Бухарин Н. Борьба за кадры. Речи и статьи. М.; Л., 1926. С. 233.

[2] Сталин И.В. О комсомольском активе в деревне // Правда. 1925. 15 апреля.

[3] Известия ЦК ВЛКСМ. 1928. № 14. С. 3; Чаплин Н. Основы юношеского движения. М., 1930. С. 37.

[4] См.: Скоропад А.Э. Осуществление открытого политического контроля над комсомолом (1918-1929): основные последствия // Вестник ТГТУ. 2013. Т. 19. № 2. С. 481-486; Слезин А.А. Антирелигиозные праздники 1920-х гг. // Вопросы истории. 2010. № 12. С. 82-91; Слезин А.А. За «новую веру». Государственная политика в отношении религии и политический контроль среди молодёжи РСФСР (1918 – 1929 гг.). М., 2009; Слезин А.А. Регулирование состава комсомола на рубеже 1920-х-1930-х годов и трансформация общественного правосознания // Право и политика. 2010. №3. С. 547-551; Слезин А.А.,

Проблема массовости комсомола и смена политики, связанной с количественным ростом комсомола, была особо актуальна для Северо-Кавказского края, образованного как отдельная административно-территориальная единица в 1924 г.

В связи с указанными выше особенностями данного региона (преимущественно сельское население – крестьяне и казаки и многонациональность) отсутствовала база для роста комсомола в качественном отношении: молодежь не готова была ни образовательно, ни политически.

Колебания принципов политики по отношению к численному росту и качественному составу комсомола в руководстве партией и страной приводили к колебаниям в региональных организациях, что находило свое отражение в непоследовательных решениях комсомольских организаций Северо-Кавказского края.

В 1924 г. Донской комитет РКСМ, бывший тогда еще самостоятельным, вынес постановление о прекращении приема крестьян в комсомол, а в 1925 г. бюро Северо-Кавказского Крайком РЛКСМ, которому после реорганизации подчинялся и Донской окружком, обязал все нижестоящие комитеты: «Строго осуществлять контроль за выполнением директивы об усилении работы по вовлечению в Союз батрацкой, середняцкой и казачьей молодежи»[1]. Эта смена директив свидетельствовала о том, что тенденция в 1925 г. отчасти изменилась. Можно предполагать, что изменения были связаны с провозглашением политики «лицом к деревне» и «лицом к казачеству». Цифры состава краевой комсомольской организации показывают: до указанного года рост в деревне шел в основном за счет

Баланцев А.В. Противодействие комсомольских организаций религиозному влиянию среди «восточных национальных меньшинств»: специфика первой половины 1920-х годов // Социодинамика. 2012. №3. С. 48-100.

[1] Летопись донского комсомола (1920-1945 гг.): Сборник документов и материалов по истории Ростовской областной организации ВЛКСМ. – Ростов н /Д, 1982. С. 85.

батраков и бедняков, которых насчитывалось к 1926 г. около 14% и 37% соответственно от состава организации. Затем прямые указания краевого комитета привели к тому, что за год число середняков выросло от 1% до 7%, что отмечалось как большой успех[1].

Что касается казачества, то прямо поставленная задача «форсирование роста за счет казачьей молодежи» фактически провалилась. В официальных статистических отчетах по комсомолу края казаки не выделялись отдельной строкой, давались лишь показатели по отдельным станицам или районам, что связано с сокращением численности казачьей молодежи в комсомоле в середине 1920-х годов. Так, передовой во многом Донской окружной комитет констатировал, что за год комсомольцев казаков стало меньше на 300 человек, и общее число составило 640 на весь округ[2].

Одной из причин относительного неуспеха комсомольских организаций на селе и в казачьих районах в 1924-1925 годах, по мнению руководства комсомолом края, стала неготовность уже существовавших деревенских организаций к новой политике: «Союз не мог представить естественным явление резкого перехода от администрирования к совместной с крестьянством работе по социалистическому строительству»[3]. Более того, крайком комсомола констатировал тот факт, что для большинства крестьян комсомолец зачастую воспринимался как «лодырь», который ничего не будет делать в общественных выборных организациях и в Советах[4].

Такое отношение сельского населения при росте активности молодежи приводило к появлению конкурирующих с комсомолом если не организаций, то форм деятельности: появлению постоянных хаток-клубов, не имеющих

---

[1] Материалы к отчетному докладу Северо-Кавк. Краевого Комитета Р.Л.К.С.М. IV Краевой Конференции (За период IV - 1924 – III - 1926 г.). Ростов н-Д., 1926. С. 13.

[2] ЦДНИРО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 141. Л. 61а-62.

[3] Материалы к отчетному докладу Северо-Кавк. Краевого Комитета Р.Л.К.С.М. IV Краевой Конференции (За период IV - 1924 – III - 1926 г.). Ростов н-Д., 1926. С. 9.

[4] Там же.

политической окраски; расширению сектантских христианских молодежных движений; требованиям организовать православный молодежный союз; требованиям создать крестьянский комсомол[1].

В 1926-1927 годах в количественном отношении наметился перелом, так как была развернута кампания по расширению рядов комсомола. Но особенно значительный численный рост комсомола наблюдался позже – в 1928-1929 годах. При этом число середняков сначала к 1928 г. возрастало, а затем начинало убывать. Численность казаков среди комсомольцев колебалась около показателя в 5%, и к 1929 г. также обнаружилась тенденция к сокращению казачества в составе комсомольских организаций[2]. К началу 1930-х годов основу комсомола в Северо-Кавказском крае составляли рабочие, бедняки и батраки[3].

Отметим, что процентные показатели здесь даются по отношению к численному составу комсомольской организации, а не к полному составу молодежи края. Представление о доле молодежи, охваченной комсомолом, дает цифра 10%, которая так и не была достигнута к 1930 г.[4]

Все это позволяет говорить о том, что, несмотря на выдвигаемые лозунги о привлечении середняка и казака, политика построения организации связывалась с опорой на идеологически и социально близкие слои. Иначе говоря, опора ощущалась в низовых слоях общества или среди той молодежи, для которой комсомол мог тогда добиться какого-либо улучшения положения и тем самым привлечь на свою сторону. Показательно в этом плане одно из постановлений бюро Донецкого окружного комитета ВКП(б),

---

[1] Материалы к отчетному докладу Северо-Кавк. Краевого Комитета Р.Л.К.С.М. IV Краевой Конференции (За период IV - 1924 – III - 1926 г.). Ростов н-Д., 1926. С. 11.

[2] Комсомол Северного Кавказа в цифрах (XII – 1930). Статистический сборник к 6-ой Крайконференции и IX съезду Союза. – Ростов н/Д., 1930. С. 4, 13, 16.

3 Комсомол Северного Кавказа в цифрах (XII – 1930). Статистический сборник к 6-ой Крайконференции и IX съезду Союза. – Ростов н/Д.: «Северный Кавказ», 1930. С. 4-11.

[4] Там же. С. 3.

относящееся к комсомолу. В нем говорилось: «2. Считать совершенно недопустимым падение удельного веса батраков в Союзе. Поставить перед партийными и комсомольскими организациями задачу решительного перелома в сторону увеличения батрацкого ядра в КСМ, широкого охвата работой батрацкой части организации … Усилить свою работу по классовому воспитанию батрачества и защиту его экономических интересов.

3. Предложить ОК ВЛКСМ и низовым партийным и комсомольским организациям усилить работу с бедняцкой молодежью, добившись увеличения удельного веса группы бедноты.

4. При приеме в партию середняцкой молодежи строго придерживаться соответствующих решений комсомольских съездов, в частности VIII съезда ВЛКСМ, вовлекая в комсомол действительно проверенных на общественной работе, участвовавших в хозяйственных кампаниях в деревне и близких по социальному положению середняков...»[1].

Относительно тенденций 1929 г., связанных со снижением численности середняков и казаков можно сказать, что она, вероятно, объясняется развернутым в это время «Походом комсомола за урожай» и началом коллективизации, которые вызвали у значительной части сельского населения края реакцию отторжения[2]. И если процент середняков в самих комсомольских организациях снизился до 9% в среднем по краю, то процент казаков упал ниже 5% даже в передовых с точки зрения партийных руководителей станицах[3].

Данные по текучести за 1924-1929 годы позволяют обнаружить определенные закономерности, связанные с развитием комсомольских

---

[1] Летопись донского комсомола (1920 - 1945 гг.): Сборник документов и материалов по истории Ростовской областной организации ВЛКСМ. Ростов н /Д., 1982. С. 115.

[2] См.: Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918-1939. Документы и материалы. В 4-х т. / Т. 2. 1923-1929 / Под ред. А. Береловича, В. Данилова. М., 2000. С. 819-1022.

[3] Комсомол Северного Кавказа в цифрах (XII – 1930). Статистический сборник к 6-ой Крайконференции и IX съезду Союза. Ростов н/Д., 1930. С. 16.

организаций. Так, показательна статистика числа добровольно выбывших из комсомола. За 1925 г. добровольно вышло 953 человека, в 1928 за полгода 3383, за 1929 – 1324, а за полгода 1930 – всего 81[1]. Официальное объяснение достаточно большой добровольной текучести в середине 1920-х годов звучало таким образом: «Противоречие: между возросшими запросами и содержанием работы, а отсюда неудовлетворенность работой РЛКСМ»[2]. Непубличное объяснение, приводимое в сводках ОГПУ, связывало возросший отток с недовольством государственной политикой по отношению к крестьянству и со слухами о войне с Англией[3].

К концу указанного периода, к началу 1930 г., число добровольно выбывших резко сокращается и начинает расти число исключенных. Можно предположить, что в условиях коллективизации членство в комсомоле начинало рассматриваться как показатель благонадежности. Отчисление же, по всей видимости, становилось способом избавления от социально неугодных элементов. Так, в статистической отчетности на середину 1930 г. приводилась такая категория крестьян как «зажиточные», указывалась их численность по отдельным поселениям и выборочно, а в графе члены ВЛКСМ во всех таблицах ставился прочерк. Само наличие графы и прочерк в ней подчеркивали социальную ориентацию комсомола, и тем самым демонстрировали особенности и практику его роста в сельской местности.

Приведенные данные позволяют говорить о том, что комсомол изменялся в принципах организационного строения. С одной стороны, расширение приема в комсомол в конце 1920-х годов делало его – во многом пока еще потенциально – массовой организацией. С другой стороны,

---

[1] Там же. С. 5; Материалы к отчетному докладу Северо-Кавк. Краевого Комитета Р.Л.К.С.М. IV Краевой Конференции (За период IV - 1924 – III - 1926 г.). Ростов н-Д., 1926. С. 14-15.

[2] Материалы к отчетному докладу Северо-Кавк. Краевого Комитета Р.Л.К.С.М. IV Краевой Конференции (За период IV - 1924 – III - 1926 г.). Ростов н-Д., 1926. С. 15.

[3]РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 188. Л. 114.

усиливался контроль в обществе и связанные с этим неблагоприятные последствия для выходящих из комсомола добровольно и исключаемых «социально чуждых». То есть членство в комсомоле начинало рассматриваться как своего рода признак, указывающий на политическую благонадежность.

В национальных областях Северо-Кавказского края обозначилась тенденция «к коренизации» комсомольских организаций, то есть к росту числа представителей национальностей по сравнению с числом русских. Во многом это объясняется стремлением партии и государства заручиться поддержкой малых народов и противопоставить их казачеству и зажиточной части крестьянства. Во всяком случае, одним из мотивов политики украинизации, проводимой в крае, был мотив «борьбы с казачеством», которое рассматривалось как контрреволюционный по духу элемент[1]. Так, с 1924 г. по 1926 г. процент русских сократился в два раза до 18%, процент «коренного населения» в комсомоле вырос почти в два раза до 79%[2].

Количественные показатели по национальным областям края изменялись более умеренными темпами, чем в целом по краю до 1929 г. Прирост составлял не более 10-15%. Но в 1929 г. последовал всплеск до 30-35%. При этом самые большие организации возникали и развивались в тех областях, где находились достаточно крупные города. Так, самой большой была комсомольская организация Чеченской области, что объяснялось включением Грозного в состав этой области в 1928 г[3]. Вторыми по величине

---

[1]См.: ГАСК. Ф. Р-299. Оп. 1. Д. 250, ЦДНИРО. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 113, Д. 127, ЦДНИКК Ф. 20. Оп. 1. Д. 4. Л. 186.

[2] Материалы к отчетному докладу Северо-Кавк. Краевого Комитета Р.Л.К.С.М. IV Краевой Конференции (За период IV - 1924 – III - 1926 г.). Ростов н-Д., 1926. С.14; Комсомол Северного Кавказа в цифрах (XII – 1930). Статистический сборник к 6-ой Крайконференции и IX съезду Союза. Ростов н/Д., 1930. С. 48-50.

[3] Комсомол Северного Кавказа в цифрах (XII – 1930). Статистический сборник к 6-ой Крайконференции и IX съезду Союза. Ростов н/Д., 1930. С. 48.

были организации Северо-Осетинской области и Кабардино-Балкарской, опиравшиеся на города Владикавказ и Нальчик соответственно.

Что касается качественного состава национальных организаций, то он изменялся также как и в целом по краю: незначительный рост числа середняков в середине 1920-х годов, а затем резкое сокращение в 1929 г. Отметим, что в национальных областях одновременно с сокращением численности середняков произошло значительное вымывание их из состава членов бюро и секретарей комсомольских ячеек[1]. То есть, и в национальных организациях проявилась та же тенденция, связанная с опорой на социально близкие слои – бедняков и батраков.

В связи с особенностями населения края – многонациональностью, сельским характером, наличием казачества – особое место занимал в культурной политике «женский вопрос», так как женщины оставались опорой традиционных представлений и старого общественно-бытового уклада, следовательно, препятствием для новой социальной организации общества. Так что без решения этого вопроса не могло быть и речи о формировании «новой женщины», новой культуры. Именно поэтому особенно важным представляется процесс одевичивания комсомола.

Партийное и государственное руководство осознавало, какую роль могли бы сыграть девушки и женщины в создании новой социальной системы. Поэтому уже в самом начале формирования нового государства использовались все возможные средства для уничтожения культурных и психологических стереотипов, мешающих появлению новой женщины: от либерализации семейно-брачных отношений до привлечения женщин к управлению. Вот что писалось в одной из брошюр того времени: «Немыслимо поднять на большую высоту сельское хозяйство, если мы к этому не привлечем крестьянку. Невозможно создать хорошую кооперацию без участия в ее работе женщины-крестьянки. Нельзя приблизить крестьянское хозяйство к социалистическим формам, если этому не будет

[1] Комсомол Северного Кавказа в цифрах (XII – 1930) … С. 49.

содействовать крестьянка»[1]. Понятно, что для сельских регионов, к каковым относился Северо-Кавказский край, это относилось в первую очередь.

Центром активности новой женщины, особенно молодой, вместо дома и семьи становилась общественная жизнь. Без этого невозможно было создать качественное отличие от предшествующих поколений. Именно поэтому партия, а вместе с ней и комсомол рассматривали участие женщин в общественных организациях как первоочередную задачу.

В сельских районах такой подход наталкивался на сопротивление, опиравшееся на традиции: «По отношению к комсомолкам в нашем Союзе царило очень часто мнение: «курица не птица, баба – не человек». Девушки не привлекались к активной работе. Не было товарищеского отношения к ним. Этому должен быть положен конец»[2].

Нежелание самих женщин и девушек, занятых домашними заботами, становилось не менее серьезным препятствием для участия в общественной и политической жизни. Это нежелание проявлялось в таких рассуждениях: «Что у вас делать?» – отзывается девушка. – «Политику знать будешь, в кружках учиться, газету читать, развиваться». Ее старательно тащат на всякие доклады и лекции, на собрания и конференции. И когда девушка начинает отходить от них, ячейка уныло жалуется на ее несознательность»[3]. С таким подходом и должен был бороться комсомол в местных организациях[4].

Прежде всего домашняя хозяйка, мать и воспитатель малолетних детей – такое представление о женщине в обществе господствовало не только среди мужчин, но и разделялось самими женщинами. Именно об этом в 1926 г. писала одна из самых активных представительниц новой власти: «…Женщины получили все права, но на практике они все еще живут под

---

[1] Орлов В. Работа среди девушек-крестьянок. М.-Л., 1926. С. 7.

[2] Ярцев Г. Комсомольское обозрение // Смена. 1924. № 3. С. 28.

[3] Орлов В. Работа среди девушек-крестьянок. М.-Л., 1926. С. 17.

[4] ГАНИСК. Ф. 4624. Оп. 1. Д. 1. Л. 68-70, Ф. 4625. Оп. 1. Д. 25. Л. 97-98.

старым игом: без реальной власти в семейной жизни, порабощенные тысячью мелких домашних дел, несущие бремя материнства и даже материальных забот о семье»[1].

Устоявшиеся традиции аграрного по типу хозяйства края, традиции казаков и народов Северного Кавказа, требовали большей энергии и усилий для перестройки сложившихся стереотипов женского поведения. Текущая ситуация и направление, в котором следовало работать, чтобы решить связанные с ней проблемы были охарактеризованы в журнале «Спутник партработника» таким образом: «Область работ среди широких масс женщин – еще непочатый угол. Из-за отсутствия достаточного кадра коммунисток. Необходимо, чтобы делегатки ближе подошли к ячейке, непосредственно соприкоснулись с ее работой и в процессе этой работы могли бы обрабатываться в требуемом нам направлении. Обязательно ввести посещение занятий общественно-политических кружков. … Приучить читать книги (коллективно), она должна посещать библиотеки, избы-читальни, школы ликвидации неграмотности и малограмотности, театры. То есть должна быть активным работником»[2].

В первой половине 1920-х годов с большим трудом удавалось привлечь девушек в комсомол и женщин в партию. На 1925 г. в целом по стране девушек в ВЛКСМ было около 16%, в автономных областях и республиках – 12,1%. Всего крестьян-комсомольцев насчитывалось на 1926 г. 831000, а

---

[1] Коллонтай А. Автобиография сексуально эмансипированной коммунистки // Марксистский феминизм. Коллекция текстов А. М. Коллонтай / Сост. и общ. ред. В. И. Успенская. Тверь, 2003. С. 40.

[2] Спутник партработника. 1923. № 11-12. Цит. по: Коршун О. (Ставрополь) «Мир повседневности» женщины в 20-е гг. XX века в Ставропольской губернии [Электронный ресурс] // Новая локальная история. URL: http://www.newlocalhistory.com/node/168 (дата обращения: 24.01.2015).

комсомолок – 102200[1].

В Северо-Кавказском крае количество женщин зависело от того, в каком районе создавалась и работала комсомольская организация. Например: союз РЛКСМ в Константиновской сельячейки имел «50 человек членов, из них 14 девушек, по социальному и имущественному положению разбивающихся на следующие группы: батраков 23, бедняков 16, середняков 8, служащих 2. по культурному уровню ячейка довольно слабая: 2/3 всего состава технически малограмотны»[2]. В национальных районах положение складывалось еще более удручающее: в Дагестане в начале 1925 г. во всей республиканской организации их было 250 (8%), непосредственно в аулах – лишь 13[3]; в одном из районов Адыгеи в 1924 г. – одна комсомолка на 900 человек в организации[4]; на всю Чечню в 1924 г. – 22 комсомолки, и отмечается как качественный рост – 89 вступивших в 1927 г[5].

Основные трудности обычно связывались с неготовностью комсомольцев к работе и сведением активности к лозунгам: «Ячейка всячески «просвещает» девушку, доказывает ее темноту, убеждает быть

---

[1]Скоропад А. Э. «Одевичивание» комсомола как составляющая политического контроля // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В.И. Вернадского. 2013. № 2. С. 236; Слезин А. А. Сельский комсомол 1920-х годов: реалии «одевичивания» // Женщины села: проблемы адаптации к историческим условиям России. Оренбург, 2002. С. 82-83.

[2] Коршун О. (Ставрополь) «Мир повседневности» женщины в 20-е гг. XX века в Ставропольской губернии [Электронный ресурс] // Новая локальная история. URL: http://www.newlocalhistory.com/node/168 (дата обращения: 24.01.2015).

[3]Скоропад А. Э. «Одевичивание» комсомола как составляющая политического контроля // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В.И. Вернадского. 2013. № 2. С. 236.

[4] Комсомол в Адыгее / Адыгейский (Черкесский) областком РЛКСМ // Смена. 1924. № 14. – 2-я стр. обл.

[5] Ахмадова М., Абубакарова А. Чеченская женщина в условиях социально-экономического и культурного строительства в Чеченской автономной области 20-30 гг. XX века // Вайнах. 2014. № 1. С. 87-88.

сознательной, бросить «старые предрассудки» и «строить новый быт»[1]. Но каков должен быть новый быт и в чем заключались его преимущества, ячейка не объясняла.

Не малую роль, по мнению партийных агитаторов, играла семья: «Положение комсомолки в семье несравненно тяжелее, чем парня-комсомольца. Ее «пилят» на каждом шагу мать, отец, братья, золовки. Если она поздно приходит с собрания, ее встречает самая злая ругань. Если она садится за книжку, ее отнимают у нее»[2]. Такое отношение было связано с традиционным отношением к социальной роли женщины. Причем часто оно формулировалось в категорических формах «будет состоять в ячейке, замуж никто не возьмет».

Большое значение имела и позиция комсомола по отношению к религии, которая также становилась препятствием для девушек-крестьянок. Значительное влияние оказывала на девушек и манера комсомольцев вести себя нарочито грубо и неуважительно по отношению к старшим, друг другу. Очень часто проповедуемый новый быт выглядел как «неряшливость, грубость, простой разврат и хулиганство»[3].

Особую значимость в привлечении девушек в комсомол имели вопросы, связанные с замужеством. Замужество для крестьянской девушки – главное событие в ее жизни. В этом направлении ее воспитывали с раннего возраста. Вот почему для нее вставал вопрос: «В комсомол впишешься, замуж не выйдешь». Кроме того комсомолке еще и не следовало венчаться. В Северо-Кавказском крае брачная обрядность в 1920-х гг. сохранялась. Все это также препятствовало включению девушек и молодых женщин в активную общественную жизнь.

Статистические данные свидетельствуют, что численность девушек в комсомоле по Северо-Кавказскому краю к концу 1929 г. составляла около

---

[1] Орлов В. Работа среди девушек-крестьянок. М.-Л., 1926. С. 10.

[2] Орлов В. Работа среди девушек-крестьянок. М.-Л., 1926. С. 13.

[3] Там же. С. 15

5,3% от общего числа. А прием девушек был в среднем по годам в два раза меньше, чем юношей[1], то есть разрыв в численности нарастал.

Следует отметить, что в рамках построения новых бытовых отношений особое внимание «одевичиванию» комсомола уделялось в национальных областях. Там этот процесс связывался не только с получением женщинами статуса полноправного члена общества, повышением ее культурного уровня, но с вовлечением женщины в процесс общественного производства, в общественно-политическую деятельность, которая в силу публичности позволяла контролировать поведение женщин, а через них и мужчин. Именно поэтому в комсомоле к концу 1920-х годов быстро растет число девушек в национальных организациях: с октября 1928 г. по октябрь 1930 г. их число выросло более, чем в два раза – с 2956 до 7390 человек. Кроме того, резко увеличилось число ячеек, руководимых девушками[2]. Одной из практик привлечения девушек в комсомол становится создание на временной основе исключительно девичьих по составу ячеек.

Процессы количественного роста, «коренизации» и «одевичивания» наряду с батрацко-бедняцким составом комсомольских организаций позволяют сделать вывод о том, что комсомол в Северо-Кавказском крае к концу 1920-х годов рассматривался партией как основной проводник текущей политики в молодежной среде – ее субъектом, при этом опорой становились социально близкие, низовые слои сельского населения.

Численное увеличение в сельской местности, в национальных областях и привлечение девушек и молодых женщин позволяло с большей эффективностью проводить в жизнь непопулярные в целом преобразования, связанные с духовной (борьба с религией) и с экономической (коллективизация и «борьба за урожай») сферами.

В то же время укреплялась и система контроля над комсомолом,

---

[1] Комсомол Северного Кавказа в цифрах (XII – 1930). Статистический сборник к 6-ой Крайконференции и IX съезду Союза. Ростов н/Д., 1930. С. 3.

[2] Комсомол Северного Кавказа в цифрах (XII – 1930) … С. 3-4.

причем не только с внешней стороны, со стороны партии, по отношению к которой комсомол становился зависимой организацией, но и через сам комсомол с помощью «укрепления партийного ядра». То есть члены партии оставались в комсомольских организациях, в том числе на руководящих постах. Тенденция на наращивание партийного ядра в комсомоле прослеживается и по статистическим показателям и по постановлениям руководящих органов. Данные о членах ВКП(б), входящих в состав краевой организации в целом, райкомов, ячеек являлись обязательными в отчетах организаций. Отметим, что рост партийного ядра происходил постоянно и до 1930 г. в процентном отношении превышал рост численности комсомольской организации[1]. Процесс увеличения числа членов партии отражал тенденцию к установлению жесткого контроля над комсомолом, что в связи с коллективизацией становилось важнейшей задачей, а особенно в Северо-Кавказском крае с большой прослойкой казачества, наличием зажиточного слоя крестьян.

Таким образом, можно говорить о том, что данные статистики, пусть и не всегда полные, характеризуют основные тенденции организационной политики в отношении молодежи, проводившейся на Северном Кавказе. Несмотря на неполноту этих данных можно проследить основные процессы, связанные с развитием комсомола в этом регионе: некоторую либерализацию середины 1920-х; неопределенность 1927-1928 годов; наконец, процесс резкого роста массовости и усиления контроля за социальным составом в 1929 г. Одновременно повышалось внимание и к политически-идеологической составляющей. Все это позволяет говорить о том, что главные цели молодежной политики в крае к концу 1920-х годов были в основном намечены.

В качестве одного из способов решения указанных проблем было предложено более жесткое и крепкое партийное руководство, связанное с

---

[1] Комсомол Северного Кавказа в цифрах (XII – 1930) … С. 41.

укреплением партийного ядра, но не менее необходимо было такое руководство и в связи с корректировкой мотивов, которыми руководствовалась молодежь, вступая в комсомольские организации на местах.

Выше уже говорилось, что большую часть Северо-Кавказского края занимали сельские и национальные районы, уровень грамотности в которых был невысоким, а влияние традиций велико. В связи с этим важным представляется рассмотреть, чем руководствовались молодые люди, вступавшие в комсомол, работавшие в нем иногда вопреки родительским запретам.

Безусловно, основными мотивами выступали мотивы, связанные с перестройкой общества. Однако они в значительной степени дополнялись личными мотивами, направленными на изменение социального статуса, его повышение, возможность улучшения жизни и на достижение независимости от старшего поколения. Рассмотрим эти мотивы подробнее.

В сельской местности создание комсомольских организаций иногда происходило стихийно. Организованность если и проявлялась, то зачастую выглядела как относительно узаконенная форма заявления о самостоятельности от старшего поколения. «Как везде и всюду, начали с места в карьер. Собирались группа самых смелых и решительных, в то же время самых безалаберных парней. К ним примыкали остальные. Выбирали, по обыкновению, инициатора ответственным секретарем, намечали лучший дом в станице, объявляли его комсомольским клубом, сносили туда мягкую мебель, ковры и непременно пианино…»[1].

Не последнюю роль в связи с отсутствием организованности, особенно в начале работы комсомольских ячеек, в деревне играли протестные мотивы, стремление к самостоятельности и независимости от предыдущих поколений, новизна досугового времяпрепровождения, характерные для

[1] Б-Ч А. Комсомол на Кубани // Комсомол в деревне. Очерки / Под. ред. В.Г. Тана-Богораза. М. – Л., 1926. С. 177.

молодежи как особой социальной группы.

Большой интерес, как кажется, в исследовании неочевидных мотивов представляют сборник «Комсомол в деревне», состоящий из «этнографических очерков», изданный в 1926 году[1]. Авторы очерков, очевидно, относились к той группе молодежи, которая «служит для партии мощным орудием коммунистического воздействия и влияния на широкие слои рабочей и крестьянской молодежи»[2]. Понятно, что именно поэтому материалы сборника имели отчетливо выраженный идейный уклон. Тем не менее, «этнографическая точность», зарисовки отдельных сцен, описания поведения, отдельные диалоги, при помощи которых стремились авторы «оживить» свои наблюдения, стремление к объективности приводило к тому, что, возможно, неосознанно фиксировались некоторые личные мотивы молодежи, вступающей в комсомол. В результате оказалось, что далеко не все из них связаны с идеологическими задачами построения нового общества.

Так, «стремление быть вместе» и «особая организация досуга» на первых порах формирования комсомольских организаций становился одним из доминирующих мотивов. Не менее характерным для молодежи оказывался «мотив поиска круга общения». Например, в одном из очерков рассказывалось следующее: «С утра до вечера, а иногда и до поздней ночи из клуба неслись звуки расстроенного пианино, пение «Интернационала», который комсомольцы прилежно разучивали, или бессвязные, но в то же время горячие речи ораторов… Одни посмотрят и уйдут, а другие еще придут, и раз, и другой, да так и останутся постоянными посетителями клуба, пока сами не запишутся в комсомол. Комсомолец Чалый рассказывал: «Пришел я в первый раз в комсомольский клуб, молодёжи битком набито,

---

[1] Комсомол в деревне. Очерки / под. ред. В.Г. Тана-Богораза. М. – Л., 1926. 203 с.

[2] По вопросу РКСМ (Резолюция XI съезда РКП(б), март – апрель 1922 г.) // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Часть I: 1898-1925. М., 1953. С. 640.

все свои парни, музыка (пианино) играет… Все курят от табачного дыма и от копоти не продохнешь. Сходил раз и другой раз, а потом и в комсомол вступил»[1].

Очевидно, что в данном случае проявлялось в первую очередь стремление к созданию своей независимой от окружающих молодежной группы, которая имеет особые формы организации свободного времени и дает ощущение самостоятельности. Значимую роль в этом процессе играли и элементы новизны, и скрытого протеста – своеобразное сочетание протеста, проявлявшееся в революционных песнях и безудержном курении.

Конечно, не менее значимым являлся мотив социального позиционирования, связанный с противопоставлением себя взрослому поколению: «Взаимоотношение между молодежью и стариками можно характеризовать, как стремление молодежи выйти из подчинения старшим»[2].

Реализация этого последнего мотива на практике приводила к конфликтам между возрастными группами. Например, даже в считавшемся революционным селе, населенном иногородними, а не казаками, то есть в селе с менее устоявшимися традициями, регулирующими отношения между младшими и старшими, старики молодых «брали за грудки» и обещали разобраться.

Иногда подобные конфликты приводили к тому, что к комсомольским организациям начинали относиться с презрением. В одном из очерков как типичное приводится такое мнение старших: «Что от них будет хорошего, если они соберутся сами и наставлять их будет некому? Вот хоть своих сынов, пока доведешь их до ума, так не раз и не два побьешь… А в комсомоле только лениться научатся. Какой с комсомольца хозяин будет?»[3].

Однако рост грамотности в среде молодежи, участие комсомольцев в

---

[1] Б-Ч А. Комсомол на Кубани // Комсомол в деревне. Очерки / Под. ред. В.Г. Тана-Богораза. М.-Л., 1926. С. 178.

[2] Б-Ч А. Комсомол на Кубани … С. 184.

[3] Б-Ч А. Комсомол на Кубани … С. 185.

общественных мероприятиях под руководством членов партии, пусть не быстро, но меняло отношение к комсомольским организациям. По словам самих молодых людей, их стали воспринимать иначе и всерьез «… особенно после того, как они начали выступать на собраниях и митингах»[1].

Подобные факты позволяют говорить о том, что комсомол начинал восприниматься как социальная сила, способная повлиять на жизнь, способная изменить положение человека, дающая определенные управленческие и контрольные полномочия.

Похожие мотивы обнаруживаются и в архивных материалах некоторых комсомольских организаций. Так, в одном из сел Ставропольского окружкома объединяющей идеей стало стремление организовать клуб с театром[2], в другом желание быть самостоятельными в отношении со старшими и в решении своих вопросов[3]. Есть в документах и обращения комсомольцев с просьбами и требованиями направить их на учебу, причем иногда сразу в институт[4].

В национальных районах, если судить по другим очеркам, многое происходило также. В черкесских селах часто начиналось с противопоставления старшим и традиции: «старик не слушай, мулла не слушай, книга умей читать»[5].

Иногда, видимо, из чувства протеста формой самостоятельного поведения становилось открытое нарушение норм традиционного этикета, например в следующем описании: «В семье комсомол себя проявляет так: я разговаривал в уне (избе) с молодым черкесом, который полулежал на кровати. Вошел отец; сын не изменил своей позы и продолжал говорить.

---

[1] Б-Ч А. Комсомол на Кубани … С. 188.

[2] ГАНИСК. Ф. 4624. Оп. 1. Д. 3. Л. 49-50.

[3] ГАНИСК. Ф. 4625. Оп. 1. Д. 6. Л. 28-32.

[4]ГАНИСК. Ф. 5938. Оп. 1. Д. 13. Л. 46-48.

[5] Бай А. Черкесский комсомол и молодежь // Комсомол в деревне. Очерки / Под. ред. В.Г. Тана-Богораза. М.-Л., 1926. С. 199.

Старая семейная и общественная этика черкесов такого поведения сына перед отцом отнюдь не допускает. Потом я говорил с этим отцом. В прошлом это властный старик, аульный старшина, привыкший к абсолютному подчинению. И он с горечью заявил мне: «Что будешь делать, время настал такой. Старик теперь совсем не в мода. Наша все передал на сына. Старик теперь ничего не знай. Какой совет, какой спалком, какой новый порядок, – все сына знай»[1].

И в этом случае изменение статуса комсомольца связывалось со сложным сочетанием стремления к самостоятельности, расширением пространства личной свободы и грамотностью и образованием. Нарушение традиционного этикета при этом рассматривалось, видимо, в качестве закономерного утверждения элемента новизны.

Возможно, ведущую роль в национальных районах играло стремление повысить социальный статус с помощью учебы и образования. Так, молодые черкесы связывали свои надежды на переход на управленческие должности с образованием. Характерным выглядит такой короткий диалог, приведенный автором одного из очерков: в небольшом горном ауле первый комсомолец на вопрос «Зачем он вступил в комсомол?», ответил: «Наша здорово хочет учиться»[2]. В другом селе молодые черкесы прямо заявляли: «Ми писался в комсомол, что наша будет бесплатно учиться. А раз наша бесплатна не учись и свободный день не давай – наша не желай комсомол… Наша комсомол не надо»[3].

Можно отметить, что положения в обществе, возможности карьерного роста являлись серьезными мотивами, привлекавшими молодежь в комсомол.

«Сначала комсомол, а затем совпартшкола в Краснодаре или

---

[1] Бай А. Черкесский комсомол и молодежь … С. 200.

[2] Бай А. Черкесский комсомол и молодежь … С. 194.

[3] Б-Ч А. Комсомол на Кубани // Комсомол в деревне. Очерки / Под. ред. В.Г. Тана-Богораза. М. – Л., 1926. С. 195.

Новороссийске, а там и ВУЗ в Москве»[1], – автор очерка о черкесской молодежи завершал своё повествование именно этой сентенцией.

Чуть мягче и осторожнее обозначали свои цели деревенские комсомольцы в одной из станиц Кубани: «Намечая себе профессии, 19 человек малограмотных не отстают от 21 грамотных. Все определенно тянутся к интеллигентному труду. Ни один из 40 человек не выразил желания тянуть дедовскую лямку хлебороба»[2]. Здесь главный мотив при вступлении в комсомол – это получение образования и уход от тяжелого труда в сельском хозяйстве.

Этот же мотив отмечался в официальных документах комсомольских организаций края, а не только в очерках, причем стремление оставить село звучало из уст руководителей комсомольских ячеек: «Секр. Каз. яч., Тарасовского района, Донецкого округа, на пленуме Райкома заявил: работая 3 месяца делопроизводителем, я пришел к выводу: лучше получать 20 рублей в месяц, чем работать в с.-х». «Член Бюро Еф. ст. яч., Кривор. района, того же округа, на общем собрании ячейки с бесп. молодежью сказал: я все думаю, как бы удрать в город, работал бы я там по 8 час., получал монету и никто бы не указывал, а то дома отец ругает, придешь в ячейку КСМ тоже ругают»[3].

Мотивы личной заинтересованности зачастую приводили к кризису в работе комсомольских организаций. Так, один из секретарей сельских ячеек на Совещании секретарей деревенских ячеек при ЦК РЛКСМ, выступая, говорил: «Мы до сих пор в деревне не показали своей физиономии, как общественной организации. Мы ребят стараемся рассовать по общественным организациям, а они, ничего не делая, только подрывают наш авторитет… Комсомольская общественно-политическая работа крестьянам не видна, как

---

[1] Б-Ч А. Комсомол на Кубани … С. 202.

[2] Б-Ч А. Комсомол на Кубани … С. 187-188.

3 Комсомол Северного Кавказа в подъеме и коллективизации сельского хозяйства / Севкавкрайком ВЛКСМ. – Ростов-на-Дону, 1929. С. 9-10.

полезная работа, зачастую в станице население говорит, что комсомол лишний»[1]. Эта оценка подтверждается и выделением в качестве главного недостатка работы в постановлении Оргбюро ЦК РКП(б) от 15 мая 1925 г. «командования и зазнайства ячеек РЛКСМ и отдельных комсомольцев и наличие в их работе административных уклонов»[2].

Вероятно, именно такая – личная – мотивация и слабая организация работы комсомола на селе в Северо-Кавказском крае порождали многочисленные случаи девиантного поведения рядовых комсомольцев.

В годовом обзоре Терского губкома РКСМ за 1923 г. (с 1924 года Терской губком будет преобразован в окружком Северо-Кавказского края) о комсомоле на селе говорилось: «Глубокой систематической работы не было… Борьба за новый быт поставлена неорганизованно, особенно в деревне… Однако практических осуществлений мало, а также мало темных сторон бытовой жизни членов РКСМ»[3]. В 1925 году крестьяне-казаки станицы Горячеводской в одном из обращений жаловались: «Тов. Котляр, надоели нам склоки комсомольцев…. Они или командуют, или так замкнуты, что ни с какого боку к ним не подъедешь. Вот два афериста развратника М… и К…… Увольте нас от таких умниц, дайте нам тех, кто умеет нас спокойно выслушать и нами не брезгует, не морщится, видя наши сапоги в дегте»[4].

На проблемы в работе отдельных сельских комсомольских организаций края обратило внимание даже ОГПУ. В одной из сводок информотдела говорилось: «Терский окружной отдел ОГПУ сообщает Вам для сведения о ненормальностях, обнаруженных при проведении районной конференции РЛКСМ в с. Арзгире. В сентябре месяце по разверстке предоставлено одно место в рабфак, комиссия при райкоме РЛКСМ наметила кандидатуру в

---

[1] Комсомол лицом к деревне (Стенографический отчет Совещания секретарей деревенских ячеек при ЦК РЛКСМ 25-26 октября 1924 г.). М. – Л., 1925. С. 17.

[2] Справочник партийного работника. Выпуск пятый. М., 1926. С. 397.

[3] ГАНИСК. Ф. 4624. Оп. 1. Д. 1. Л. 56, 62, 64.

[4] ГАНИСК. Ф. 5938. Оп. 1. Д. 1. Л. 149-149 об.

рабфак – одного парня-нацмена, жителя с. Арзгир, который бросил работать и усердно стал заниматься, через некоторое время секретарь заявил, что «в рабфак не поедешь» <…> и был выдвинут только что приехавший комсомолец – брат партийного чиновника, а затем и второй брат отправлен в сельхозшколу <…> … во время перевыборов в райком взаимоотношения местных с приезжими было обостренное. Приезжие комсомольцы рассуждают, что «вот уедут ребята в армию, которые буянят и волнуют ребят, тогда и работа пойдет по хорошему», так говорит секретарь райкома РЛКСМ»[1].

«15 апреля. В хут. Беляево Аксайского района ячейка ВЛКСМ среди населения никаким авторитетом не пользуется… Комсомольцы занимаются пьянством и даже драками в клубе. Комсомольцы от беспартийной молодежи держатся в стороне, всячески избегая какого-то ни было общения, важно называя себя «партийцами». Крестьяне смотрят на ячейку недоброжелательно. Аналогичных фактов зарегистрировано 17»[2].

Комсомол, таким образом, становился для молодого поколения защитником интересов в противостоянии со старшим поколением, а также превращался в организацию, связанную с естественным «протестным движением» молодого поколения против ограничивающих норм старого быта.

Указанные мотивы, которыми руководствовались некоторые представители молодого поколения, вступая в комсомол, приводят к выводу о том, что уже на начальных этапах своего формирования в Северо-Кавказском крае эта организация рассматривалась в качестве одного из каналов социальной мобильности, позволявшего изменить или повысить

---

[1] ГАНИСК. Ф. 5938. Оп. 1. Д. 13. Л. 44.

[2] Из сводки информотдела ОГПУ о недочетах работы комсомольских организаций в деревне на 25 июня 1926 г. // Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918 - 1939. Документы и материалы. В 4-х т. / Т. 2. 1923-1929 / Под ред. А. Береловича, В. Данилова. М., 2000. С. 425.

социальный статус. Отметим, что это отчасти было использовано и, во всяком случае, поддержано ориентацией партийного и государственного руководства страны на социально близкую категорию населения. Имеется в виду тот факт, что комсомол и комсомольцы не только использовались в реализации партийных и государственных программ, но выдвигались на руководящие посты. Так в Северо-Кавказском крае процент комсомольцев в местных руководящих органах к 1929 г. значительно увеличился, а в некоторых районах удвоился[1]. Направление на учебу в ВУЗы, иные изменяющие статус учебные заведения также связывались с членством в комсомоле.

В целом, учитывая тенденции развития комсомола и разнообразие мотивов, которыми руководствовалась молодежь, можно сделать вывод об использовании партией естественных мотивов поведения молодых людей для первоначальной организации комсомольского движения в крае и последующего использования в целях решения задач построения новой культуры.

Изложенное позволяет говорить о том, что в 1920-е годы молодежная идеология в основном была направлена на разрушение ранее существовавших систем представлений, в частности религиозных и семейно-бытовых, и основным проводником этой идеологии становился комсомол.

Для того, чтобы превратить молодежную организацию в средство и орудие культурного преобразования не только самой молодежи, но и страны в целом, партия и руководство страны использовали разные методы и варианты работы: от попыток своего рода «заигрывания» с казачьей и середняцкой молодежью до ориентации на социально близкие слои населения. Впрочем, к концу 1920-х годов тенденция к превращению комсомола в массовую организацию была дополнена тенденцией к усилению партийного руководства, в том числе за счет расширения партийного ядра в

[1] Комсомол Северного Кавказа в цифрах (XII – 1930). Статистический сборник к 6-ой Крайконференции и IX съезду Союза. Ростов н/Д., 1930. С. 44-45.

самом комсомоле.

Материалы Северо-Кавказского края показывают также и усиленное внимание к качественному составу комсомола: сокращался процент социально чуждых (зажиточных, казачества, середняков).

Вместе с тем, в культурной перестройке общества партийное руководство достаточно умело использует естественные мотивы поведения молодежи для привлечения ее на свою сторону и построения новой социальной организации общества: стремление к независимости, жажду нового, желание иметь более высокий социальный статус.

Не всегда способы и методы организации и руководства комсомолом приводили к успеху в Северо-Кавказском крае, но и в этом сложном по составу населения регионе комсомол в итоге превращался в массовую организацию, в рамках которой осуществлялся процесс формирования нового человека как с помощью воздействия на молодежь, так и с помощью контроля со стороны самой молодежной организации.

Глава 2. Преобразование духовной жизни Северо-Кавказского края в 1920-е годы и комсомол

2.1. Просветительская деятельность комсомола

Создание новой системы управления, перестройка общественного устройства страны стали ведущей задачей новой власти и партии большевиков сразу же после окончания Гражданской войны. Но приобщение общества к новым культурным ценностям было невозможно без решения проблемы ликвидации безграмотности.

Для Северо-Кавказского края указанная проблема приобретала особую актуальность. Так, в начале 1920-х годов грамотных в регионе было менее 30% – 281 грамотный на тысячу населения[1]. В горских республиках положение было еще хуже: в относительно развитой Северной Осетии процент грамотных был в два раза ниже, чем в среднем по краю – чуть более 14%, в Кабардино-Балкарии в четыре раза – 7%, а, например, в Чечне по-русски читало и писало менее одного процента населения[2].

В первые годы Советская власть приступила к активным действиям. Были приняты законодательные акты, определившие борьбу с безграмотностью как одно из приоритетных направлений внутренней политики.

С середины 1921 г. на Северном Кавказе действовало распоряжение, сообразно которому все жители от 14 до 30 лет в принудительном порядке обязаны были учиться грамоте на родном или же русском языке. Для организации изучения формировались пункты ликвидации неграмотности (далее – ликпункты А.Ш.) и школы грамоты, в которых все неграмотные

---

[1] Национально-государственное строительство в Российской Федерации: Северный Кавказ (1917-1941 гг.). Майкоп, 1995. С. 251.

[2] Котов В. Северный Кавказ в 30-40-е годы. Проблемы этно-демографического развития / В. Котов // Россия XXI. 1996. № 1-2. С. 69.

занимались регулярно, причем занятия рассматривались как обязанность. В официальных документах сообщалось: «Милитаризованные и ударные предприятия освобождают от сверхурочных работ на 2 часа в день 3 раза в неделю неграмотных для обучения в школах грамоты. Оплаты за время обучения в школах грамоты производить как за сверхурочную работу за счет предприятия. Обучающиеся в школах грамоты освобождаются от всех видов трудповинности в дни обучения 3 раза в неделю на срок обучения продолжительностью не более четырех месяцев…

Неграмотных, привлеченных к лесозаготовительным работам, комтруды освобождают от сверхурочных работ на 2 часа в день 3 раза в неделю с оплатой за обучение в школе как за сверхурочную работу… Лица, злоупотребляющие освобождением от трудповинности (не являющиеся в школу), подлежат ответственности как труддезертиры. Имена и фамилии их должны немедленно сообщаться в месткомтруды»[1].

Однако освобождение от работ можно было распространить только на городское население и на рабочих. На селе подобная практика не применялась по той причине, что хозяйственные дела и сельскохозяйственные работы занимали (особенно в сезон) почти весь день. Такие работы рассматривались крестьянами и казаками как гораздо более важное дело, чем обучение[2]. Кроме того, объективным препятствием для учебы взрослого населения являлась специфическая поселенческая структура, а именно: в крае преобладали большие села и станицы, а это означало, что земельные наделы располагались на большом удалении от станиц и сел, поэтому хозяева покидали свои дома на время сельскохозяйственных работ и жили при своих участках большую часть весны и лета. Естественно, что этот временный отъезд затрагивал и семьи, и лишал крестьян, казаков и их детей возможности посещать школы и ликпункты.

---

[1] ГАНИСК. Ф. Р-355. Оп. 1. Д. 18. Л. 85-86.
[2] Там же.

Существенным препятствием, которое пришлось преодолевать, стало отделение школы от церкви и ликвидация преподавания Закона Божьего. По опросам, проведенным в Донском округе, более 70% сельских жителей именно по этой причине не хотели посылать своих детей в школу[1]. Поэтому власти вынуждены были заставлять родителей учить детей. Окружные комитеты издавали специальные постановления, по которым вводилось обязательное начальное образование в школах первой ступени[2].

В национальных районах Северного Кавказа ликвидация безграмотности затруднялась влиянием консервативной части последователей ислама. Получение даже начального образования истолковывалось отдельными представителями местного духовенства как отступничество от веры. Чтобы воспрепятствовать посещению пунктов ликвидации безграмотности распространялись фантастические слухи, например, в некоторых поселениях был пущен слух о том, что всем, кто посещает ликбез, власти «будут ставить на руку печать» и брать на заметку для грядущих репрессий[3].

Еще одной значимой проблемой был недостаток финансирования как образовательных учреждений – ликпунктов, школ первой и второй ступени, школ крестьянской молодежи, так и иных культурно-просветительных – изб-читален, клубов.

В решении всех этих проблем был активно задействован комсомол. Культурно-просветительская работа (особенно среди крестьянства и казачества) стала не только одним из обязательных направлений деятельности, которая контролировалась и направлялась руководящими

---

[1] ЦДНИРО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 70. Л. 110.

[2] ГАСК. Ф. Р-300. Оп. 1. Д. 459. Л. 42-50.

[3] Кожемяко Т. Н., Борисенко С. Н., Федоренко А. И. Ликвидация неграмотности как основа изменения социокультурного пространства Северного Кавказа в контексте советской модернизации // Теория и практика общественного развития. 2012. № 12. С. 336.

органами государства и партии, но и мощным средством привлечения молодежи в союз, потому что получение образования могло изменить жизнь, способствовать укреплению авторитета, обеспечить возможности для социального роста.

Активное участие принимал комсомол в решении материальных проблем при организации ликпунктов и создании ячеек общества «Долой неграмотность». В условиях сокращения финансирования в начале нэпа такая помощь становилась необходимой. Деятельность комсомольских организаций в этом направлении зависела от конкретной ситуации: в ряде станиц и сел ячейки фактически являлись создателями пунктов ликвидации безграмотности, то есть организовывали и содержали их; в других поселениях комсомольцы агитировали непартийную молодежь и взрослое население, собирали денежные взносы, разъясняя положительные последствия приобретения грамотности[1].

На Ставрополье, где проблема финансирования отмечалась как одна из самых острых, для получения дополнительных денежных средств комсомольцы устраивали субботники и проводили спектакли. В некоторых населенных пунктах организовывались концерты, предшествовавшие танцам или гуляниям. Вырученные деньги направлялись на покупку учебных материалов, на ремонт, а иногда для покупки продуктов преподавателям ликпунктов и школ[2].

Комсомол принимал активное участие в организации работы культурно-просветительских учреждений – ликпунктов, изб-читален, клубов и кружков – и в финансировании их работы почти до начала 1930-х годов. Эта активность находила свое отражение не только в документах комсомольских организаций, но и в прессе. Местные газеты довольно часто публиковали материалы о «культурных походах». Так, в одной из статей

---

[1] ГАНИСК. Ф.Р-355. Оп. 1. Д. 18. Л. 85-86.

[2] ГАСК. Ф.Р-164. Оп. 1. Д. 387. Л. 9.

давался обзор одного из таких походов, проведенных комсомольцами в Благодарненском районе[1].

Всесоюзное общество «Долой неграмотность» начало свою работу в 1924 г. Комсомольцы с самого начала активно работали в организациях этого общества и как организаторы ликпунктов, и как агитаторы, действующие зачастую своим примером, хотя бы в силу того, что сами были неграмотны.

Помощь комсомола работе общества «Долой неграмотность» осуществлялась в самых разных формах. Например, в одном из поселений потребовалось сначала защищать ликпункт от закрытия, которого хотели добиться жители одного их поселений по той причине, что «учеба отрывает от работы», причем крестьяне «подняли такой шум, что стены дрожали»[2]. Затем там же пришлось изыскивать средства для работы ликпункта, потому что за счет местных средств его содержать не желали, несмотря на разъяснения о пользе грамотности.

В национальных районах деятельность общества «Долой неграмотность» разворачивалась с большой энергией уже потому, что уровень грамотности в этих районах был очень не высок. В 1925 г. в Кабардино-Балкарии действовало 145 пунктов ликвидации безграмотности. Однако в горных районах речь шла в основном об обучении чтению на местных языках.

Обучение на русском языке велось в очень ограниченных размерах. Несмотря на мощный стимул, связанный с русским языком (на нем велось делопроизводство) процесс обучения ему был затруднен. Это объяснялось действием следующих факторов: во-первых, национальные районы испытывали острую нехватку учителей русского языка из местного населения и русских учителей, умеющих работать с местным населением[3];

---

[1] Власть Советов. 1928. 13 октября.

[2] ГАСК. Ф. Р-300. Оп. 1. Д. 24. Л. 20.

[3] Магомедов А. М. Расцвет и сближение народов Дагестана на путях к коммунизму. Махачкала, 1966. С. 218.

во-вторых, школы с русским языком в некоторых районах встречали сильное сопротивление со стороны враждебно настроенного религиозного населения. В некоторых округах такие школы не смогли начать работать и закрылись. В одном из районов школа в горском селе была сожжена, а в другом детей, которые ходили в школу, считали «нечестивыми»[1].

Однако главной проблемой, порождавшей нехватку русскоязычных школ, была не традиция и не ислам, а отсутствие в должном количестве подготовленных учителей.

Материальные проблемы на территории края усугублялись кадровыми, а они в связи с недостатком специалистов стояли и без того достаточно остро: отсутствовали не только преподаватели в ликпунктах, но и школьные учителя для школ первой ступени. И если в городах положение оказывалось сложным, то в сельской местности просто отчаянным. Так, в городах на одного учителя приходилось до 41 ребенка в Ставропольском округе и до 65 детей в Терском[2]. В сельских школах Терского округа, где работало всего около 730 учителей, этот показатель составлял 184 учащихся, в Ставропольском округе при 1 075 учителях – 187 учащихся[3].

Нехватка специалистов остро ощущалась во всем Северо-Кавказском крае, поэтому, чтобы обеспечить пункты по ликвидации безграмотности преподавателями, к работе в них привлекались умевшие только читать и писать комсомольцы[4]. Уровень таких преподавателей оставлял желать лучшего. В отчетах отдела образования отмечалось (1924 г.), что многие

---

[1] Кожемяко Т. Н., Борисенко С. Н., Федоренко А. И. Ликвидация неграмотности как основа изменения социокультурного пространства Северного Кавказа в контексте советской модернизации // Теория и практика общественного развития. 2012. № 12. С. 336.

[2] Всесоюзная перепись населения. 1926 г. Т. 22. С. 310, 339.

[3] ГАСК. Ф.Р-300. Оп. 1. Д. 412. Л. 91-93.

[4] Мамсиров Х. Б. Модернизация культур народов Северного Кавказа в 20-е годы XX века. Нальчик, 2004. С. 275; Сабанчиева В. С. Становление советской системы подготовки учителей в Кабардино-Балкарии // Педагогика. 2009. №6. С. 106.

учителя не получили «даже среднего образования, а только низшее и никакого педагогического стажа»[1].

Про малограмотных комсомольцев-ликвидаторов иногда появлялись даже сатирические материалы в местной прессе. В одной из статей приводились такие слова молодого преподавателя, имитировавшие его низкий уровень языковой культуры: «У вовсех у нас рты позатыкнули. Много дюже береть на себя населения, говоря, что я их плохо обучаю. Понаучились рано»[2].

И хотя к концу 1920-х годов работа по ликвидации неграмотности фактически стала обязательной для членов ВЛКСМ, все же Ставропольский окружной отдел народного образования вынужден был констатировать тот факт, что привлекаемые к этой работе не соответствуют ей, и одной из проблем становится проблема «ликвидации неграмотности среди ликвидаторов неграмотности и учителей первой ступени»[3].

Следует отметить, что и сами итоги борьбы с безграмотностью (особенно на начальных этапах) вызывали много вопросов, поскольку некоторые из обучавшихся, как это было, например, в Ставрополе, «забыли то, что проходили, т.е. превращались в первоначальное положение»[4]. Таким образом, активность комсомола была высокой, но качество работы низким.

Большую роль в сельской местности в деле просвещения и образования играли избы-читальни. Очень часто именно они становились центрами культурно-просветительской работы комсомола и проводниками комсомольского влияния на население деревни. Так, по данным партийных органов Северо-Кавказского края, в 1927 г. среди работавших избачей 23%

---

[1] ГАСК. Ф.Р-164. Оп. 1. Д. 387. Л. 45.

[2] Власть Советов. 1929. 16 мая.

[3] Циркуляр о подготовке кадров преподавателей по ликвидации неграмотности и планы работ по окрполитпросвету // ГАСК. Ф. Р-300. Оп. 1. Д. 493.

[4] ГАСК. Ф. Р-164. Оп. 1. Д. 387. Л. 45.

состояли в комсомоле[1], тогда как общий процент комсомольцев составлял около 5% от числа молодежи.

Для изб-читален существовала особая инструкция, которая выделяла для них следующие функции: «Основной работы избы-читальни, следовательно, заключается в получении книг и газет, в предоставлении каждому возможность читать их; в чтении всех, в организации собеседований, чтений и лекций. При избе-читальне может быть школа грамотности, кружок самообразования и т. п.»[2]. На Ставропольской конференции политпросветов говорилось о большом значении изб-читален, особенно в работе на селе: «Цель избы читальни – распространять программу коммунистических партий, ознакомить с советской конституцией и мероприятиями Советского правительства, приучение населения к газете и книге. Здесь устраиваются чтения, беседы, чтения вслух, организуются кружки самообразования, выставки и прочее»[3].

Избы-читальни становились, таким образом, не только центрами культурно-просветительской, но и политической работы. В них проводились беседы по актуальным вопросам, читались программные документы, устраивались дискуссии (политбои), по темам особо злободневным готовились доклады и лекции.

На базе изб-читален возникали комсомольские клубы, участники которых организовывали митинги, ставили спектакли. Одной из популярных форм просветительской работы комсомольцев были живые газеты, в которых в форме представления освещались вопросы работы комсомола, пропагандировались политические идеи, затрагивались актуальные вопросы текущей жизни.

Чтобы сельские жители начали посещать избу-читальню, создавались столы справок, в которых комсомольцы вели разъяснительную работу,

---

[1] ЦДНИРО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 141. Л. 62.

[2] ГАСК. Ф. Р-1026. Оп. 1. Д. 8. Л. 44.

[3] ГАСК. Ф. Р-164. Оп. 1. Д. 371. Л. 24.

объясняя простым людям значение законов и постановлений и выдавая справки[1]. Так, в Курсавской избе-читальне за месяц было выдано 250 справок, а также устроены 3 читки, на которых всего присутствовали 180 человек[2]. С помощью таких консультаций удавалось привлечь сельских жителей и создать своего рода центр обмена информацией и общения. Это, в свою очередь, вело к расширению посещаемости. У сельской молодежи возникало новое место для встреч и общения. Использовались избы-читальни и в работе с девушками и женщинами, велась в них и атеистическая пропаганда[3].

Однако работа изб-читален разворачивалась с трудом, потому что не хватало денежных средств и главное – подготовленных кадров. Совместными усилиями местных властей, партийных организаций, с привлечением комсомольцев организовывались краткосрочные курсы для «избачей», дававшие общее представление об особенностях работы в читальнях. Отчеты о работе таких курсов учитывались в отделах народного образования, а в некоторых случаях, как, например, в Ставропольском округе в исполкомах[4].

Иногда вместо избы-читальни для более широкого охвата населения создавались своего рода уголки или филиалы. Такая форма культурно-просветительской работы использовалась в Северо-Кавказском крае довольно часто, потому что села и станицы здесь были достаточно крупными, и такого рода уголки облегчали доступ крестьянам, жившим на окраинах сел[5].

Привлечение комсомольцев к работе избачами связано было не только с ответственностью работы избача, но и с тяжелым характером работы,

---

[1] ГАСК. Ф.Р-300. Оп. 1. Д. 412. Л. 4.

[2] Кильмизев Г. Партработа на селе (по Курсавскому району) // Ставрополье. 1925. № 2-3. С. 15-21.

[3] ГАСК. Ф. Р-300. Оп. 1. Д. 412. Л. 11.

[4] ГАСК. Ф. Р-300. Оп. 1. Д. 412. Л. 93.

[5] ЦДНИРО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 70. Л. 20.

которая к тому же плохо оплачивалась[1]. Так, в очерке местной газеты указывалось: «Трудно перечесть наизусть обязанности избача. Он библиотекарь – два раза в день выдает книги, днем для детей, вечером для взрослых. С утра, чуть только заработал сельсовет, он – за справстолом в избе, выдает справки, пишет заявления в сельсовет, в милицию, с.х. товарищество, выбирает к вечеру материал для чтения, просматривает книги, газеты, просматривает план и отчеты сельско-хозяйственного, кооперативного, драматического, политического, естественно-научного, антирелигиозного, библиотечного и других кружков, подбирает материал для стенгазеты, переписывает его, изучает циркуляры и резолюции о том, как наладить работу в деревне… Вечером, чуть смерклось, наскоро перекусив в двухчасовой перерыв, избач бежит в избу-читальню: репетиция драмкружка, заседание с.-х. кружка, собрание ячейки ОДН, Авиахим, МОПР, собрание политкружка, кружка антирелигиозников, селькоров, библиотечного кружка, проведение громкого чтения, естественно-научная лекция, подготовка к очередной кампании…»[2].

Соответственно, партийное руководство ставило избачами тех, по отношению к кому обладало властью. В результате иногда работниками изб-читален оказывались необразованные, малограмотные представители молодежи[3].

Следует отметить, что активность комсомольцев, посещавших избу-читальню, иногда воспринимались как фактор, препятствовавший ее нормальной работе со взрослым населением, так как молодые люди нередко вели себя несоответствующим образом. В одном из обращений в партийные органы сообщалось о том, что «молодежь там дурака валяет, семячки лускает, шурами-мурами занимается, понятно взрослый крестьянин уйдет и в

---

[1] ЦДНИРО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 51. Л. 40; Д. 70. Л. 157.

[2] Будный Гл. Голос избача // Молот. 1925. 5 ноября.

[3] ЦДНИРО. Ф. 75, Оп. 1, Д. 47, Л. 1а.

следующий раз не придет»[1]. Для того, чтобы справиться с этой проблемой, вводились разные дни посещения для молодежи и для взрослых. В некоторых случаях выделялась даже отдельно литература для молодежных клубов.

Особое место в работе избачей и ячеек общества «Долой неграмотность» занимала выездная работа. Выше уже говорилось о поселенческой специфике края, из-за которой крестьяне и казаки вынуждены были покидать свои дома и жить рядом с земельными наделами. Именно поэтому комсомольцы в сельской местности выезжали на поля и занимались с детьми и подростками или просто читали вслух газеты и журналы.

Активной была деятельность комсомольцев и в принципиально значимых для развития региона школах крестьянской молодежи (ШКМ), в которых обучение совмещалось с практическими занятиями по ведению сельхоз работ. Так, в Ставропольском округе в числе передовых значились несколько ШКМ с сильным составом комсомольской организации в селах Терновка и Благодарное[2]. Следует отметить, что в такие школы прием осуществлялся с учетом социального происхождения, например, Благодарненская ШКМ в 1924 г. приняла только бедняков и середняков[3]. Такая политика проводилась сознательно. Так, окружком Ставропольского комсомола рекомендовал комсомольским организациям оказывать поддержку батрацкой части населения, которая в силу отсутствия средств была лишена возможности продолжать образование после окончания начальной школы: «...Увеличение процента батрачества и бедноты, создание для них нормальных условий существования, приспособления работы Школы к их интересам является одной из основных задач в строительстве Школ крестьянской молодежи...»[4].

---

[1] ЦДНИРО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 70. Л. 134-135.

[2] ГАСК. Ф. Р-164. Оп. 1. Д. 33. Л. 16.

[3] ГАСК. Ф. Р-164. Оп. 1. Д. 33. Л. 17.

[4] Там же.

Чтобы привлечь к учебе сельскую несоюзную молодежь, комсомольцы организовывали торжественные выпуски учащихся с представлениями, проводили вечера «За грамоту». Использовалась и тактика осмеяния, когда в пунктах ликвидации безграмотности, в избах-читальнях устраивались агитсуды над нежелающими учиться и уклоняющимися от обучения. Не забывали и методы формального стимулирования. В основном они касались самих комсомольцев: успешно окончивших курсы, выдвигали на общественные должности.

Пристальное внимание уделялось в крае ликвидации безграмотности среди женщин, поскольку уровень грамотности у них был очень низким. По данной причине работа с представительницами слабого пола была на определенном контроле в партийных органах. Данные о количественных показателях работы по этому направлению все время стояли на контроле и включались в отчеты партийных комитетов. Так, в годичном отчете комитета партии за 1923-1924 годы указывалось: «В школах политграмоты по губернии обучается до 400 женщин. В клубной работе по губернии принимает участие до 2000 человек. По губернии насчитывается свыше 100 нарзаседаний. Всюду проведены широкие беспартийные конференции казачек и крестьянок, через которые прошло до 5000 человек. Через ликпункты прошло свыше 1000 человек»[1].

В горских районах многие женщины и девушки по началу отрицательно относились к получению образования и только со временем их отношение начинало меняться в лучшую сторону. Объяснялось это нежеланием изменять тип и стиль жизни, а также отрывом от семьи и антирелигиозной коммунистической направленностью учебы.

Со временем некоторые из женщин начинали осознавать, что образование может изменить их жизнь и положение в обществе и требовали предоставить им возможность учиться. Например, делегатка Алиханова на 4-

[1] ГАНИСК. Ф. 7. Оп. 1. Д. 167. Л. 12. Д. 168. Л. 7 об.

м съезде женщин Дагестана заявляла: «Мы, женщины аулов, проснулись. Мы неграмотны, но работать и учиться хотим»[1].

К особенностям работы в национальных районах можно отнести тот факт, что, учитывая местные обычаи, ячейки общества «Долой неграмотность» организовывались по половому признаку, и работу среди женщин и девушек вели девушки-комсомолки[2].

Еще одной формой культурно-просветительской работы являлась общая для страны практика создания кружков различной направленности, сочетавших деятельность по интересам с образовательной и пропагандистской деятельностью.

С учетом аграрной специфики Северо-Кавказского края, ячейкам ВЛКСМ рекомендовалось создавать кружки, в которых пропагандировались научные методы агротехники. К работе в таких кружках могли привлекаться «крестьяне-культурники», агрономы. Приглашенные рассказывали о рациональном ведении хозяйства. При некоторых кружках комсомольцы, а иногда и пионеры, организовывали показательные засевы и выставки. Подобная деятельность поддерживалась партийным руководством и даже вменялась в обязанность: «Комсомольские организации должны принять активное участие в деле работ по проведению посадки деревьев, прорезки каналов – параллельно ведя агитацию среди местного населения, о пользе и значении выдвигаемых практических мероприятий, привлекая их к совместному труду»[3].

Культурно-просветительская работа велась и в самих организациях как в форме прямого обучения неграмотных, так в создаваемых клубах, специальных кружках и на различных курсах: для подготовки пионервожатых, инструкторов по физическому воспитанию, рабочих и

---

[1] Адухов М. Д. Становление и развитие светского образования в Дагестане: Вторая половина XIX в. - XX в.: дис. ... д-ра ист. наук. Махачкала, 2004. С. 230-231.

[2] Там же. С. 87-88.

[3] ГАНИСК. Ф. 6346. Оп. 1. Д. 14. Л. 3.

сельских корреспондентов. Такая деятельность привлекала в комсомол молодежь и позволяла профессионально самоопределиться[1].

Активно использовались в просветительской работе такие формы как театрализованные представления и живые газеты. В крае почти во всех городах и некоторых крупных селах регулярно выходили выпуски таких газет, посвященные пропаганде образования, новых знаний и связанные с новыми мировоззренческими установками. Так, в Пятигорске регулярно выходила живая газета «Луч», которую выпускали комсомольцы детского городка[2].

Просветительская деятельность комсомола в обязательном порядке сочеталась с политическим контролем, который осуществлялся и через ячейки РКСМ/ВЛКСМ, и через членов партии, прикрепленных к ячейкам.

Так, в отчетах, посвященных образованию и ликвидации безграмотности, обязательно выделялись данные о комсомольцах и характеризовалось их участие в работе учебного заведения или влияние на молодежь данного заведения. Например, в отчете Ставропольского губкома РКСМ в 1924 г. говорилось: «Образование рабочей молодежи проводится через существующие в Губцентре ФЗУ и профтехшколу. Социальный состав первых 2-х школ целиком рабочий, а в последней 25 крестьян и служащих. Учащихся в школах ФЗУ – 57 чел. Из них членов РКСМ 25 чел. И в профтехшколе 135 – из них членов 22, преподавателей во всех 3-х школах 22 чел. Из них 6 чел. Практ. руководителей. Материальное положение школ не совсем удовлетворит. /недостаток пособий, принад. и проч./

Наше влияние в этих школах проводится через яч. РКСМ при них и специально выделенных т.т. (товарищей – А.Ш.)»[3].

В 1920-х годах просветительскую деятельность комсомола довольно трудно отделить от общественно-политической. Это объясняется тем, что

---

[1] ГАНИСК. Ф. Р-2008. Оп. 1. Д. 2. Л. 14.

[2] ГАНИСК. Ф. 6346. Оп. 1. Д. 17. Л. 10.

[3] ГАНИСК. Ф. 6346. Оп. 1. Д. 7. Л. 9.

меняется в целом система образования и система культуры – через них осуществляется пропаганда новых форм общественных отношений и новых ценностей, новой культуры. Именно поэтому при ячейках комсомола стали создаваться политико-просветительские комиссии[1], которые осуществляли просветительскую деятельность с обязательным включением в нее идеологической работы в форме вовлечения учащихся в общественные кампании. Так, в отчете Ставропольского городского комитета указывалось: «В одной из школ организована ячейка РКСМ в количестве 17 человек. Переизбраны Учкомы, в которые вошло большинство комсомольцев. Школы участвуют в проведении общественных кампаний вместе с ячейками РКСМ»[2].

От ячеек ВЛКСМ с середины 1920-х годов выделялись обязательные представители в школьный Совет, в пионерские ячейки детских домов, которые должны были стать проводниками комсомольского влияния на учеников и учительство. В отчете комсомольцев станицы Сенгилеевской говорилось о проведении пропагандистской работы «среди несоюзной молодежи и батрачества», особое внимание было уделено детям бедняков[3].

Отметим, что массовость, которая с 1925 года становится одним из основных показателей работы, еще не означала в это время качества. Так, в 1928 году в связи с обострением отношений с Англией и распространением слухов о близкой войне в некоторых организациях наблюдался массовый выход детей из пионерских организаций. Например, в станице Новопавловской пионеры заявили о выписке из отряда, объяснив это тем, что «скоро будет война, и всех коммунистов будут убивать»[4]. Сам по себе этот факт свидетельствует не только о провалах в пропагандистской работе, но и о том, что на созданные молодежные организации начинали смотреть как на

---

[1] ГАНИСК. Ф. 6346. Оп. 1. Д. 7. Л.10.

[2] ГАНИСК. Ф. 6346. Оп. 1. Д. 17. Л. 3.

[3] ГАНИСК. Ф. 4915. Оп. 1. Д. 1. Л. 23-25.

[4] ГАНИСК. Ф. 5938. Оп. 1. Д. 12. Л. 225, 237-238.

такие, вступление в которые может облегчить жизнь и не обязательно повысить ответственность.

Значительна была роль комсомола и в формировании системы и форм обучения в высшем образовании. Своего рода «преддверием» высшей школы стали рабфаки (рабочие факультеты). За два года они готовили сельскую и рабочую молодежь к вузовскому обучению. В 1920-х годах рабфаки появились в Ростове, Владикавказе, Краснодаре, в Грозном[1]. С помощью рабфаков осуществлялся социальный отбор в высшую школу. В приемные комиссии обязательно включался представитель комсомола, что специально отмечалось в отчетах комсомольских организаций. Например, в сельхозинституте Ставрополя такой представитель появился с момента организации рабочего факультета[2]. При комплектации студенческого состава преимущество отдавалось рабочим, но в Северо-Кавказском крае до 50% студентов были из крестьян[3].

Малочисленность сельских школ и школ крестьянской молодежи, слабая подготовка при нехватке учительских кадров, бедность населения привели к тому, что рабфаки стали одним из наиболее важных видов учебных заведений. В тоже время, следование классовому принципу приводило к тому, что подготовленные лучше дети служащих не попадали в число студентов. К учебе на рабфаке не допускались и незрелые элементы. Отметим, что на фоне сниженных требований к социально близким слоям населения, отчетливо заметны повышенные требования к учащимся высшей школы: «Работа трудна и к приему учащихся в комсомол надо относиться

---

[1]Лиджеева К.Ф. Развитие сферы образования в национальных районах юга России в 1918 - 1941 гг.: сравнительно-исторический анализ : автореферат дис. ... доктора исторических наук. Астрахань, 2014.

[2] ГАНИСК. Ф. Р-197. Оп. 1. Д. 349. Л. 239.

[3] ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 177. Л. 6, 16.

очень осторожно, т.к. этот элемент сильно тормозит работу и расслояет (так в тексте – А.Ш.) комсомольские ряды»[1].

По инициативе комсомольских организаций учебных заведений для социально близких из малограмотных крестьян открывались дополнительные курсы, так как они не справлялись с программой обычных рабфаков. Так, в 1927 г. в Ставропольском округе были созданы курсы подготовки батраков для учебы на рабфаке с предоставлением общежития, учебников и питания[2]. А в 1925 г. с целью увеличить число мест для плохо подготовленных представителей молодежи под лозунгом борьбы за пролетаризацию из вузов исключили бывших гимназистов. Однако следует отметить, что слушатели рабфаков серьезно относились к получению образования, и их отношение к неуспевающим было резко отрицательным – неуспевающих рассматривали как дезертиров и предателей нового общества[3].

С середины 1920-х годов комсомольцы стали активно участвовать в методической работе и шире привлекаться к контролю над учебным процессом вузов. Для этого создавались предметные комиссии, контролирующие учебный процесс. Повышалась роль представителей комсомольских организаций в контроле за «содержательной» и за «идеологической направленностью» учебного процесса[4].

Из выше приведенных фактов вытекает вывод о противоречивости влияния партийно-государственных органов и массовых общественных организаций на высшую школу. С одной стороны, в высшие учебные заведения привлекалась рабоче-крестьянская молодежь, создавался слой новой «советской интеллигенции», которая должна была бы отличаться высоким качеством знаний; с другой стороны, партийные органы и комсомол

---

[1] ГАНИСК. Ф. 6346. Оп. 1. Д. 14. Л. 4.

[2] Власть Советов. 1927. 16 июля.

[3] ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 129. Л. 2.

[4] Коваленко М. В. Развитие высшего образования на Дону в 1920-1930-е гг.: дис. ... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 2009.

вмешивались в дела вузов, контролировали учебный процесс и работу советов и президиумов вузов, проводили «чистки» преподавательского и студенческого состава, способствовали усилению идеологического давления, что объективно препятствовало подъему качества в системе формируемого высшего образования.

Особое место в просветительской деятельности комсомола занимала система политического образования. Создавалась сеть организаций по политграмоте. Представители новой власти полагали, что без политических знаний не возможен новый человек, поэтому политобразование рассматривалось в качестве необходимой части обучения.

Собрания комсомольских ячеек включали в обязательном порядке занятия по изучению программы и устава союза, истории молодежного движения и РЛКСМ. Общее руководство осуществлялось партийными организациями и через партийное ядро в комсомоле. Комсомольцы же должны были регулярно заниматься самообразованием и отчитываться на собраниях ячеек.

Система политического образования для комсомольцев и беспартийной молодёжи включала в себя три ступени. Первая ступень для малограмотной молодежи строилась в основном на изучении истории комсомола и чтении газет. Вторая ступень для уже относительно подготовленных слушателей была связана с изучением истории и политики партии большевиков. И только на третьей ступени учащиеся начинали изучать основы марксизма. Несмотря на такую систему обучения и на постоянный контроль за самостоятельной работой комсомольцев, политическая грамотность комсомольцев была невысокой. Так, в документах отмечалось: «I. Система политобразования, введенная впервые в городских центрах в истекшем году, имеет весьма незначительные результаты, вследствие больших недостатков в её проведении/ отсутствие матер., некоторое непонимание системы активистами, недостатки постановки методики и проч./ Проходившая вторичная политпроверка по городу Ставрополю определяет следующее

положение комсомольцев в системе политобразования, к настоящему времени, всего прошедших 449 человек, по первой категории 335, по II-й 104 и по III-й 10 чел. Сопоставляя положение системы прошлого года с настоящим выявляются следующие достижения в ее проведении /пример берется гор. Ставрополь/, общее количество проверяемых по I-й категории, II, III-й переход выражается из I-й во II-ую из II-III-IV, самый незначительный»[1].

Вопросы идеологии обратили на себя особое внимание во время обострения борьбы за лидерство в партии. Стали практиковаться политпроверки[2]. Кроме того, давались рекомендации по исправлению работы и повышению ее эффективности. В число этих рекомендаций входили такие: для 1 категории, для начинающих «формами работы должны быть клубный цикл / вечера, группы чтения на дому. Содержание – ознакомление с историей и основами политграмоты. Ленинский набор обрабатывается в этой категории через посредство массовой работы в клубе. Важно в этом случае поставить передаточные способы усвоения восприятия нужного материала, постановка соответствующих вечеров, инсценировок и пр.»[3]; для второй категории основной формой работы заявлялся кружок, причем специально подчеркивалось, что кружки комсомольцев не должны объединяться с парткружками, основной способ работы – самостоятельная с обязательным контролем на кружковом и клубом уровне[4].

В том же документе указывалось на то, что основным содержанием работы является подготовка активных кадров на базе теоретического

---

[1] ГАНИСК. Ф 6346. Оп. 1. Д. 14. Л. 13.

[2] Слезин А.А., Скоропад А.Э. Открытый внешний политический контроль над комсомольскими организациями в РСФСР (1918-1929 гг.) // Социодинамика. 2013. № 12. С. 97-123.

[3] ГАНИСК. Ф. 6346. Оп. 1. Д. 14. Л. 14-15.

[4] Там же.

образования, соединенного с современной практикой и активностью каждого рядового члена комсомольской организации[1].

В приведенном высказывании обращает на себя внимание перечисление форм работы, которые на первом уровне политобразования фактически совпадают с формами, практиковавшимися в работе по ликвидации безграмотности: клубы, вечера, группы чтения, инсценировки.

Можно также предположить, что требование активности от каждого комсомольца было прямо связано с подготовкой кадров, так как обязательные выступления, отчеты о работе по усвоению теоретических материалов позволяли составить впечатление о человеке и давали необходимую информацию о его взглядах.

В целом, система пропагандистской работы в комсомоле являлась основной базой подготовки «руководящих кадров местной интеллигенции в 20-е гг.»[2], высшим уровнем которого были совпартшколы. Совпартработники готовились в ускоренном темпе за 3-4 месяца, при этом общеобразовательным дисциплинам в них отводилось половина учебного времени. На второй ступени, годичной по продолжительности, – четвертая часть курса отводилась общему образованию из-за отсутствия уверенных знаний. В таких условиях готовились кадры агитационно-пропагандистской и партийной работы. Очевидно, что уровень общих знаний был достаточно низок, но даже такого уровня подготовки хватало для первоначального включения населения в систему новой социальной организации.

В массе населения тяга к образованию была велика по многим причинам. Одной из ведущих являлась возможность изменить социальное положение, избрать более привлекательные виды трудовой деятельности. Такая смена социального положения за счет образования, пусть иногда и политического, становилась стимулом для многих представителей молодежи.

---

[1] ГАНИСК. Ф. 6346. Оп. 1. Д. 14. Л.14-15.

[2] Бекижев М. М. Формирование социалистической интеллигенции у народов Северного Кавказа (1917-1941 гг.). Черкесск, 1978. С. 79.

Выходцы из крестьян и рабочих начинали рассматривать образование как «шанс» на улучшение своего положения. Выше уже приводилось характерное высказывание: «Сначала комсомол, а затем совпартшкола в Краснодаре или Новороссийске, а там и ВУЗ в Москве»[1]. Представляет интерес и замечание одного из ставропольских лидеров комсомола: «…учащаяся молодежь вступает в Комсомол по большей части для того, чтобы поехать учиться в ВУЗ»[2].

Не менее характерен следующий эпизод: «В сентябре месяце по разверстке предоставлено одно место в рабфак, комиссия при райкоме РКСМ наметила кандидатуру в рабфак – одного парня-нацмена, жителя с. Арзгир, который бросил работать и усердно стал заниматься, через некоторое время секретарь заявил, что «в рабфак не поедешь»… и был выдвинут только что приехавший комсомолец – брат партийного чиновника, а затем и второй брат отправлен в сельхозшколу...»[3].

Следует отметить, что оценка образования как средства, с помощью которого можно изменить социальное положение, облегчить жизнь, формировалась во многом и в связи с установками власти на обучение «организованного населения» (члены РКСМ, профсоюза), и только затем «неорганизованного». Эти установки нашли свое выражение в количественных показателях приема в высшую школу: «Успешно прошел набор в партсовшколу и Рабфак. Большинство слушателей их комсомольцы: в первой 75, во втором 76 человек»[4].

Сказанное позволяет говорить о том, что уже на ранних этапах деятельности образование, особенно при активной работе в комсомоле и занятии руководящих должностей, начинало рассматриваться не как цель, а как средство, социальный лифт, способствующий изменению положения в

---

[1] Комсомол в деревне: очерки / под ред. В. Г. Тана-Богораза. М. – Л., 1926. С. 202.

[2] ГАНИСК. Ф. 6346. Оп. 1. Д. 14. Л. 3.

[3] ГАНИСК. Ф. 5938. Оп. 1. Д. 13. Л. 44.

[4] ГАНИСК. Ф. 6346. Оп. 1. Д. 17. Л. 12.

социальной структуре общества, что в целом противоречило декларируемым идеологическим постулатам о бескорыстной борьбе за общее счастье.

На основании изложенного можно сделать следующие выводы:

На РКСМ/ВЛКСМ была возложена большая доля ответственности за ликвидацию неграмотности в Северо-Кавказском крае. Работа комсомольцев в ликпунктах, избах-читальнях, кружках способствовала распространению грамотности и, в тоже время, обеспечивала пропаганду системы ценностей нового общества.

Комсомольцы края вынуждены были решать финансовые вопросы организации борьбы с неграмотностью с помощью организации спектаклей, выступлений живых газет, а также прямыми взносами за счет средств, заработанных на субботниках.

Особой формой работы была выездная, связанная с преобладанием в крае крупных населенных пунктов в сельской местности. Именно комсомольцы выезжали в поля и места временного размещения крестьян и казаков. Такие выезды были связаны с упрощенными формами работы – читками.

В целом молодёжь, задействованная в просветительской и образовательной деятельности, выступала, с одной стороны, как главный проводник и участник образовательных процессов, а с другой – как главный объект воздействия. Вот этот второй аспект в крае становился особенно важным, потому что взрослое население было в большой степени консервативно и создать из него опору новой власти представлялось затруднительным. Именно поэтому в директивных документах краевых организаций и в отчетных в отношении молодежи и комсомола постоянно употребляются слова «обработка, подготовка», подчеркивающие саму направленность образовательного воздействия на молодых людей. Именно поэтому в крае столько внимания уделялось политическому образованию, которое как обязательный элемент должно было входить в состав любой образовательной деятельности.

Следует отметить, что просветительская деятельность комсомола и участие в ней создавали не только обязанности для комсомольцев, но и порождали возможности для изменения социального статуса. Эта особенность образования как канала социальной мобильности использовалась молодыми людьми достаточно активно как для смены сферы деятельности, так и для карьерного роста. Именно этим во многом объясняется постановка системы образования в крае под обязательный партийный и комсомольский контроль и протекционистские меры, облегчающие получение образования представителям социально близких категорий населения. В тоже время возможность сменить работу, повысить статус, порождаемые образованием, довольно рано начали провоцировать случаи злоупотребления положением среди руководителей комсомольских ячеек.

Просветительская активность молодежи, несмотря на отдельные негативные явления, в целом отвечала запросам населения края и способствовала преодолению неграмотности и развитию образовательной работы в крае.

2.2. Эволюция новой культуры быта и комсомол

Построение нового общества и новой социальной системы не могло не затронуть устоявшиеся бытовые и досуговые практики. Поэтому одной из основных задач руководства страны и партии стала выработка новых форм повседневной жизни. Очевидно, что ставка и в этом процессе делалась на новое поколение, как более гибкое, то есть на молодежь и комсомол. В Северо-Кавказском крае с его сложным по составу населением, приверженным традициям, такой путь преобразования с опорой на новое поколение представлялся единственно целесообразным. Так, партийные деятели края заявляли о том, что «молодежь казачья [и] крестьянская представляет собой [н]етронутое тесто, благоприятный материал для нашей партии … мы должны напрячь все силы, чтобы поставить грань между стариками и молодежью … а над стариками мы должны поставить крест, так как их все равно никакими методами не привлечешь»[1]. То есть молодое поколение[2] признавалось почти единственной опорой в построении «новых форм жизни»[3].

Опыт преобразования повседневной жизни, досуговых форм времяпрепровождения, форм нового быта в масштабах страны по вполне естественным причинам еще не сложился. Собственно программа подобных преобразований так же, как и политика в отношении религии, в основном опиралась на теоретические и идеологические представления, поэтому процессы становления новой культуры быта шли неравномерно и нелинейно: на протяжении 1920-х годов менялись установки, ориентиры, методы и способы.

В начале указанного периода предполагалось, что место «нового строительства» должно быть полностью очищено от всего старого. Затем, с

---

[1] ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4. Л. 102.

[2] ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4. Л. 12.

[3] Товарищ комсомол. М., 1969. Т. 1. С. 10.

середины 1920-х годов по мере накопления опыта, а также в силу объективных причин «старое» стали учитывать и даже порою использовать, конечно, в новом идеологическом облачении. В связи с психологическими особенностями молодежи она стала главной действующей силой в деле радикальной ломки устоявшихся, традиционных форм бытовой культуры.

Одним из важнейших направлений, связанных с формированием новых форм жизни, были те, которые во многом определяли жизнь человека, а именно: взаимоотношения между полами и построение семьи. Традиционная семья с ее строгим распределением социальных ролей не устраивала новую власть уже потому, что исключала женщину из системы публичных общественных отношений, а следовательно, из системы политического и идеологического контроля. Немаловажным было и то, что в традиционном крестьянском хозяйстве семья являлась основным субъектом экономической деятельности, а это в корне противоречило и постулатам об общественном характере производства, и переводу сельского хозяйства на новые социальные рельсы.

Начальная стадия преобразований в указанных сферах определялась пропагандой идей о равенстве мужчин и женщин и установлением правовых норм, определявших такое равенство.

Прежде всего, требовалось изменить положение женщины в социальной структуре в соответствии с предполагаемыми изменениями. Вот как писали об этом пропагандисты новой жизни: «Немыслимо поднять на большую высоту сельское хозяйство, если мы к этому не привлечем крестьянку. Невозможно создать хорошую кооперацию без участия в ее работе женщины-крестьянки. Нельзя приблизить крестьянское хозяйство к социалистическим формам, если этому не будет содействовать крестьянка»[1].

Женщина нового времени по плану идеологов советского строя обязана была выделяться на фоне своих предшественниц по мировоззренческим установкам, по активности: центром для нее становятся не дети и быт, а

[1] Орлов В. Работа среди девушек-крестьянок. М. – Л., 1926. С. 12.

социум. Решение данной задачи предполагало как участие женщин в социальных организациях, в соответствии с этим, в партии и комсомоле, так и перемены во взглядах на роль женщины в комсомольском обществе со стороны мужчин, комсомольцев и партийцев. А эти взгляды нередко напоминали консервативный подход к женщине[1].

Недостаточность активной деятельности женского пола преимущественно объяснялась тем, что почти все из них элементарно не находили для себя увлекательным принимать участие в социальной и политической жизни страны. Типичным выглядело такое рассуждение: «Что у вас делать?» – отзывается девушка, – «Политику знать будешь, в кружках учиться, газету читать, развиваться». Ее старательно тащат на всякие доклады и лекции, на собрания и конференции. И когда девушка начинает отходить от них, ячейка уныло жалуется на ее несознательность»[2].

Отсутствие интереса, который не смогли пробудить агитаторы, истолковывалось как проявление неразвитости и при этом упускалось из виду, что консервативное представление о женщине – матери и хозяйки – считалось основополагающим[3].

В периодическом издании «Спутник партработника» в 1923 году давалась следующая характеристика текущей ситуации и предлагались пути решения возникших проблем: «Область работ среди широких масс женщин – еще непочатый угол. Из-за отсутствия достаточного кадра коммунисток. Необходимо, чтобы делегатки ближе подошли к ячейке, непосредственно соприкоснулись с ее работой и в процессе этой работы могли бы обрабатываться в требуемом нам направлении. Обязательно ввести посещение занятий общественно-политических кружков. … Приучить читать книги (коллективно), она должна посещать библиотеки, избы-читальни, школы ликвидации неграмотности и малограмотности, театры. То есть

---

[1] Ярцев Г. Комсомольское обозрение // Смена. 1924. № 3. С. 28.

[2] Орлов В. Работа среди девушек-крестьянок. М. – Л., 1926. С. 17.

[3] ГАНИСК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2687. Л. 2-3, 6; ГАСК. Ф. Р-2510. Оп. 1. Д. 4. Л. 88.

должна быть активным работником»[1]. Очевидно, что в условиях той, еще переходной организации быта, при которой тяжесть домашних работ и ведения домашнего хозяйства ложились на женщину, данный призыв можно рассматривать как обращенный в основном к девушкам.

Женщин тяжело было привлекать в партию[2] в силу привязанности к дому, хозяйству, детям. Поэтому привлечение девушек в комсомол и к участию в работе кружков, агитколлективов стало основным направлением в проведении политики установления равенства между полами. Ставропольский окружком комсомола регулярно отчитывался о количестве девушек, вовлеченных в работу[3].

Количество девушек-комсомолок в Северо-Кавказском крае зависело в большей степени от национальной специфики и района: в ячейках РЛКСМ в казачье-крестьянских районах Северо-Кавказского края числилось больше девушек[4], чем в горских районах[5].

Основные трудности обычно связывались с неготовностью комсомольцев к работе и сведением работы к лозунгам: «Ячейка всячески

---

[1] Спутник партработника. 1923. № 11-12. С. 53-54. Цит. по: Коршун О. (Ставрополь) «Мир повседневности» женщины в 20-е гг. XX века в Ставропольской губернии [Электронный ресурс] // Новая локальная история. URL: http://www.newlocalhistory.com/node/168 (дата обращения: 24.01.2015).

[2]Скоропад А.Э. «Одевичивание» комсомола как составляющая политического контроля // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В.И. Вернадского. 2013. № 2. С. 236; Слезин А.А. Сельский комсомол 1920-х годов: реалии «одевичивания» // Женщины села: проблемы адаптации к историческим условиям России. Оренбург, 2002. С. 82-83.

[3] Ставрополье. 1925. № 10. С. 23.

[4] Ставрополье. 1925. № 10. С. 49.

[5] Скоропад А.Э. «Одевичивание» комсомола как составляющая политического контроля // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В.И. Вернадского. 2013. № 2. С. 236; Комсомол в Адыгее / Адыгейский (Черкесский) областком РЛКСМ // Смена. 1924. № 14. 2-я стр. обл.; Ахмадова М., Абубакарова А. Чеченская женщина в условиях социально-экономического и культурного строительства в Чеченской автономной области 20-30 гг. XX века // Вайнах. 2014. № 1. С. 85-90.

«просвещает» девушку, доказывает ее темноту, убеждает быть сознательной, бросить «старые предрассудки» и «строить новый быт»[1]. Такой подход не мог заинтересовать молодых девушек и привлечь их к работе в комсомоле. Чтобы исправить положение, в некоторых крупных ячейках организовывали живые газеты, самодеятельный театр, которые вызывали интерес не только представлениями, но и возможностями попробовать себя. В некоторых больших селах края организовывались комсомольские оркестры[2], становившиеся центром молодежных гуляний, что позволяло собрать большое число молодых людей и девушек. А перед гулянием и оркестром могло идти представление «живой газеты», посвященное, в том числе, женскому вопросу. Подобный опыт пропагандировался газетами.

Большое значение особенно до середины 1920-х годов имела и позиция комсомола по отношению к религии, которая также становилась препятствием для девушек-крестьянок, боявшихся порывать с традициями. Так, в одном из материалов приводятся такие слова: «…в то время еще в церковь под венец водили. А мы не ходили в церковь – запрещено. В клубе нам брак регистрировал секретарь ячейки. Ох, как меня односельчане осуждали, мол, невенчанная»[3]. Очевидно, что не всякая девушка решалась пойти на разрыв с церковью и не всякая семья в сельской местности решалась пойти на такой брак. Именно поэтому одним из способов контрагитации становилось заключение брака вне церкви, причем иногда нескольких пар, приуроченное к общественному мероприятию, например, открытию кружка «Безбожник»[4].

---

[1] Орлов В. Работа среди девушек-крестьянок. М. – Ленинград, 1926. С. 10.

[2] Пузиков В. И. История Благодарненского комсомола. 1920-1956 годы. Г. Благодарный, 2012. С. 19-22.

[3] Завгородний Н.Г. Неиссякаемая живучесть (записки краеведа). Михайловск, 2004. С. 55.

[4] Завгородний Н.Г. Неиссякаемая живучесть (записки краеведа). Михайловск, 2004. С. 54. См. также: ГАНИСК. Ф. 4915. Оп. 1. Д. 1. Л. 30-31.

Значительное негативное влияние оказывала на девушек и манера комсомольцев вести себя нарочито грубо и неуважительно по отношению к старшим, друг другу[1]. В отдельных комсомольских организациях даже культивировался особый почти панибратский язык разговоров и личного общения.

Необходимым шагом в решении «женского вопроса» явилось, естественно, передача всей полноты прав представительницам слабого пола. Эта проблема стояла особенно остро в национальных районах края в связи с действующими религиозными законами – адатом и шариатом.

Одним из средств пропаганды равенства были совместные агитационные обращения молодых представительниц разных национальностей. Так, в одном из первых принятых обращений говорилось об освобождении женщины следующее: «Надеемся, что наша освободительница – советская власть сумеет освободить нас, женщин Востока, до сих пор находившихся под игом несознательных мужей, мулл и акунов, и от невежества, и тьмы … Мы, русские женщины, делегатки города … протягиваем свои дружеские руки женщинам Востока, клятвенно обещаем придти на помощь к ним в деле освобождения, так как мы, русские женщины, являемся первыми во всем мире, поднявшими знамя восстания против угнетателей трудящихся масс»[2]. Совместная деятельность, межнациональные конференции становились своего рода примером независимости для горянок.

Но одних примеров было мало, и вследствие этого уже в первые годы правления новой власти был принят свод законодательных актов, на базе которых строилась работа с представительницами слабого пола. В горных районах Северо-Кавказского края эти акты[3] принимались с учетом традиций,

---

[1] ГАНИСК. Ф. 5938. Оп. 1. Д. 8. Л. 58, 89.

[2] ГАНИСК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2687. Л. 20.

[3] Акты местных органов власти, запрещающие калым и умыкание: ЦГА КБР Ф.Р-198. Оп.1. Д. 3. Л. 52; ЦГА КБР. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 17. Л. 51. Л. 79.

затрагивавших статус девушек и женщин. Так, в начале был уменьшен калым (выкуп за невесту), вслед за тем он был де-юро запрещен, что вело к самостоятельному выбору мужа на основе чувств, а не материального положения. Умыкание невест (похищение) законодательно запретили, жесткие меры принимались и в тех случаях, когда невеста сама сопротивлялась похищению; советская власть повысила возраст вступления в брак для женщин, запретили многоженство, что было характерно для мусульман[1].

С целью подтолкнуть комсомол к большей активности в работе по «женскому вопросу» в связи с проблемами правового неравенства печатались газетные статьи, рассматривавшие отдельные случаи нарушения прав женщин в горных районах и дальнейшее вмешательство комсомольцев: «В селении Терек 13-летнюю девочку отдали замуж за мужчину средних лет, продали ее за 60 рублей. Но комсомольцы и коммунисты вернули девочку домой ввиду ее несовершеннолетия, а калым отдали комитету взаимопомощи»[2]. Данный пример приводился печатным изданием и использовался в качестве описания модели должного поведения комсомольцев. В другой публикации рассказывалось об образцах желаемого «нового поведения» девушки-горянки, в частности, описывалась первая «свободная свадьба без покрывал» с регистрацией в ЗАГСе. Такие действия подавались в газете как иллюстрация пробуждающейся сознательности и освобождения от пережитков унижающих женщин-горянок[3].

Одной из форм привлечения женщин к общественной работе в 1920-х годах стали постоянные делегатские собрания. Для представления интересов от 10-15 женщин избирали одну делегатку на полгода-год. «Делегаткам на первых собраниях повязывали красные косынки как символ революции … В

---

[1] Текуева М. А. Мужчина и женщина в адыгской культуре: традиции и современность. Нальчик, 2006. С. 205.

[2] Карахалк. 1928. 1 января.

[3] Власть труда. 1924. 6 августа.

первом Клубе горянок, организованном в Нальчике на Кабардинской улице, их обучали грамоте, шитью и кройке, рукоделию, домоводству, воспитанию детей. И по окончании курса учебы направляли их в селения как организаторов клубов горянок в сельской местности»[1].

Вовлечение женщин, особенно молодых, в активную работу комсомольских организаций наталкивалось на сопротивление со стороны местных стариков и авторитетных людей, причем такими авторитетами могли быть даже члены партии. На одном из совещаний секретарей ячеек отмечалось: «Среди женщин нигде никакой работы не велось, и на вопрос, заданный на совещании, мулла, он же секретарь комячейки, заявил, что он как коммунист и как мулла готов повести борьбу за самое широкое раскрепощение женщин открыто, на основе Корана (с. Лескен II) … Прения по докладам с мест приняли широкую продолжительную дискуссию о методах подхода к раскрепощению женщины-мусульманки, выяснению отживших адатов, обычаев, их старины в условиях новой советской жизни, методов воспитательной работы среди молодежи»[2].

Вопросы о вовлечении горянок в комсомол стояли довольно остро. В справке 1922 года сообщали следующее: «Женская молодежь, хотя и тянется за комсомолом, но, зачастую боясь насмешки того же коммуниста, от нашего влияния уходит. Но если коммунисты от работы среди женщин всячески отнекиваются, то ею не брезгует мулла. В Терекском, в Кизляре муллы через своих жен, являющихся очень неплохими агитпропами, проводят колоссальную работу и обрабатывают женскую массу так, как это им нужно»[3]. И действительно относительная численность девушек в ячейках КСМ горских районов до 1927 года почти не увеличивается[4].

---

[1] Текуева М.А. «Решение» женского вопроса в Кабардино-Балкарии в 1917-1941 гг. // Социальная история: Ежегодник. 2008. СПб., 2009. С. 308-309.

[2] ЦДНИ КБР. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 11. Л. 3.

[3] ЦГА КБР. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 374. Л. 142.

[4] ЦДНИРО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 35. Л. 56.

В связи с подобными проблемами было принято специальное партийное распоряжение: «внести большую планомерность в дело руководства работой женсовета путем заслушивания докладов заведующих на бюро и пленумах обкома и дача новых указаний; отмечая начавшийся процесс пробуждения сознательности и активности женщины-горянки укрепить работниками органы женотдела на местах; энергично вести работу путем агитации, а где это не поможет, партийным взысканием против тех членов и кандидатов партии, которые еще не изжили взгляда на женщину, как на низшее существо; при наборе детей в школы стремиться привлечь как можно большее количество девушек»[1]. В этом постановлении обращает на себя внимание упор на «привлечение большего количества девушек».

Одним из шагов по развитию принципа равенства полов стало введение совместного обучения с юношами, совместная общественная работа. Включение девушек в активную деятельность вело к изменению представлений у самих участниц, но нередко приводило к протестам или осуждению со стороны старшего поколения. Протесты могли быть вызваны не только отвлечением от дома или религии, но и нарушением норм традиционного этикета. Так, в Ленинском учебном городке был подготовлен концерт в честь 8-й годовщины революции для старейшин из кабардинских и балкарских селений. Старейшинам, в целом, понравилось представление и даже бальные танцы, однако по поводу отдельных номеров была высказана такая оценка: «…если те юноши, которые держали девушек в танце за руки и обнимали при всех за талию, не женятся на них, то у них нет совести, а девушки останутся опозоренными»[2].

О том, как девушки-горянки в силу привычек и традиций сдержанно принимали участие в активной деятельности, рассказывалось в местном печатном издании 1926 года на примере занятий физкультурой. «Физкультура курсанток это яркий кусочек нового быта, пробивающегося

[1] ЦДНИ КБР. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 11. Л. 65-70.

[2] Сиюхов С. Избранное. Нальчик, 1997. С. 146.

через застарелую кору старых жизненных укладов. Первое время курсантки считали для себя неприличным «ломаться», а сейчас с большой охотой физкультурничают, не считая это позорным»[1].

К концу 1920-х годов успех работы с женщинами и девушками в меньшей степени стал увязываться с задачами идеологии и антирелигиозной борьбой. И хотя газеты еще писали «о преодолении преград и закрепощении горянок», препятствиях, создаваемых мусульманской религией и адатом[2], основной упор в работе делался на организационно-массовую работу. Именно поэтому местные комсомольские органы снова и снова в планах своей работы повторяли такие пункты: «1. Необходимо провести работу по вовлечению девушек в делегатские собрания женщин и созывать собрания из числа девушек-нацменок как комсомолок, так и беспартийных девушек. … 6. Необходимо также разъяснение законов союзного правительства о правах женщины, способствуя изжитию национально-бытовых ненормальностей (многоженство, неравноправие и др.)»[3]. Отметим, что и в связи с горянками, и в связи с девушками крестьянками и казачками на первый план выходит количественный охват.

Следует отметить, что традиции препятствовали включению женщин в общественную жизнь не только в горных районах Северо-Кавказского края. Так, «малое количество женщин» на крестьянской конференции в Горячеводском районе Терского округа объяснялось «консервативностью населения района в женском вопросе», связанной с «классовым составом (казаки, немцы, колонисты)»[4].

Не менее важными в построении новых форм жизни являлись проблемы, связанные с изменениями привычных форм повседневного и

---

[1] Карахалк. № 629.

[2] Текуева М.А. «Решение» женского вопроса в Кабардино-Балкарии в 1917-1941 гг. // Социальная история. СПб., 2009. С. 319-320.

[3] ГАНИСК. Ф. 4625. Оп. 1. Д. 1. Л. 58, 62.

[4] ГАНИСК. Ф. 5938. Оп. 1. Д. 12. Л. 143.

праздничного досуга. Выше уже говорилось о том, что традиционно девушка воспринималась как помощница в хозяйстве, на которую возлагалась довольно большая часть домашних работ. Но в качестве главного препятствия идеологами рассматривались все-таки традиционные формы проведения свободного времени – «это старые привычки, старые игры. Девушку трудно оторвать от них и трудно сразу привлечь к новым, более здоровым, более разумным развлечениям»[1].

Понятно, что для отказа от старых привычных форм развлечений требовалось, чтобы появились новые формы. Именно на организацию таких новых развлечений была направлена деятельность комсомола края. В одном из протоколов заседания Ставропольского окружкома ВЛКСМ указывалось: «Первое место по работе среди девушек должны занять ликвидация неграмотности и культурная работа через ликпункты, клубы, избы-читальни и красные уголки. По линии поднятия хозяйственно-культурной активности рекомендуется организация кружков: домоводства, огородничества, кройки и шитья»[2]. Отметим, что указанные направления организации досуга и развития различных форм работы с девушками и молодежью в целом были направлены на вытеснение традиционных для сельской местности Северо-Кавказского края посиделок.

Обычно для посиделок девушки и юноши могли нанять дом и приходили либо с угощением, либо с пустыми руками. Для оплаты дома, музыкантов и спиртных напитков устраивалась «складчина»[3]. Молодежные посиделки не были связаны только с хозяйственной деятельностью, как у замужних женщин, сочетавших разговоры и песни с рукоделием, а обычно посвящались развлечениям. Увеселительная часть включала в себя песни, пляски, игры. Для многих такие посиделки были местом выбора будущих

---

[1] Орлов В. Работа среди девушек-крестьянок. М. – Ленинград. 1926. С. 26.

[2] ГАНИСК. Ф. 4625. Оп. 1. Д. 1. Л. 58.

[3] Полненко А. Вечорки или кино // Новая деревня. 1927. № 14. С. 40.

женихов и невест. В казачьей среде со строгим родительским присмотром они рассматривались как место узаконенного традицией свидания[1].

Комсомол пытался использовать эту традиционную форму досуга, стараясь внести в нее новый смысл. В «Коммунистическом просвещении» сообщалось: «мы должны позаботиться, чтобы вклеить в гулянки новые игры, новые частушки. Нужно суметь обработать гармониста, порекомендовать ему новые песни, новые мотивы»[2].

Однако не все сразу получалось, потому что, как писали сельские корреспонденты, «крестьянская молодежь» искала после работы в поле и хозяйстве веселья и отдыха. Такой отдых нередко сопровождался хулиганством и драками в сочетании с употреблением спиртного: «Как вечер – двурядка, хулиганские выходки, знай наших!»[3]. Понятно, что подобные посиделки и возможные эксцессы вызывали недовольство и населения, и новой власти. Вряд ли кого-либо могли устроить такие последствия отдыха: «…население вместо того, чтобы идти на праздник, устраивало пьянство, сопровождаемое убийствами, драками, дебошами. По району … зарегистрировано восемь случаев убийства»[4]. Кроме того, сам неконтролируемый характер этого развлечения вызывал много вопросов и представлял соблазн для «невыдержанной молодежи»: «…еще неизвестно, кто кого повернет, кто кого перевоспитает: комсомольцы беспартийных или наоборот»[5].

Крестьянскую молодежь на старые посиделки тянуло веселье, игры с поцелуями. Это следовало учитывать при организации комсомольских

---

[1] Ч. Что такое посиделки? Какая работа предстоит с ними зимой / Ч. // Молодой ленинец. 1925. 24 сентября.

[2] Сыркин В. Изба-читальня, как она есть (Статья вторая) / В. Сыркин // Коммунистическое просвещение. 1927. № 1. С. 81.

[3] Павел П. Под гармошку! // Новая деревня. 1927. № 12. С. 38.

[4] ГАНИСК. Ф. 5938. Оп. 1. Д. 13. Л. 74-75.

[5] Орлов В. Работа среди девушек-крестьянок. М. – Ленинград, 1926. С. 28.

мероприятий. Если их сводили к докладам, беседам, чтениям, молодежь начинала покидать их, поэтому рекомендовалось «пойти на некоторые уступки, допускать танцы и некоторые старые игры»[1].

Однако иногда попытки разнообразить проведение досуга наталкивались на ригоризм самих комсомольцев. Так, в одном из обсуждений приводилась такая рекомендация, вынесенная после диспута: «А если комсомолец наряжается для девушки? … это не верно, если он крутит с комсомолкой, а в особенности с беспартийной, наряжаться нельзя»[2].

Что касается танцев, то отношение к ним зависело от комсомольской организации: в одних ячейках выносились решения полностью запретить танцы, в других они допускались после просветительской программы. Так, в одном из протоколов говорится о разрешении национальных, народных и традиционных танцев, и о запрете «нэпманских и буржуазных, которые приводят к преждевременной половой жизни с ее последствиями»[3].

Кроме увеселительных мероприятий ячейки проводили «красные посиделки и гулянки»[4], содержание которых было напрямую связано с комсомольской и идеологической работой. В результате, как отчитывались активисты, вместо прежних развлечений организованы кружки «домоводства, огородничества, кройки и шитья. В части углубления общественных форм здорового развлечения … драматический, хоровой и другие» [5].

Однако не все в этой деятельности шло, как планировалось, в документах встречаются сведения о формальной работе «красных уголков» и о слабости именно в работе комсомола: «Поведение членов РЛКСМ не нравится крестьянству, так как таковые слишком свысока относятся к

---

[1] ГАНИСК. Ф. 6347. Оп. 1. Д. 2. Л. 37.

[2] ГАНИСК. Ф. 4625. Оп. 1. Д. 3. Л. 23.

[3] ГАНИСК. Ф. 6347. Оп. 1. Д. 2. Л. 37.

[4] ГАНИСК. Ф. 6347. Оп. 1. Д. 2. Л. 37.

[5] ГАНИСК. Ф. 4625. Оп. 1. Д. 1. Л. 60-62.

рядовому крестьянину. Среди членов РЛКСМ нет сильных работников для руководства ячейкой. Различные неблаговидные выходки головок ячеек подрывают авторитет всей организации. Во вновь открытом клубе (станица Прохладная) почти никакой работы не ведется, и собирающаяся там молодежь занимается детскими забавами. Секретарь ячейки клуба не посещает. Клуб большей частью пустует»[1].

Иногда в работе комсомольцев препятствием становилась конкуренция: «Красный уголок является единственным культурным местом района ... Совершенно отсутствует всякое руководство со стороны избы-читальни им. Шпака, хотя, согласно указаниям политпросвета вся ответственность за работу уголка ложится на избу-читальню, и просьбы совета уголка к избе-читальне остались совершенно без ответа». Далее в этом документе следует рассказ о том, как представитель избы-читальни закрыл платный вечер в пользу детплощадки из-за просроченного разрешения, в итоге: «Это так повлияло на актив, что у всех опустились руки, и вопрос с открытием детплощадки отпадает. Детплощадки не будет»[2].

Следует отметить, что в вопросе о взаимоотношении полов, о построении новой семьи, особенно ярко проявилась неопределенность в выборе форм «нового быта». В одно и то же время распространялись идеи «свободной» любви и «стакана воды» и высказывались соображения о буржуазности подобных идей[3].

В результате, мысли о «свободе» стали довольно распространенными среди молодежи, особенно городской и студенческой[4]. Измены, многоженство, случайные и беспорядочные половые связи в период НЭПа

---

[1] ГАНИСК. Ф. 5938. Оп. 1. Д. 12. Л. 82-83.

[2] ГАСК. Ф. Р-258. Оп. 1. Д. 174. Л. 192-192 об.

[3] Луначарский А. О быте. М. – Л., 1927. С. 24-25. Переработанная стенограмма доклада Луначарского, прочитанного в Ленинграде 18 ноября 1926 г.

[4] См. Переписку Смидович с двумя комсомолками (Смена. 1926. №21.).

были характерны и для выходцев из крестьян и рабочих[1]. Неверные мужья так объясняли свое поведение: «воспитанная в старых патриархальных традициях жена чувствует отвращение к половой жизни»[2].

Отметим, что немало женщин-комсомолок тоже хотели свободной любви. Данная тема занимала умы комсомольцев и не была снята с повестки дня вплоть до конца 1920-х годов, о чем свидетельствует такая запись при обсуждении данной проблемы: «Девушки-комсомолки забеременели от своих, то есть от комсомольцев, последние, узнав об этом, ушли от них, и на заявление некоторых товарищей, чтобы они оформили акт брака, комсомольцы заявили: “Не будем, потому что девушки-комсомолки извращены в половом отношении”»[3].

То есть в этом вопросе установление идеи равенства мужчин и женщин сочеталось с идеями простого использования. Такое парадоксальное сочетание приводило порой к событиям, становившимся известными на всю страну[4]. Подобные эксцессы случались и в Северо-Кавказском крае. Например, в одном из отчетов «о злоупотреблении руководящих работников» говорилось о том, как в станице Приближной, секретарь ячейки, «напившись пьяным, стал приглашать к себе «погулять» женщин …, но ввиду того, что те отказались идти к нему, он стал за ними гоняться с револьвером по улицам станицы»[5].

Можно отметить, что отношения между полами долгое время оставались одной из основных тем для обсуждения в молодежной среде и в

---

[1] Осипович Т. Проблемы пола, брака, семьи и положение женщины в общественных дискуссиях середины 1920-х годов // Общественные науки и современность. 1994. № 1. С. 161-171.

[2] ЦДНИКК Ф.6. Оп. 1. Д. 61. Л. 8.

[3] ГАНИСК. Ф. 5938. Оп. 1. Д. 31. Л. 22-23.

[4] См. многочисленные публикации о «Чубаровском деле» – групповое изнасилование в Ленинграде в 1926 г. недалеко от Чубарова переулка.

[5] ГАНИСК. Ф. 5938. Оп. 1. Д. 12. Л. 276-277.

комсомоле. В одном из обзоров о работе комсомола Терского губкома от 01.04.1924 г. сообщалось: «В горорганизациях проходили дискуссии о новом быте, в них затрагивались вопросы взаимоотношений между юношей и девушкой...»[1]. И далее: «В половом вопросе прослеживается неравное отношение по адресу актива, что характеризует нетоварищеское отношение». Для Северо-Кавказского края эти проблемы представлялись особенно актуальными, поскольку местные национальные и казачье-крестьянские традиции были достаточно сильны.

В 1920-е годы изменение отношений между мужчиной и женщиной породило проблему распространения венерических заболеваний, особенно острую в сельских регионах в силу бытового пути распространения некоторых из них и гигиенических особенностей крестьянского быта: общая посуда, совместный прием пищи. Из доклада с краевой партийной конференции 1924 года: «В настоящее время в деревнях развилось очень много всевозможных болезней, как венерических, так и туберкулюза, трахомы»[2]. Положение было настолько серьезным, что вопрос поднимался на самом высоком уровне, причем распространение венерических заболеваний затронуло как крестьянско-казачьи, так и национальные районы края, например, в Чечне 75-80% жителей заболели сифилисом[3].

В 1925-1926 годах во многих районах Северо-Кавказского края работали «венерические отряды», активное участие в деятельности которых приняли комсомольцы. Важная роль в борьбе с этим социальным злом и вредоносной опасностью для здоровья крестьян отводилась профилактике венерических заболеваний. В рамках этой работы комсомольцы выступали с лекциями, пропагандировали элементарные навыки личной гигиены[4]. Для

---

[1] ГАНИСК. Ф. 4624. Оп. 1. Д. 1. Л. 64.

[2] РГАСПИ. Ф. 65. Оп. 1. Д. 2. Л. 8.

[3] РГАСПИ. Ф. 65. Оп. 1. Д. 4. Л. 4 об.

[4] На борьбу с венерическими заболеваниями // Молот. 1926. 3 марта; Борьба с венерическими болезнями / б/а // Молот. 1926. 20 марта.

этих целей использовались и составляемые плакаты, и представления, и выступления живых газет.

Однако общее изменение как в ситуации борьбы с венерическими заболеваниями, так и с половой распущенностью произошло в связи с изменением отношения к семье. С середины 1920-х годов началось некоторое восстановление семейно-брачных отношений. Стали пропагандироваться и популяризоваться «красные свадьбы», способствовавшие восстановлению значимости института брака и в тоже время заменявшие устаревший, с точки зрения комсомольцев, церковный обряд. Такие свадьбы, как правило, проводились в клубах. Роль священнослужителей на церемониях исполняли секретари комсомольских или партийных организаций. В отчетах комсомольских ячеек в это время появляются первые материалы, связанные с обсуждением и осуждением недостойного поведения комсомольцев-супругов[1].

Все это привело к тому, что численность девушек в комсомоле по Северо-Кавказскому краю к 1930 году начала расти, общее их число составило около 5,3%. В национальных областях с октября 1928 по октябрь 1930 их количество выросло более, чем в два раза: с 2956 до 7390 человек. Кроме того, резко увеличилось число ячеек, руководимых девушками[2].

Следует отметить, что, как и во всей стране, комсомольцев и молодежь края волновали проблемы «оформления» бытовых взаимоотношений и поведенческие проблемы, связанные с семейной жизнью. Об этом можно судить по тем вопросам, которые выносились на обсуждение до конца 1920-х годов, причем на довольно высоком уровне: «Жены ответственных работников носят серьги, браслеты, кольца, как это для быта? Наряды жен ответственных работников с разными финтиклюшками, шляпами с

---

[1] Завгородний Н.Г. Неиссякаемая живучесть (записки краеведа). Михайловск, 2004. С. 52-53.

[2] Комсомол Северного Кавказа в цифрах (XII – 1930). Статистический сборник к 6-ой Крайконференции и IX съезду Союза. Ростов н/Д., 1930. С. 14-17.

перьями ... – как это для быта? Скажите, разве разрешается красить губы? Что вы считаете половой распущенностью? Почему слабое наказание таких коммунистов, которые десять раз расходятся и женятся? Вы сказали, что много случаев, что на женщину еще до сих пор смотрят, как на постельную принадлежность. А разве в одинаковой мере мужчина для женщины не может рассматриваться, как постельная принадлежность?»[1]. Эти вопросы были заданы председателю краевой контрольной комиссии ВКП(б) в конце 1928 года представителями комсомольцев и членами партии, входящими в партийное ядро комсомольских организаций.

Следует отметить, что представление о зажиточности и обеспеченности все также оставались притягательными для сельской молодежи. В условиях относительной неопределенности, все еще существовавших даже в конце нэпа, комсомольцы иногда проявляли уступчивость «классовым врагам». Именно так писал селькор с псевдонимом Ящер в Ставропольскую окрРКИ: «В межсоюзном клубе станицы Пролетарской, когда появляются дочка бывшего богача татарского князя Фатима Давлет-Гильдеева и дочка местного попа, комсомольцы наперебой стараются за ними ухаживать»[2]. Далее селькор добавляет, что через дальних родственников девушки числятся как социально близкие, а комсомольцы, зная настоящее положение вещей, умалчивают о чуждом происхождении, потому что «не хотят ссориться с классовым врагом»[3].

Из приведенных фактов видно, что представление о новом быте еще не оформились окончательно, но «слабые места» новой культуры уже начинали определяться, и для устранения этих слабых мест комсомольская молодежь готова была прибегать к самым решительным мерам. Категоричность предполагалась еще и установками партии, связанными, в том числе, с усилением политического контроля. Комсомольцы, особенно активисты,

---

[1] ГАНИСК. Ф. 5938. Оп. 1. Д. 31. Л. 22-23.

[2] ГАСК. Ф. Р-258. Оп. 1. Д. 189. Л. 171.

[3] ГАСК. Ф. Р-258. Оп. 1. Д. 189. Л. 171.

сами охотно использовали самые радикальные способы и достаточно самокритично оценивали уровень работы комсомольских организаций. Так, при обсуждении вопросов работы городской организации ВЛКСМ Георгиевска высказывались такие суждения о работе по бытовым и клубным вопросам: «В клубе во время вечеров беспорядок. Большинство, а особенно молодняк, совершенно не знакомы с уставом … Работу крестьянских ячеек из клуба надо перенести на окраину … Ячейки крестьянские замкнуты, их нужно бросить в массы, на улицы, где они смогут учитывать запросы крестьянской молодежи … Старый актив к работе относится халатно … это гонка за портфелем, замечаются со стороны активистов отлынивание от работы с улучшением материальных условий, в особенности со стороны старых комсомольцев»[1].

Одним из «пережитков прошлого», с которым надлежало бороться комсомолу, считалось пьянство. Однако, как и в других вопросах (бытовых, религиозных, семейных), политика не была до конца выработана и по этому направлению, в начале 1920-х годов антиалкогольная пропаганда почти не велась. Борьба шла в основном с самогоноварением, которое особенно было распространено в южных районах страны. Сообщалось, что преимущественно в сельской местности Ставрополья, Кубани и Дона «самогонщиков немногим менее, нежели жителей»[2]. Для борьбы с этим явлением в обязательном порядке привлекались комсомольцы и в лице «легкой кавалерии», и для участия в официальных органах. Так, в положении, разработанном в Георгиевском уезде, указывался обязательный состав «комиссии по борьбе с араковарением», куда входил представитель РКСМ, который имел право действовать самостоятельно[3].

Разрешение продажи спиртного и государственная монополия на него, сократив самогоноварение, не решили проблему алкоголизма в стране.

---

[1] ГАНИСК. Ф. 6347. Оп. 1. Д. 2. Л. 36 об.

[2] Явич А. Выборы в сельсовет // Красная нива. 1925. № 12. С. 277.

[3] ГАСК. Ф. 1313. Оп. 1. Д. 2. Л. 2-2 об.

«Специфической чертой деревенского пьянства эпохи нэпа явилось раннее приобщение к алкоголю молодежи как последствие бурного развития самогоноварения в деревне»[1]. Особенно опасен был алкоголизм в среде молодежи, о чем сообщалось в прессе: «Молодежь в деревне темная. По воскресным дням больше пьяная бывает»[2].

Такое явление объяснялось психологическими свойствами молодежи, доступностью спиртных напитков и, конечно, грандиозными социальными потрясениями и сменой традиционного бытового уклада. Понимаемое как абсолютное освобождение от старых правил стремление молодежи к «свободе» вело к эпатажному и, так сказать, взрослому поведению. Действовал и пример старших товарищей, а проблема пьянства среди партийцев обсуждалась в крае постоянно. Так, даже открытие новой школы могло сопровождаться обильным застольем с неумеренным потреблением алкоголя, купленного за деньги, вырученные от продажи пшеницы[3], а количество сообщений о пьянстве представителей партии, иногда руководителей ячеек, сложно оценить: «Авторитет ячейки подорван систематическим пьянством некоторых членов ячейки»[4]; «…послан был в одну из ячеек в станице Советской, но он в тот день не выехал и начал пьянствовать, подрался с одной женщиной, попал в милицию … приехав туда, там тоже напился … принял ячейку, но получены сведения, что опять был пьян»[5].

---

[1] Работу в деревне надо увязать с задачами социалистического строительства // Молодой ленинец. 1926. 3 марта.

[2] Миша О. Никому нет дела до культурной работы // Молодой ленинец. 1925. 26 сентября.

[3] Глеб Иванович. Как мы школу «обмывали» // Молот. 1926. 14 марта.

[4] ГАНИСК. Ф. 5938. Оп. 1. Д. 12. Л. 81.

[5] ГАНИСК. Ф. 5938. Оп. 1. Д. 1. Л. 7-8.

Не отставал в пьянстве и город. Так, по данным «легкой кавалерии» ставропольских комсомольцев за первую половину 1928 года в Ставрополе было пропито более половины месячной зарплаты всех рабочих[1].

Комсомол в Северо-Кавказском крае с самого начала привлекался к борьбе с самогоноварением, а затем и к борьбе с пьянством. Молодежь участвовала в культпоходах за трезвый образ жизни, создавала безалкогольные ячейки, которые действовали в основном на рабочих предприятиях Ставрополя и КМВ[2].

23 августа 1928 года секретариат ЦК ВЛКСМ утвердил текст письма ЦК ВЛКСМ «О борьбе с пьянством», в котором говорилось о вреде пьянства, расходовании материальных средств и предлагалось усилить борьбу с ним с помощью общественных судов и создания ячеек трезвости. Такие суды в Северо-Кавказском крае проводились только в городах и крупных сельских поселениях, но и там в ограниченных масштабах. Было организовано несколько агитационных выступлений и ряд акций по закрытию питейных заведений отрядами «легкой кавалерии»[3].

Одним из способов борьбы с пьянством была усиленная культработа в деревне и развитие физкультуры. Организация такой работы в сельской местности часто была связана с шефской помощью со стороны городских комсомольских организаций, привлекавших для этой работы физкультурников из спортивных организаций[4].

Физкультура должна служить «для подготовки к труду, к обороне страны»[5], она использовалась в 1920-х годах и как форма организации нового досуга, отвлекающая от традиционных форм быта и способствующая борьбе с девиантным поведением.

---

[1] Власть Советов. 1928. Ноябрь.

[2] ГАСК. Ф. Р-302. Оп. 1. Д. 13. Л. 67.

[3] ГАСК. Ф. Р-302. Оп. 1. Д. 13. Л. 67.

[4] ГАСК. Ф. Р.-101. Оп. 1. Д. 32. Л. 1-12.

[5] За физкультуру // Молодой ленинец. 1926. 23 апреля.

Активно развивалось физкультурное движение в Ставрополе и на Кавказских Минеральных водах. При непосредственном участии окружных и городских комитетов комсомола были созданы секции велоспорта и мотоспорта[1], организованы теннисные секции[2], секция по стрельбе при обществе «Динамо»[3].

В сельской местности работа по распространению физкультуры велась не так эффективно, как в городской местности. К началу 1925 года в сельских районах Северо-Кавказского края было меньше 1000 членов физкультурных кружков и объединений[4]. Главной причиной низкой численности физкультурных организаций являлось практически полное отсутствие условий.

С середины 1920-х годов в городах положение изменялось, и уже к концу 1920-х годов в рабочем клубе могло насчитываться 250 человек, причем клуб был оборудован для занятий несколькими видами спорта и имел необходимый для этого инвентарь.[5]

Хуже выглядела ситуация в сельской местности. Школьные занятия физкультурой сельских детей в отсутствии инвентаря обычно превращались в традиционные игры. Распространение получали только такие виды спорта, которые были нетребовательны к оборудованию и имели элемент соревнования. Так, в 1926 году Ставропольский Окрком РЛКСМ в резолюции пленума по докладу о физкультурной работе в районах постановил: «Основной формой работы физкультурного кружка будет на первое время считаться использование деревенских игр и внедрение новых спортивных игр, построенных в определенной системе, и привитие членам физкультурного кружка первичных санитарно-гигиенических знаний и

---

[1] ГАСК. Ф. Р-276. Оп. 1. Д. 34. Л. 45.

[2] Терек. 1925. 20 ноября. С. 12.

[3] ГАСК. Ф. Р-300. Оп. 1. Д. 473. Л. 48.

[4] Жабо В. Физкультуре принадлежит большое будущее // Молот. 1925. 11 ноября.

5 В-ич. Физкультура в рабочем клубе // Молот. 1928. 9 февраля.

навыков»[1]. Результатом такого подхода и отсутствия инвентаря стало распространение на селе футбола: «Массовых гуляний и спортивных праздников мало, и в большинстве случаев они превращаются в футбольные соревнования»[2].

Руководство все чаще стало критиковать молодежь за чрезмерное увлечение этой игрой, «забыв совершенно о других видах спорта»[3]. Сельским активистам рекомендовалось развивать и другие направления физкультурной работы: «кружок физкультуры, это не кружок футболистов; в кружках необходимо заниматься различными видами упражнений»[4]. Также из-за своего чрезмерного увлечения футболом молодежь не всегда качественно выполняла свои партийные обязанности: «… в хозяйстве не понимают, они гоняют ногами мячи … а хлеб комитетский на поле неубранный стоит»[5]. Однако даже занятия футболом, если они отвлекали от традиционных форм времяпрепровождения, одобрялись партийными органами и активно поддерживались комсомолом.

Еще одной формой привлечь молодежь к новым формам проведения свободного времени являлись военно-спортивные организации, которые должны были готовить молодое поколение к защите Родины. В рамках таких организаций велась и политико-пропагандистская работа, читались доклады о международном положении. Тем самым, наблюдалась взаимосвязь

---

1 ГАСК. Ф. 1313. Оп. 1. Д. 1. Л. 35.

2 Сыркин В. Изба-читальня, как она есть (Статья вторая) // Коммунистическое просвещение. 1927. – № 1. С. 81.

3 Панин Мих. Надо внедрить физкультуру в наш быт / Мих. Панин // Молот. 1924. 20 сентября.

4 Жабо В. Физкультуре принадлежит большое будущее // Молот. 1925. 11 ноября.

5 Окуда Х. «От сохи к портфелю»: деревенские коммунисты и комсомольцы в процессе раскрестьянивания (1920-е – начало 1930-х гг.) // История сталинизма: итоги и проблемы изучения. Материалы Междунар. науч. конф., г. Москва, 5 – 7 декабря 2008 г. М., 2011. С. 514.

военного обучения и чтения периодики как одной из практик сельского досуга. С 1927 года такой организацией стал ОСОАВИАХИМ.

В работе использовался привлекательный для молодежи аспект знакомства с новой техникой. Часто территориальные организации в Северо-Кавказском крае возникали прямо на базе комсомольских ячеек, то есть комсомольцы полностью включались в их работу[1].

До возникновения ОСОАВИАХИМА в работе принимали участие в основном комсомольцы городов и крупных сельских поселений. Так, в Ставропольском округе насчитывалось 13 авиаспортивных секций, которые к 1926 году выпустили 443 авиамодели и два самолета[2].

С 1927 года у комсомольцев Ставрополя появилась еще одна привлекательная для молодежи форма работы, связанная с военно-патриотическим воспитанием: ячейки двух предприятий – Маслозавода и Хлебопродукта – организовали военные походы с имитацией боевых действий[3].

На селе лишь относительно небольшой процент сельских жителей был охвачен работой военно-спортивных организаций, но там, где она была налажена, численность росла очень быстро: «интерес к обществу Авиахим среди крестьянства настолько большой, что записываются в члены целыми хуторами»[4]. Но и здесь поначалу преобладал односторонний уклон в занятиях стрелковыми видами спорта. Даже руководители края отмечали, что «нужно в первую очередь добиться организации стрелковых кружков и снабжению их ружьями и стрелковыми приборами»[5].

Для активизации работы в сельской местности использовались агитпоездки. Например: комсомольцы, члены крупной станичной

---

[1] ГАНИСК. Ф. 4624. Оп. 1. Д. 3. Ф. 4625. Оп. 1. Д. 6.

[2] Власть Советов. 1926. 1 января.

[3] Власть Советов. 1927. 12 мая.

[4] Отовсюду // Молот. 1926. 27 марта.

[5] ЦДНИРО. Ф. 75, Оп. 1. Д. 68, Л. 4.

организации Осоавиахима, «ездили с передвижным тиром и противогазами даже по окрестным станицам»[1]. Интересно отметить, что активное участие в работе стрелковых кружков принимали девушки-комсомолки. Например, 4 марта 1928 года в Пятигорске проводились соревнования стрелков-девушек, «чтобы 8 марта были выданы призы»[2].

Постепенно работа ОСОАВИАХИМА становилась все более насыщенной, например, в Ессентуках на собрании в честь Десятилетия Красной армии даже звучало пожелание о включении в работу организации не только всех комсомольцев, но и всей молодежи и даже всех трудящихся[3].

Таким образом, военно-спортивные и физкультурные кружки и работа комсомольцев в них становились одной из форм формирования нового досуга.

Важную роль в движении к новому быту играла такая форма прямого воздействия и на молодежь, и на население, как стенная газета. Выставление на публичное осмеяние «старых пороков» и одобрение положительных действий производило достаточное сильное впечатление. Одной из важнейших тем в стенных газетах были темы высмеивания «пережитков прошлого». Так, в станице Дербентской газета уделяла внимание борьбе со знахарством, посвятив материалы в нескольких выпусках этой проблеме, разоблачению самогонщиков и борьбе с пьянством[4]. В другой газете находим пропаганду физкультурного движения и борьбу за личную гигиену и за чистоту в общественных местах.

Ведущую роль в стенной печати играла молодежь: «Иногда бывает так, что сначала возникает стенгазета, а затем к затеявшим ее двум-трем паренькам, из наиболее острых, мало-помалу примыкает вся местная

---

[1] М. В гуще населения // Молот. 1928. 18 февраля.

[2] ГАНИСК. Ф. 5938. Оп. 1. Д. 28. Л. 71.

[3] ГАСК. Ф. Р-2032. Оп. 1. Д. 14. Л. 11-12 об.

[4] Бежкович А. Комсомольская стенгазета // Комсомол в деревне. Очерки / Под. ред. В.Г. Тана-Богораза. М. – Л., 1926. С. 133-134.

молодежь, и вокруг невиданной «городской затеи» группируется первое ядро будущего комсомола … иногда наоборот, за стенгазету комсомольцы принимаются лишь тогда, когда их ячейка уже достаточно выросла и окрепла, когда их голос настолько усилился, что они могут кликнуть клич далеко за пределы своей глухой деревушки – порой на целую волость»[1].

Издание стенгазет всячески поощрялось, периодически проводились конкурсы стенгазет, в которых указывались основные темы и предусматривались весомые награды. Результаты конкурсов освещались в официальной газете[2].

Следует отметить, что со второй половины 1920-х годов основным показателем работы становится массовость. С точки зрения руководящих органов массовость искупала недостаточную зрелость, отдельные бытовые уклонения и даже иногда отсутствие поставленной идеологической работы. Сам факт организованности в новых формах оценивался как положительный. Более того к концу рассматриваемого периода именно охват количественный становится главным показателем работы комсомола. Так происходило потому, что сама по себе общественная работа отвлекала от привычного старого и создавала возможность для контроля и за поведением, и за мировоззрением. Кроме того, массовость становилась предпосылкой успешной пропагандистской работы, так как позволяла контролировать воздействие пропаганды и осуществлять такое воздействие на регулярной основе.

Вышесказанное позволяет сформулировать следующие выводы.

Молодежь была главным орудием формирования нового общественного строя и новой культуры быта, причем в силу психологических особенностей она одновременно являлась и основным материалом проводимых преобразований.

---

[1] Бежкович А. Комсомольская стенгазета // Комсомол в деревне. Очерки / Под. ред. В.Г. Тана-Богораза. М. – Л., 1926. С. 129.

[2] ГАНИСК. Ф. 5938. Оп. 1. Д. 28. Л. 47.

Культура быта в крае к концу 1920-х годов только начала меняться, и в ходе этого процесса обнаружились острые проблемы, порожденные этими начавшимися изменениями, в том числе связанные с неразработанными до конца установками партии и нового государства по вопросам семьи, взаимоотношения полов и по проблемам, связанным с новым социальным статусом женщины. Это приводило к негативным последствиям, связанным с ростом числа разводов, распущенностью и катастрофическим распространением венерических заболеваний, как сексуальным, так и бытовым путем.

Изменения, происходившие в обществе и государстве, разрушение традиционной культуры, социальной системы, стали причиной многочисленных девиаций в обществе в целом и в среде молодежи, что привело в середине 1920-х годов к падению авторитета комсомола в отдельных районах края, населенных казачеством и национальными меньшинствами. В тоже время эти процессы объективно подталкивали к усилению контроля за молодежью, в том числе за счет вовлечения ее в активную работу в общественных организациях.

Особенности Северо-Кавказского края, такие как: консервативность населения казачье-крестьянских, горских и иных национальных районов, невысокий уровень образования – усложняли исходную ситуацию, что, в свою очередь, приводило к невысокой эффективности прямой пропаганды новых форм быта и досуга. Именно поэтому одним из основных приемов в проведении преобразований стал организационный и количественный рост комсомола, причем в отдельные периоды связанный со стремлением охватить не только социально близкие, но относительно враждебные слои населения, например, казачество.

Комсомол края, проводя партийную политику, использовал различные методы и средства: информационно-пропагандистские – стенгазеты, беседы, общественные читки; организационные – создание и обеспечение работы ячеек добровольных общественных организаций; комбинированные,

сочетавшие пропагандистскую и организационную составляющую – военные походы, физкультурные и военно-спортивные соревнования. В силу особенностей края в сельской местности особой популярностью пользовались мероприятия наглядно-активного характера: военно-спортивные игры, стрелковые соревнования, в казачьих районах конные соревнования, походы, имитирующие боевые.

Физкультурная деятельность широкого развития не получила в силу отсутствия материальной базы. Исключением мог считаться футбол, но односторонний уклон в занятия этим видом спорта уже к концу 1920-х годов начал рассматриваться как зачастую вредный, отвлекающий от иных видов физкультурно-массовой работы.

Подытоживая, можно сказать, что, несмотря на колебания в политике и в методах ее проведения, комсомол края действительно стал «передовым объектом» партийной политики по изменению культуры быта. Именно молодежь стала полем для преобразований, иногда, например, в случае с семьей и половым вопросом, полем для экспериментов. Не все подобные преобразования привели к положительным результатам, так одним из последствий слома старой культуры стал рост пьянства и хулиганства на селе. Однако процесс изменений был запущен, и молодежь, будучи объектом таковых, стала и главным их проводником.

2.3. Особенности противодействия комсомольских организаций религиозному влиянию

Новая власть стала искать свои пути организации нового общества, что несомненно нашло свое выражение в программных документах и дискуссиях еще в период гражданской войны. Это объяснимо, потому что взять власть «оказалось куда проще и быстрее, чем поменять уклад жизни миллионов граждан такой необъятной страны, как Россия»[1]. Началась борьба за быт и новое сознание. На фоне этого развернулась борьба с пережитками старого и, прежде всего, с религией[2].

В октябре 1923 г. ЦК РКП(б) принял решение об антирелигиозной пропаганде в деревне, где сформулировал необходимость «отвлечения от культа путем организации культурных развлечений, сосредоточения внимания на пролетарских праздниках и торжествах … замены религиозных отправлений формами гражданского быта, как-то: религиозных праздников – гражданскими производственными праздниками (например, праздник урожая, посева и т.д.), таинств – торжественными отправлениями гражданских актов с участием (при условии отказа от церковного ритуала) культурно-просветительных учреждений, как, например, гражданских похорон, панихид, брака, наречения имени и принятия в гражданство (запись

---

[1] Журавлев С.В., Соколов А.К. Повседневная жизнь советских людей в 1920-е годы // Социальная история. Ежегодник. 1997. М., 1998. С. 287.

[2] Слезин А.А. Антирелигиозные политсуды 1920-х годов как фактор формирования общественного правосознания // Право и политика. 2009. № 5. С. 1156-1159; Слезин А.А. Антирелигиозные праздники 1920-х гг. // Вопросы истории. 2010. № 12. С. 82-91; Слезин А.А. За «новую веру». Государственная политика в отношении религии и политический контроль среди молодёжи РСФСР (1918 – 1929 гг.). М., 2009 ; Слезин А.А., Баланцев А.В. Противодействие комсомольских организаций религиозному влиянию среди «восточных национальных меньшинств»: специфика первой половины 1920-х годов // Социодинамика. 2012. №3. С. 48-100.

рождения)»[1].

Закономерно, что в борьбе с религией в Северо-Кавказском крае особо значимой оставалась роль молодежи. В силу особенностей психологии, в связи с естественной тягой к самостоятельности и к освобождению от стесняющих свободу ограничений молодежь могла стать и стала ударным отрядом. Об этом свидетельствуют многочисленные упоминания как в официальных документах партии и комсомола, так и в прессе того времени[2].

Северо-Кавказский край в этом отношении представлялся особенно проблемным регионом, так как преимущественно крестьяне и казаки обладали «сильными» традициями в организации своей жизни. Еще сложнее выглядела ситуация в горских районах Северо-Кавказского края, где религиозные представления составляли основу не только культурной и духовной жизни, но и правового регулирования. В этих районах вплоть до середины 1920-х годов продолжали действовать шариатские суды. Причем потребность в регулировании практических взаимоотношений между людьми сообщала этим судам высокий авторитет, против которого бессильна оказывалась не только новая идеология, но иногда и новая власть. Так, в 1922 году по постановлению Чеченского областного шариатского суда был высечен именно за несоблюдение обрядов комсомолец села Гойты С. Хаджиев, а затем брошен в яму, из которой его смог освободить только высокопоставленный представитель власти – посетивший г. Грозный в 1923 г. М. И. Калинин[3].

Важную роль в укорененности религиозных представлений в стране играло «крестьянское невежество»[4]. В целом, даже лидеры партии

---

[1] Брудный В.И. Обряды вчера и сегодня. М., 1968. С. 66-67.

[2] ЦДНИРО Ф. 4. Оп. 1. Д. 4. Л. 12; ЦДНИРО Ф. 75. Оп. 1. Д. 47. Л. 4а; Огниев И. Краснодар комсомольский // Молот. 1924. 14 сентября.

[3] Грозненский рабочий. 1927. 5 января.

[4] Яковлев Я.А. Наша деревня. Новое в старом и старое в новом. 3-е изд. М., 1925. С. 123.

вынуждены были признать, что «десятки миллионов веруют»[1]. Так, А. И. Микоян, возглавлявший в это время партийное руководство на Юге России, даже о перспективах антирелигиозной работы высказывался довольно пессимистично: «крестьяне в большинстве будут ещё верить в Бога»[2]. Все это позволяет говорить о сложностях, с которыми могла столкнуться и столкнулась антирелигиозная политика большевиков.

В литературе отмечалось, что методы антирелигиозной борьбы в 1920-х годах претерпевали существенные изменения в целом по стране. Их изменение было связано с изменениями позиции партии применительно к религии.

В рамках исходного шага борьбы с религией (1918 - 1922 гг.) властвовали эксцентричные способы, которыми пользовались комсомольцы. Казалось, что освобождение от условностей, связанных с церковными обрядами, само по себе приведет к отказу от веры. Такое отношение к религии было связано с тезисом о производности религии от общественных отношений и с надеждой на ее быстрое разрушение после разрушения старого строя. Представлялось, что достаточно простой «атаки в лоб», и уже это приведет к нужным результатам. Для этого этапа борьбы с религией именно такие действия были характерны и, в целом, несмотря на нарушения, положительно оценивались советской властью[3].

Одной из ведущих и при этом массовых форм борьбы с религией в это время становятся антирелигиозные шествия и мероприятия, проводимые во время традиционных религиозных праздничных дней.

К примеру, в «Комсомольское Рождество» в городе Ростов-на-Дону воинственно настроенные комсомольцы устроили «крестный ход» вокруг собора Александра Невского, в руках у собравшихся были чучела,

---

[1] ГАРО, ф. Р-4021, оп. 1, д. 69, л. 18.

[2] Микоян А.И. Современные задачи партии в деревне // Микоян А.И. Партия и казачество. Статьи и речи. Ростов н/Д., 1925. С. 13.

[3] Трудовой Дон. 1923. 7 января.

изображавшие Иисуса Христа, Божью Матерь, Николая Угодника, Аллаха, Будду. Организаторам этого хода казалось, что простая насмешка способна будет поколебать веру. Сожжение чучел, которое прямо выглядело как святотатство, с одной стороны, демонстрировало смелость, выступающих против религии, с другой – неспособность объектов поклонения защищаться. Местная газета писала об этом событии как о «карнавале комсомольцев», проведенном с невиданным размахом, в котором приняла участие непартийная молодежь фабрик и заводов, и отмечала высокий энтузиазм участников[1].

Не отставал в проведении подобных мероприятий и ставропольский комсомол. Рождество на улицах города отмечалось антирелигиозными шествиями, в которых в соответствии с представлениями о карнавальных традициях и в целях осмеяния шествовали ряженые в костюмах чертей вместе с ряжеными в монахов, священнослужителей. Шествие сопровождалось революционными песнями, хороводами, кощунственными по отношению к религиям частушками и завершилось сожжением Христа, Будды, Магомета и других «мировых богов». При этом молодежь врывалась в церкви и устраивала хороводы там[2].

Следует отметить, что основным психологическим элементом в такого рода действах был элемент протеста против привычного порядка, связанного со старшим поколением, обличенный в игровую форму, причем такого типа, в которой правила устанавливали сами участники, то есть молодежь. О протестном характере этих праздничных шествий свидетельствует простое перечисление изображений богов и святых, некоторые из которых – Будда, Магомет, Аллах – никакого отношения к конкретным праздникам – Рождеству – не имели.

Очевидно, что подобные мероприятия приводили к конфликтам, но, несмотря на это, в целом, они сначала признавались удачными, по крайней

---

[1] ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 137. Л. 60; Трудовой Дон. 1923. 7 января.

[2] Терек. 1923. 3 января.

мере, в отчетах об антирелигиозной пропаганде. К примеру, в отчете Антирелигиозной комиссии ЦК РКП(б) 17 января 1923 г. отмечалось собственно, что «имеющиеся данные позволяют считать праздник… удавшимся, несмотря на целый ряд мелких и ненужных нетактичностей. В виде примера сошлемся на имевшие место в целом ряде городов остановки процессий перед церквями с шумными демонстрациями антирелигиозных чувств…»[1].

Однако, буквально спустя месяц, учтя дополнительную информацию с мест, отражавшую недовольство взрослого населения, комиссия пересмотрела свои выводы, и 19 февраля 1923 г. ЦК партии категорически запретил проведение публичных массовых мероприятий антирелигиозной направленности и призвал вести кампанию по борьбе с религией на предприятиях и в клубах[2].

Это изменение отношения партийных и государственных органов было связано с эксцессами, вызывавшими возмущение верующих и протесты. Отметим, что подобные эксцессы борьбы с религией случались и впоследствии, и информация о них попадала в прессу, причем получала неприятные заглавия. Например, «Так бороться с религией не годится». Данная заметка была размещена в печатном издании «Красное знамя». В ней было сообщено о праздновании Дня ниспровержения самодержавия, который проходил в марте 1925 года. В честь праздника была подготовлена инсценировка, в ходе которой хор, изображавший монахинь, запел «Спаси, Господи», и многие из зрителей в соответствии с традициями и обрядами, особенно старики и старухи, начали креститься и кланяться. После этого принимавшие участие в представлении начали ломать предметы культового почитания – кресты, изображения церковных хоругвей. Все это возмутило верующих и вызвало их гневную и отрицательную реакцию[3]. И все же за

---

[1] Архивы Кремля. Политбюро и Церковь 1922-1925 гг. М., 1997. Кн. 1. С. 357.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 509. Л. 14.

[3] Красное знамя. 1925. 25 марта.

неимением агитационных материалов, опыта, квалифицированных кадров власть мирилась с подобными случаями, стремясь максимально использовать протестную энергию молодежи.

Такие методы осуждались и партийными работниками Северо-Кавказского края: критические замечания высказывались именно в адрес комсомольцев, потому что крик и свист, пение антирелигиозных песен во время богослужений под окнами церкви приводили к отрицательным результатам: крестьяне переставали воспринимать всерьез и содержание пропаганды, и тех, кто ее вел, и главное – увеличивалось число враждебно настроенных против власти[1].

В деревнях и селах активные «атаки на вероисповедание в лоб» приводили нередко к обратным результатам. В итоге лидеры партии признали, что «кавалерийская атака» на религию привела к тому, что население начало «посылать проклятия» за такую работу[2]. Поэтому в середине 1920-х годов методы были изменены. Комсомолу рекомендовалось использовать в антирелигиозной агитации и пропаганде осторожный подход: агитация должна была стать научно-просветительской и вестись с помощью организации кружков, проведения лекций, с использованием литературы и иными доступными методами, не вызывающими отторжения или недовольства[3].

Научно-просветительные мероприятия сообщали антирелигиозной пропаганде большую силу, нежели разбойнические и бесславные проделки комсомольцев, однако представленные ранее выходки комсомольцев не закончились и после рекомендаций вышестоящего руководства о перемене

---

[1] ЦДНИРО Ф. 5. Оп. 1. Д. 70. Л. 155.

[2] ЦДНИРО Ф. 5. Оп. 1. Д. 20. Л. 107.

[3] Из письма Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б) всем обкомам, губкомам и оргбюро РКП Юго-Востока о тактичном подходе к борьбе с религиозными предрассудками. 25 июня 1923 г. // Культурное строительство на Дону (1920 – 1941 гг.). Сб. документов. Ростов н/Д., 1981. С. 122.

методов воздействия. Так, в одном из районов края комсомольцы забавлялись, пародируя окропление святой водой, разбрызгивая воду из ведер вениками из сена и изображая из себя священников[1]. В ином районе края «весельчаки» забрались в ночное время в храм и порубили иконы, а вслед за тем напились и уснули[2]. Отметим, что в середине 1920-х годов подобные случаи осуждались, но не наказывались.

Примерно также изменялась антирелигиозная работа в горских районах края. Она начиналась с радикальных методов, с попыток решить проблему с наскока, поддержанных властью.

«Против Бога» – так назвала свою заметку Ардонская организация РЛКСМ в Северной Осетии, где описывается «забавный», по их выражению, случай, произошедший с комсомольцами. Для открытия клуба этой организации потребовалось помещение, и молодежь решила использовать церковь при духовной семинарии. Поскольку официального разрешения получить организации не удалось, комсомольская организация захватила здание «штурмом». Поначалу эти действия в газетной заметке были оценены положительно[3], но затем официально им была дана отрицательная оценка[4].

Агрессивные методы в горских районах не прижились и довольно рано, например, в Осетии в содержании этой работы был сделан упор на то, что необходимо разъяснять несовместимость религии с наукой и убеждать в том, что религия исчезнет с ростом знания и власти человека над природой. Такой подход объяснялся своеобразием региона, сочетавшего многоконфессиональность и укорененность в традициях[5]. Даже молодежь

---

[1] ЦДНИРО Ф. 5. Оп. 1. Д. 72. Л. 50.

[2] Дрилль В. «Весельчаки» // Молодой ленинец. 1926. 24 марта.

[3] Горская Правда. 1923. 7 января.

[4] ЦГА ИПД РСО-А. Ф. 22. Оп. 1. Д. 2. Л. 200.

[5] Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания (далее – ЦГА РСО-А). Ф. Р. - 124. Оп. 1. Д. 33. Л. 4.

здесь относилась к религии как к одной из обязательных форм духовной жизни.

Поэтому уже на начальном этапе антирелигиозной борьбы в горских районах она разворачивалась в стенах клубов. Главное, что подчеркивалось в комсомольской работе – это «умение комсомольцев объяснить своё безбожие»[1]. Для этого проводилась подготовка агитаторов. Так, в начале 1924 года партийным комитетом Владикавказа совместно с комсомольцами была специально организована группа по антирелигиозной пропаганде для подготовки кадров молодых антирелигиозников. Отбирались такие кандидаты: в возрасте старше двадцати лет, технически грамотные, имеющие естественнонаучные знания или знакомые с ними, обязательно члены РКП(б) или РКСМ, связанные с работой с людьми и не загруженные текущей работой[2].

Активно формировались здесь ячейки Общества друзей газеты «Безбожник» (ОДГБ). Это была первая общественная организация, созданная для антирелигиозной пропаганды в Северной Осетии. Так, в архивных документах от декабря 1924 г. говорится о двух бюро и 16 ячейках общества, так же сообщается о том, что в декабре «влилось в ОДГБ до 700 стойких членов»[3].

Особенно активны были в антирелигиозной работе комсомольцы-студенты. Газеты писали: «Осетинское студенчество влилось в Общество целиком»[4]. Для этих комсомольцев была разработана специальная памятка, в которой подчеркивалась необходимость «уметь быть агитатором…»[5].

---

[1] Власть Труда. 1925. 14 апреля.

[2] ЦГА РСО-А. Ф. Р. - 56. Оп. 2. Д. 126. Л. 4.

[3] Протокол № 7 заседания Бюро обкома Особласти. 19/XI-24 г. // ЦГА ИПД РСО-А. Ф. 1. Оп. 1. Д. 27. Л. 36; ЦГА РСО-А. Ф. Р. - 47. Оп. 1. Д. 239. Л. 18.

[4] Власть труда. 1925. 8 февраля.

[5] ЦГА РСО-А. ФР. 56. Оп. 2. Д. 4. Ч. 1. Л. 249.

Основными видами работы ОДГБ до середины 1920-х гг. были лекции естественнонаучного характера, беседы и массовые доклады на конкретные естественнонаучные темы, например «Электрификация или Илья пророк»; «Вознесение Христа или современное завоевание воздушной стихии»[1]. В этих лекциях в простой форме, иногда без какой-либо логической основы, описаниям чудес противопоставлялись «чудеса науки и техники».

В середине 1920-х гг. в казачье-крестьянских районах Северо-Кавказского края также создавались ячейки Общества, но активная работа велась в основном в городах, где для этого существовали хотя бы минимальные условия. В сельской же местности не хватало для этого сил, а в летнее время препятствовала этому занятость населения. Кроме того, затрудняло работу на селе господство крупных поселенческих единиц: казаки и крестьяне на время сельскохозяйственных работ покидали села и станицы и почти весь сезон жили во временных жилищах у своих наделов, расстояние до них порой составляло несколько десятков километров.

Типичный отчет об антирелигиозной работе комсомола в это время выглядел так: «…глубокой систематической работы не было. В летне-осеннее время организация вопросами антирелигиозной пропаганды не занималась вплоть до подготовки Комсомольского Рождества. Комсомольское Рождество проведено с соблюдением всех директив ЦК. Кампания заняла двухнедельный срок. Основными элементами антирелигиозной пропаганды была пропаганда естественнонаучных знаний через читки, беседы, доклады на собраниях и вечерах. При каждом городском клубе имеется антирелигиозный кружок (особенно хорошо работает в г. Пятигорске). Отведены уголки «безбожников» в стенных газетах. Вопросами антирелигиозной пропаганды глубоко интересуются деревенские ячейки, но отсутствие литературы и сил не позволяет данную

[1] ЦГА РСО-А. Ф. П.и - 4. Оп. 1. Д. 36. Л. 177.

работу поставить, в деревне «безбожные вопросы» разбирались только в политчитках»[1].

Лишь с созданием в апреле 1925 года единого всесоюзного общества «Союз безбожников» начала налаживаться организационная работа. В городах края ячейки общества при участии комсомольцев создавались при всех предприятиях и учреждениях[2]. Однако, в связи с загруженностью, отсутствием методик, слабой активностью членов ячеек содержательная работа велась слабо. Даже такие формы как антирелигиозные игры, а их сценарии печатались в издаваемом с 1926 года ставропольском журнале «Безбожник», большой популярностью не пользовались[3].

Можно отметить, что с середины 1920-х годов накал антирелигиозной борьбы спадал, и это тут же давало о себе знать. На фоне трудностей организационного строительства комсомола, в связи с колебаниями, вызванными политикой «лицом к деревне» (в крае еще и «лицом к казачеству»), а также в связи с распространением отклоняющегося поведения, в том числе и среди комсомольцев, в крае начинают расти секты. Рост сектантства объяснялся не только тем, что сектанты меньше пострадали, чем Православная Церковь в период первоначальных гонений на религию, но тем, что на фоне кризисных явлений типа «хулиганства», «пьянства» сектантские объединения и молодежь в них выглядели лучше, чем комсомол и комсомольцы.

С середины 1920-х годов секты начинают восприниматься как прямая угроза комсомолу. Так, в одном из отчетов Ставропольского окружного комитета ВЛКСМ за 1927 год сообщалось: «Замечается стремление к

---

[1] ГАНИСК. Ф. 4624. Оп. 1. Д. 1. Л. 56.

[2] ГАНИСК. Ф. 5938. Оп. 1. Д. 5. Л. 275-276 об., 55-58.

[3] Ногина Е. В. Городская культура на Ставрополье в годы НЭПа // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: V «Минаевские чтения» по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа. Тезисы докладов межрегиональной научной конференции. Ставрополь, 2001. С. 124.

усилению своего влияния на молодежь со стороны разных религиозных сект, борьба с указанным сектантским движением ведется путем проведения бесед, лекций и индивидуальной пропаганды среди населения. Вместе с этим нужно отметить, что до сих пор в деревенской части организации антирелигиозная пропаганда поставлена слабо, в отдельным местах даже таковая совершенно отсутствует, и в силу указанных причин в отдельных местах, где ячейки ВЛКСМ недостаточно окрепли. В этих местах имело место влияние на беспартийную молодежь и даже на комсомольцев сектантское движение»[1]. В качестве иллюстрации влияния сектантов сообщалось следующее: «…ячейка ВЛКСМ при товариществе Красный Маслопресс, в это товарищество входят преобладающие количества различных сект, как-то молокане, баптисты и т.д. … сюда же из Кубани приехали так называемые 12 пророков, которые устроили молебен в честь схождения Святаго Духа … После молебна эти «пророки» стали проповедовать среди молодежи, чтобы таковая не ходила к «нечистым», подразумевая под этим комсомол, и здесь же было создано «общество по борьбе с неверующими». В это общество вступило и два комсомольца, которые дали свое «покаяние» о том, что больше в комсомол не пойдут … из 16 членов ВЛКСМ осталось только восемь»[2].

Те же процессы шли и в национальных районах: ослабление антирелигиозной работы сразу же вело к тому, что влияние на молодежь перехватывалось церковными и сектантскими общинами[3]. Так, в поселении немцев Михайловской колонии под Владикавказом молодежь находилась под столь сильным влиянием пастора, что даже попытка организовать ячейку РЛКСМ в колонии провалилась[4].

---

[1] ГАНИСК. Ф. 4625. Оп. 1. Д. 25. Л. 99.

[2] ГАНИСК. Ф. 4625. Оп. 1. Д. 25. Л. 99-100.

[3] Власть Труда. 1925. 23 апреля; Власть Труда. 1925. 8 мая; Власть Труда. 1925. 30 мая; Власть Труда. 1925. 11 августа.

[4] Власть Труда. 1925. 3 июня.

В пользу религии работал внешний вид и поведение верующих, особенно сектантов различных толков, которых традиционно много было на Северном Кавказе. Сектанты не курили, не пили, не сквернословили, не развратничали. Это выгодно отличало их от комсомольцев, которые, по выражению одного из руководителей РКСМ, «брали все радости в этой жизни»[1].

Отметим, что комсомол не бездействовал, и там где работа была поставлена хорошо, влияние комсомольцев перевешивало влияние сектантов. Так, в Александровском районе в одном из поселков, в котором проживали только члены общины евангелистов, комсомольской «подъячейке» (при невысокой численности так называли первичные организации комсомола) удалось разагитировать двенадцать семей из тридцати[2].

Несмотря на некоторое ослабление, массовая антирелигиозная пропаганда, конечно, не останавливалась и в этот период, в середине 1920-х годов, но велась она более сдержано: учитывались указания ЦК ВКП(б). Более того, такая работа налаживалась обдуманно с учетом реалий и оценивалась не по формальным показателям, а критически. Так, Северо-Кавказский крайком партии в 1926 г. отмечал, что атеистическая работа в национальных автономиях еще не развернута в силу отсутствия «работников-националов» и особенностей быта горцев.

В 1925 году большая часть горской молодежи оставалась под сильным влиянием религии. Партийные пропагандисты принимали собственно, что «молодежь, в огромном большинстве, еще не решила для себя этого вопроса (об антирелигиозной пропаганде), а подчас и вовсе его перед собой не ставила и не ставит… В среде студенчества есть лица, которые, изучая вопросы марксизма, наряду с этим не забывают и верить в Бога»[3].

---

[1] Горская Правда. 1924. 4 июня.

[2] ГАНИСК. Ф. 4625. Оп. 1. Д. 25. Л. 101.

[3] Власть труда. 1925. 26 января.

Заместитель начальника Восточного Отдела ОГПУ в 1926 году в служебной записке приводил следующие прецеденты: «В ауле Блачапси Адыгее-Черкесской области в связи с перевыборами вокруг предсельсовета образовалась группа, состоящая из эфенди, кадия, кулака, князя и быв. помещика. Группа ведет агитацию против молодежи, в особенности коммунистов. Имея громадный авторитет, эта группа ведет за собой до 60% всего населения аула. На ячейки ВКП(б) и РЛКСМ, состоящие в большинстве случаев из русских, благодаря этой агитации, смотрит враждебно население. Аналогичные группировки из быв. дворян и духовенства против коммунистов выявлены в аулах Хакуринохабль, Кобихабль, Уляб, Кончукохабль и др. В сел. Зильги (Осетия) муллы и хаджи при участии быв. царского генерала ведут усиленную агитацию, как среди населения, так и детей, против пионерских отрядов и комсомола. В мае месяце общественный мулла сел. Валерии (Чечня), на сходе и в мечети причину длительности дождей объяснил большим количеством в Чечне безбожников-комсомольцев. Население во время его речи плакало и бросало недоброжелательные упреки по отношению к комсомолу»[1].

На землях Чечни и Ингушетии и члены партии выделялись своей религиозностью, а из 1655 комсомольцев в пределах 1000 считались верующими и посещали религиозные учреждения[2]. Такое положение объяснялось как отсутствием образования, так и тем, что членство в комсомоле воспринималось в качестве способа участия во власти[3].

Религиозное образование в национальных районах в середине 1920-х годов разрешалось, хотя и после получения образования в советской

---

[1] Ислам и советское государство. Вып. 1: (по материалам Восточного отд. ОГПУ. 1926 г.) / вступ. ст., сост. и коммент. Д.Ю. Арапова и Г.Г. Косача. М.: Изд. дом Марджани, 2010. С. 40-41.

[2] ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 606. Л. 63.

[3] Слезин А.А., Скоропад А.Э. Институализация комсомола как государственного органа // Социодинамика. 2013. № 4. С. 185-208.

светской начальной школе. Очевидно, что знания, полученные на первом этапе обучения, являлись слабой преградой для традиционной религии.

Отмечалось, что «рост боевых организаций рабочего класса представляет для духовенства реальную опасность», однако в заключении констатировалось, что антирелигиозная работа по существу провалена: «Общее количество верующих в нацобластях, за исключением Осетии, все же значительно (не меньше 80%) … Антирелигиозное движение в смысле оформления в Союз безбожников имеется только в Северной Осетии. Если обратиться к состоянию [и] качеству политического уровня партийцев и комсомольцев в нацобластях, то мы увидим, что абсолютные цифры даже этих организаций не дают оснований говорить о том, что материалистическое миропонимание не всем еще свойственно из тех, кто фактически является руководящей силой в советском строительстве в горских областях…»[1].

Постоянная работа против религии на остальной территории Северо-Кавказского края, в городах и сельских районах все же уменьшала количество ее последователей, тем более в молодежной среде[2]. Вследствие этого партийные главы, делая упор на эти данные, говорили об успехах. Одним из свидетельств аналогичных фуроров числился отказ от соблюдения православной торжественной обрядности: «большинство религиозных праздников бросается»[3]. В 1926 г. журнал «Северо-Кавказский край» писал, что в Мечетинском и Семикаракорском районах Донского округа «не только молодежь, но и значительная часть пожилых крестьян совершенно перестали ходить в церковь»[4].

---

[1] ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 605. Л. 37-63.

[2] ГАНИСК. Ф. 5938. Оп. 1. Д. 12. Л. 62.

[3] ЦДНИРО Ф. 30. Оп. 1. Д. 42. Л. 11.

[4] Темкин М. Что думает землероб Донокруга о школе // Северо-Кавказский край. 1926. № 6. С. 131.

Однако такие утверждения большевистских и комсомольских лидеров о заметных достижениях в антирелигиозной работе могли быть названы слишком оптимистичными. Объективные же данные демонстрировали, что даже в 1928-1929 гг. и деревня, и город сохраняли свою религиозность.

Так, в связи с отсутствием преподавания «Закона Божьего» в советской школе, участились случаи, когда ребят учили основам православной веры дома или в подпольных церковных школах. Газета «Молот» в марте 1926 г. отмечала, что в селе Круглом Азовского района Северо-Кавказского края при обследовании было установлено, что имеется «3 частных школы с общим количеством учащихся 75 человек. В школах преподавался «Закон Божий». В одной из школ обнаружена висящая на стене плетка, по словам старика-«педагога», служащая для внедрения детям основ Закона Божия»[1].

Попытки комсомола воспрепятствовать возникновению церковных школ и кружков наталкивались на сопротивление населения. Например, в станице Воровсколесской Терского округа было «отмечено обучение детей церковному хоровому пению. Вмешательство ячейки весьма неблагоприятно отразилось на ее авторитете среди населения, большинство которого – верующие»[2].

Кроме того, на Юге России, как уже говорилось выше, наблюдалось увеличение численности последователей различного рода сект[3], что объяснялось относительно терпимым отношением руководства страны и партии к сектантам в связи с тем, что основным противником определена была Православная Церковь.

Крестьяне, казаки, горские народности Северо-Кавказского края продолжали придерживаться религиозных верований во многом потому, что религия представляла собой один из традиционных компонентов их жизни и культуры. Изменение же традиций требует достаточно продолжительного

---

[1] Плетка и Библия // Молот. 1926. 5 марта.

[2] ГАНИСК. Ф. 5938. Оп. 1. Д. 13. Л. 111-112.

[3] ЦДНИРО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 51. Л. 51.

времени, поэтому ставка на молодежь срабатывала, но не так эффективно, как хотелось организаторам новой социальной системы, хотя бы по той причине, что население края было консервативно и в семейных отношениях, сохранялось уважительное отношение к старшим. Вероятно, именно этим можно объяснить парадоксальное сочетание нового – регулярного чтения журнала «Безбожник» – и старого – посещение пионерами церкви на Пасху, о котором сообщается в отчете Терского окружкома ВЛКСМ[1].

Указанные факты позволяют говорить о сохранении религиозности у подавляющего большинства населения Северо-Кавказского края в 1928-1929 гг. при некотором уменьшении строгости соблюдения обрядов и церковно-религиозных норм. Характерный пример этому находим в сообщении секретаря одной из сельских ячеек и его последующем отчете о работе. На совещании секретарей в 1926 году он сообщал о торжественном объезде, совершенном духовенством с чтимой иконой Казанской Божией Матери. И если в этот первый объезд крестьяне и казаки сорвали даже выборы в станице и нескольких хуторах, поспешив навстречу иконе и духовенству хуторах[2], то повторная поездка, о которой рассказано в отчете, энтузиазма у казаков не вызвала и успехом в станицах не пользовалась[3].

Для середины 1920-х годов в рамках политики «лицом к казачеству» наблюдались случаи и вовсе уникального типа, характеризующие своеобразие отношения к религии в Северо-Кавказском крае. Так, в это время на престольном празднике возможно было присутствие актива райкома партии: «19 ноября сего года в станице Прохладной состоялось празднование церковного престольного праздника. Празднование сопровождалось массовым пьянством и хулиганством.

По существующему ритуалу был устроен молебен с участием верующих и духовенства других ближних станиц.

---

[1] ГАНИСК. Ф. 4625. Оп. 1. Д. 27. Л. 35.

[2] ЦДНИРО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 72. Л. 114.

[3] ЦДНИРО Ф. 30. Оп. 1. Д. 46. Л. 4.

На площади у церковной ограды был устроен «братский» обед под звуки духового оркестра, на обеде была выпивка.

На обед были приглашены и участвовали председатель РИКа Ферапонтов, секретарь райкома ВКП(б) Максимов и ряд других менее ответственных партийцев.

Зав. агитпропом тов. Батурин держал поздравительную речь за «престольный праздник»[1].

Все эти трудности работы в Северо-Кавказском крае, связанные с неоднородностью населения, с приверженностью традициям, с невысоким уровнем образования приводили к тому, что «крайне осторожного и тактичного подхода к вопросу о борьбе с религиозными предрассудками»[2] было очевидно мало для достижения позитивных итогов. Одной только пропагандой проблема не решалась, да и она не везде и не всегда была возможна и безопасна для пропагандистов: «10 февраля. В ст. Титаровской Краснодарского района группой казачьей молодежи в количестве 8 чел. избито два члена кружка безбожников за антирелигиозную пропаганду»[3].

Таким образом, смягчение подхода к антирелигиозной борьбе в середине 1920-х годов поставило под сомнение процесс формирования «нового человека» как безрелигиозного, более того, наметились негативные тенденции роста сектантской пропаганды и сопротивления деятельности «безбожников». Подобное положение констатировалось в выступлениях партийного руководства, которое давало следующие оценки результатам

---

[1] ГАНИСК. Ф. 5938. Оп. 1. Д. 4. Л. 136.

[2] Из письма Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б) всем обкомам, губкомам и оргбюро РКП Юго-Востока о тактичном подходе к борьбе с религиозными предрассудками. 25 июня 1923 г. // Культурное строительство на Дону (1920 – 1941 гг.). Сб. документов. Ростов н/Д., 1981. С. 122.

[3] ЦА ФСБ РФ Ф. 2. Оп. 5. Д. 394. Л. 32 об.-34. Заверенная копия. Цит. По: Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918-1939. Документы и материалы. В 4-х т. / Т. 2. 1923-1929 / Под ред. А.Береловича, В.Данилова. М., 2000. 1168 с.

работы: в начале 1920-х гг. «отошедших» насчитывали 10% населения, к концу десятилетия – не более 20%[1]. Добавим к этому тот факт, что политическая деятельность «лицом к деревне» (в Северо-Кавказском крае – в сочетании с политикой «лицом к казачеству»), проводившаяся с середины 1920-х гг., привела к избранию в органы власти членов церковно-приходских советов, на которых казаки возлагали надежды, что они «смогут по-настоящему защищать интересы Церкви»[2]. Все это требовало какой-то реакции: либо ужесточения антирелигиозной политики, либо следование за сложившимися эволюционными процессами.

Последние годы десятилетия стали переломными: произошла радикализация внутренней политической деятельности, вызванная внутрипартийной борьбой и сменой курса становления государства в 1927 году. Рвение к укреплению страны и социального строя содействовало тому, что произошла переоценка способов и методик одобрения новой идеологии. Начался новый подъем антирелигиозной борьбы, что сразу же отразилось на тональности официальных выступлений в прессе. Так, газета «Правда» от 15 сентября 1927 года опубликовала текст беседы И.В. Сталина с американскими рабочими, где говорилось: «Партия не может быть нейтральной в отношении носителей религиозных предрассудков, в отношении реакционного духовенства, отравляющего сознание трудящихся масс»[3].

Уже в декабре 1927 г. зазвучала критика «ответственных лиц,

---

[1] Зуев Ю.П. Динамика религиозности в России в XX веке и ее социологическое изучение // Гараджа В.И. Социология религии. М., 1995. С. 188.

[2] Бондарев В.А. Российское крестьянство в условиях аграрных преобразований в конце 20 – начале 40-х годов XX века (на материалах Ростовской области, Краснодарского и Ставропольского краев): автореферат дис. … доктора исторических наук. Новочеркасск, 2007. С.18.

[3] Сталин И. В. Беседа с первой американской рабочей делегацией. 9 сентября 1927 г. // Правда. 1927. 15 сентября.

допустивших ослабление антирелигиозной работы»[1]. В 1928 году были приняты первые меры по ужесточению политики в отношении религий и церкви: в стране была введена карточная система обеспечения продуктами питания, но духовенству карточки не выдавались.

Декларировалось и изменение мотивов борьбы с религией: «Партия слишком мало обращает внимания на то, что в лице религиозных организаций капиталистические элементы имеют сложный и сильный аппарат агитации и пропаганды, имеющей за собой опыт столетнего влияния и опирающийся на невероятную техническую, культурную отсталость сельского хозяйства, на все еще сильное влияние кулачества. Я приведу коротенькие цифры: актив религиозных организаций составляет около 500 тысяч членов духовных советов, почти исключительно или, по крайней мере, наполовину – лишенные избирательных прав, бывшие помещики, торговцы, кулаки. Очень большое число теперь входит туда бывших меньшевиков и эсеров. Это главным образом – организаторы. Это есть легальная организация, прикрывающая очень гибкими формами политическую антисоветскую деятельность. Вот в чем дело. Они имеют, кроме того, 350 тысяч агитаторов и пропагандистов – служителей культа, затем около 100 тысяч монашествующих. Таким образом, если взять только этот актив, то мы получим около одного миллиона актива, политически иногда очень сильного, действительно пользующегося известным влиянием…»[2]. Указанные слова были произнесены Е. М. Ярославским на самом высоком уровне принятия решений – на заседании Оргбюро ЦК ВКП(б), посвященном вопросам антирелигиозной пропаганды в конце 1928 года. Следует отметить, что впервые внимание было заострено на главном, на наличии у религиозных организаций пропагандистских возможностей и, своего рода, пропагандистского аппарата, который мог конкурировать с аппаратом партии. Можно предположить, что ужесточение политики было связано

[1] Сталин И. В. Собр. соч. Т. 10. М., 1952. С. 324.

[2] РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 4. Д. 26. Л. 1-7.

именно с осознанием этого факта. Именно наличие этого аппарата стало главным раздражителем. Это, а также то, что религии выражали и сохраняли культурно-исторические особенности иных социальных систем, а не той, которая формировалась, превращало их в главных противников на «идеологическом фронте».

Усилилась пропагандистская и агитационная борьба с религией. Вновь стали возвращаться методы первых лет, связанные с проведением антирелигиозных праздников. Пропаганда проводилась при всякой возможности и по любому поводу. Один из современных исследователей борьбы с религией в СССР А. А. Слезин пишет: «Не должно вызывать иллюзий возобновление проведения диспутов со священнослужителями на темы типа «Есть ли Бог?». Когда у атеистов не находилось аргументов, они в еще большей степени, чем прежде, использовали оскорбления в адрес оппонентов. Уважение к оппонентам отсутствовало напрочь … если в середине 1920-х годов от антирелигиозных карнавалов пытались отказаться из-за возможных столкновений с верующими, теперь организаторы данных мероприятий сами пытались спровоцировать конфликты»[1].

Радикальный поворот в антирелигиозной политике сразу же сказался в действиях на местах: за принятием партийных и государственных постановлений последовало массовое закрытие храмов всех религий и конфессий. Стало проводиться публичное сожжение икон, которое осуществлялось активистами Союза воинствующих безбожников (СВБ) (Такое название принял «Союз безбожников» на съезде, проходившем 11 – 15 июня 1929 г.). Часть храмов была конфискована под хозяйственные нужды, а часть впоследствии была разрушена.

Возобновлены были массовые антирелигиозные акции с вызывающими лозунгами и призывами. Так, одна из крупнейших демонстраций союза в Северо-Кавказском крае была проведена 20 января 1929 г. во Владикавказе.

---

[1] Слезин А.А. За «новую веру». Государственная политика в отношении религии и политический контроль среди молодёжи РСФСР (1918 – 1929 гг.). М., 2009. С. 172-174.

В ней приняли участие комсомольцы-студенты, пионеры и непартийные рабочие. Люди несли плакаты с лозунгами «За новое социалистическое общество – без религии, попов и пьяных праздников!».

Использовались прямо провокационные приемы, подталкивающие к нарушению обрядовых требований: в 1928/1929 учебном году в некоторых поселениях, где мусульманство оставалось особенно сильным, при школах были открыты столовые с целью затруднить возможность соблюдать пост – уразу.

Стали распространяться новые формы организационной антирелигиозной работы. Научно-методический отдел СВБ Ставропольского округа рекомендовал особые виды досуга на природе – массовые экскурсии, проведение которых приходилось на религиозные праздники и сопровождалось особыми материалами и информацией на темы «Классовая сущность культа мертвых»; прогулки, сопровождаемые антирелигиозными играми, сценарии которых публиковались в журнале «Юный безбожник»[1].

Изменение методов борьбы, ее активизация были неразрывно связаны с требованием увеличить число комсомольцев в Союзе безбожников. Партия прямо поставила перед ВЛКСМ задачу усиления пропагандистской работы через рост числа комсомольцев. На заседании 10 декабря 1928 г. Оргбюро ЦК ВКП(б) по вопросу на тему усиления антирелигиозной работы прозвучали такие слова: «Мы должны мобилизовать все силы нашей партии, комсомола и т.д. для этой борьбы, а Союз безбожников должен доставлять нам подготовленные кадры. Я вас уверяю, что если мы возьмем наших коммунаров, комсомольцев и т.д., то наша работа в этом направлении пойдет гораздо более успешно. В отношении Союза безбожников есть две возможности: либо он должен доставлять подготовленные кадры работников, либо мы должны включить в Союз безбожников всю безбожную партию и

[1] ГАСК. Ф. Р-530. Оп. 1. Д. 79. Л. 10-11.

весь безбожный комсомол»[1]. Вследствие этого в период 1920-1930-х годов активно росли ряды безбожников в стране: на 1 января 1926 года в объединении было 87 тысяч членов, на 1 января 1929 года – 465 тысяч. За 1929 год СВБ возрос до 700 тысяч[2].

Изменилась и риторика официальных документов, например, в статистическом отчете о комсомоле Северо-Кавказского края приводились данные о «количестве» сектантов в отдельных селениях в сравнении с числом комсомольцев в этих же селениях, чтобы показать насколько сильны «влияния классового врага на молодежь, через посредство религиозных сект, рассыпанных в деревнях Северного Кавказа»[3]. Окружкомы требовали от городских и сельских ячеек отчетов о численности ячеек СВБ, практически принуждали вступать в эти ячейки комсомольцев. В национальных областях количественные характеристики уже считались необходимым подтверждением производительности работы. В одном из документов, к примеру, шла речь: «Рост партийной организации, комсомольской организации, делегатских собраний женщин говорит о том, что старая стена религиозно-бытового уклада рушится…»[4].

Антирелигиозная борьба на этом этапе своего развития кроме культурно-идеологических средств предполагала, прежде всего, массовость. Советская власть и партийные лидеры к концу 1920-х годов использовали – вполне вероятно, в первый раз так обширно – социально-организационный ресурс. Речь идет о практике глобального вовлечения молодежи в комсомол, о вербовании молодежи к работе в иных массовых организациях и обществах, причем к активной работе и под контролем как самого комсомола, так и партии.

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 683. Л. 33-65.

[2] Ярославский Е. Ленин, коммунизм и религия. М., 1933. С. 284.

[3] Комсомол Северного Кавказа в цифрах (XII – 1930). Статистический сборник к 6-ой Крайконференции и IX съезду Союза. Ростов н/Д., 1930. С. 17.

[4] ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 605. Л. 37-38.

Вышеприведенные факты подтверждают, что отношение власти к религии по целям не претерпело изменений, но политика и методы антирелигиозной пропаганды и агитации менялись на протяжении всех 1920-х годов.

Первый период, который был связан с идеологическими надеждами на разрушение религий после смены общественного строя при относительно небольших усилиях, направленных в основном на осмеяние и глумление, не привел к значимым положительным результатам, а, напротив, даже оттолкнул от большевиков часть сельского и горского населения края. Это объяснялось и глубокой укорененностью религиозных традиций, и вызывающими способами антирелигиозной пропаганды.

Смягчение религиозной политики, связанное с попытками привлечь на свою сторону крестьянство и казачество, в целом привело к противоречивым результатам: с одной стороны, медленно росло число отказавшихся от религии, с другой – религии начинали приспосабливаться к новому строю, а в некоторых сферах, например, сектантство, даже конкурировать с новой идеологией и культурой. Кроме того, частично оправившись от потрясений революционной эпохи, в условиях относительной стабильности представители различных верований, опираясь на свой авторитет, начали вытеснять партийный и комсомольский актив с руководящих позиций на низовом уровне. Все это не могло устроить руководящие круги партии и государства, пришедшие к власти в результате внутрипартийной борьбы и взявшие курс на форсированное развитие нового социального строя. Последовало очередное изменение антирелигиозной политики. Методы агитации и пропаганды отошли на второй план, а силовые и административные стали ведущими.

В целом по краю желаемые результаты в антирелигиозной пропаганде в 1920-х годах достигнуты не были, во-первых, потому что в короткий срок изменить религиозное сознание населения оказалось невозможно, во-вторых, потому что систематическая антирелигиозная пропаганда не велась в силу

отсутствия материальных ресурсов и подготовленных кадров, а единичные акции или даже периоды усиленной борьбы должного результата дать не могли[1].

В итоге, в крае в работе на этом направлении был задействован организационно-административный ресурс, причем комсомол превращался из субъекта антирелигиозной борьбы в средство: вовлечение в комсомол, его численный рост, вовлечение молодежи через комсомол в работу СВБ и иных организаций позволяло контролировать состояние молодых людей, отвлекать их от религии, лишая и времени, и возможности следовать религиозным правилам и нормам. Иначе говоря, учитывая особый состав и малограмотность населения, власть и партия закрывали глаза на невысокую степень подготовки комсомольцев в казачье-крестьянских и горских районах[2], на низкую эффективность агитационной деятельности «Союза безбожников» и делали ставку на массовость комсомола и антирелигиозных организаций.

---

[1] См.: Сердюкова Н.В. Государственная политика Советского государства в области религии в 1920-е гг.: На материалах Северного Кавказа: дис. … канд. ист. наук. М., 2006. С. 20.

[2] ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 605. Л. 37-63.

Заключение

Процессы, происходившие в жизни страны в 1920-х годах, изменения в духовной сфере занимают особое место в истории, хотя бы потому, что отражают одну из редких попыток сознательного формирования новой культуры, нового социального порядка. Следует отметить, что новая культура и новый социальный строй были таковыми и для партии большевиков. Соответственно, одной из основных проблем этой эпохи была проблема методов и способов построения этого нового строя при обязательном условии – сохранении власти.

Проводившаяся в стране и в Северо-Кавказском крае в 1920-х годах перестройка культурной жизни еще не могла дать зримых качественных результатов по нескольким причинам:

во-первых, из-за относительной слабости государственного аппарата, механизм которого только формировался;

во-вторых, по причине недостатка средств для столь широкомасштабной работы;

в-третьих, в связи с консерватизмом и малограмотностью населения;

наконец, уже потому, что традиционная культура была укоренена практически во всех компонентах жизни, быта и деятельности населения страны, и за короткий срок ее радикальное преобразование было невозможным.

Несмотря на все эти трудности, партийно-государственный аппарат страны может и не всегда последовательно, но постоянно работал над преобразованием социокультурной реальности. Это постоянство работы находило свое выражение в самых различных направлениях: содержательном созидании новой идеологии, построении механизмов пропагандистской и контрольной систем в виде органов цензуры, формировании политики по наиболее острым проблемам культурного строительства и методов проведения этой политики.

Так, в идеологической сфере к середине 1920-х годов отошел в тень тезис о зависимости идеологии от материальных условий и началось создание жесткой основы новой идеологии: на первый план вышло требование «единства марксистской философии»[1]. Понятно, что единство еще только оформлялось и поэтому наблюдались колебания по множеству существенных вопросов, что отражалось, например, в смене политики по отношению к крупнейшей социальной группе – крестьянству. Именно этим объяснялось проведение курса «лицом к крестьянству», а в Северо-Кавказском крае – «лицом к казачеству». Однако окончание внутрипартийной борьбы и победа партийной группы, возглавляемой И. В. Сталиным, к концу 1920-х годов привели к радикализации идеологии и усилению пропагандистской работы.

Почти параллельно с формированием единства идеологических основ шло построение аппарата органов контроля за культурой. Уже в 1920 году лидеры партии говорили и писали об установлении «диктатуры в области духовной». И не только писали, но и создавали органы цензуры, которые в середине 1920-х годов перешли под контроль ГПУ и под непосредственное руководство ЦК ВКП(б). Особое внимание при этом уделялось молодежной прессе и литературе[2].

Указанные выше идеологические колебания влияли и на политику по отношению к религии, которая также в течение 1920-х годов менялась. В начале периода «штурм небес» опирался на расчет о закономерном отмирании религии при изменении «базисных материальных факторов». В середине упор был сделан на просветительские и пропагандистские мероприятия, не раздражающие крестьянство. Однако к концу 1920-х годов

---

[1]Иегошуа Яхот. Подавление философии в СССР (20-е - 30-е годы) // «Вопросы философии». М., 1991. №№ 9, 10, 11; История философии в СССР : В 5 т./ Т. 5: [В 2 кн.] / Б. В. Богданов, Б. Н. Бессонов, В. Н. Колосков и др. М., 1988.

[2] Постановление ЦК ВКП(б) от 23 июля 1928 года // Советская печать в документах. М., 1961. С. 244.

политика изменилась, было заявлено, что «партия не может быть нейтральной в отношении носителей религиозных предрассудков, в отношении реакционного духовенства, отравляющего сознание трудящихся масс»[1], и начался период радикальной борьбы, в котором использовались все доступные средства – от пропаганды до административного и уголовного преследования.

Характеризуя данный период в целом, следует отметить использование партией и государством идей и принципов вождизма, которые позволили формировать в стране «культы вождей», которые впоследствии стали своего рода базой для утверждения сталинского культа.

Наиболее благодатной почвой и проводником основных социально-культурных преобразований была молодежь, что отмечали руководители партийно-государственного аппарата. Именно поэтому с самого начала работа с молодежью была поставлена под плотный партийный контроль. Любые попытки вывести организованное молодежное движение из-под такого контроля или создать альтернативные движения пресекались[2]. К концу 1920-х годов ставка была сделана на превращение комсомола в массовую организацию, в которой должен был происходить процесс формирования нового человека.

В свете указанных процессов, происходивших в целом по стране, в Северо-Кавказском крае в 1920-х годах складывалась такая картина.

Слабая мотивация и слабая организация на начальных этапах формирования комсомола в Северо-Кавказском крае порождали многочисленные случаи девиантного поведения рядовых комсомольцев, слабости в работе, колебания численного состава. И хотя в целом оценка деятельности комсомола давалась положительная, эффективность работы оценивалась как низкая.

---

[1]Сталин И. В. Беседа с первой американской рабочей делегацией. 9 сентября 1927 г. // Правда. 1927. 15 сентября.

[2]РГАСПИ. Ф.1-м. Оп. 2. Д. 1. Л. 11, 14, 122. РГАСПИ. Ф.1-м. Оп. 3. Д. 3. Л. 75, 86, 96, 97.

В середине 1920-х годов, как показывают материалы архивов Северо-Кавказского края, в рамках политики «лицом к крестьянству» сложилась тенденция по расширению приема в комсомол представителей социальных групп, считавшихся до этого социально чуждыми – казачества, середняков. Кроме того, для привлечения молодежи в организацию партийное и государственное руководство достаточно умело использовало естественные мотивы поведения: стремление к независимости, жажду нового, участие в руководстве, желание иметь более высокий социальный статус. Так, в Северо-Кавказском крае процент комсомольцев в местных руководящих органах к 1929 году значительно увеличился, а в некоторых районах удвоился[1]. В то же время такой подход приводил к злоупотреблениям положением, что отражалось и в отношении к комсомолу: «Актив к работе относится халатно … это гонка за портфелем, замечаются со стороны активистов отлынивание от работы с улучшением материальных условий, в особенности со стороны старых комсомольцев»[2].

На комсомол была возложена большая доля ответственности за ликвидацию неграмотности в Северо-Кавказском крае, приобщение населения к новым культурным ценностям, политическое просвещение, повышение культурного и образовательного уровня. Особой формой работы была выездная, связанная с преобладанием в крае крупных населенных пунктов в сельской местности. Именно комсомольцы выезжали в поля и места временного размещения крестьян и казаков. Такие выезды были связаны с упрощенными формами работы – читками.

В целом молодёжь, задействованная в просветительской и образовательной деятельности, выступала, с одной стороны, как главный проводник и участник образовательных процессов, а с другой – как главный объект воздействия. Второй аспект в крае становился особенно важным,

---

[1] Комсомол Северного Кавказа в цифрах (XII – 1930). Статистический сборник к 6-ой Крайконференции и IX съезду Союза. – Ростов н/Д., 1930. С. 44-45.

[2] ГАНИСК. Ф. 6347. Оп. 1. Д. 2. Л. 36 об.

потому что взрослое население было в высокой степени консервативно, и создать из него опору новой власти представлялось затруднительным. Именно поэтому в директивных документах краевых организаций и в отчетных в отношении молодежи и комсомола постоянно употребляются слова «обработка», «подготовка», подчеркивающие саму направленность образовательного воздействия на молодых людей. Именно поэтому в крае столько внимания уделялось политическому образованию, которое как обязательный элемент должно было входить в состав любой образовательной деятельности.

Следует отметить, что просветительская деятельность комсомола и участие в ней создавали не только обязанности для комсомольцев, но и порождали возможности для изменения социального статуса. Эта особенность образования как канала социальной мобильности использовалась молодыми людьми достаточно активно как для смены сферы деятельности, так и для карьерного роста. Именно этим во многом объясняется постановка системы образования в крае под обязательный партийный и комсомольский контроль и протекционистские меры, облегчающие получение образования представителям социально близких категорий населения.

Культура быта в крае к концу 1920-х годов только начала меняться, и в ходе этих изменений обнаружились острые проблемы, приводившие к негативным последствиям, связанным с ростом числа разводов, распущенностью и катастрофическим распространением венерических заболеваний, как сексуальным, так и бытовым путем. Эти проблемы, порождаемые сменой поведенческой культуры, объективно подталкивали к усилению контроля за молодежью, в том числе за счет вовлечения ее в активную работу в общественных организациях.

Особенности Северо-Кавказского края, такие как: консервативность населения казачье-крестьянских, горских и иных национальных районов, невысокий уровень образования – усложняли исходную ситуацию, что, в

свою очередь, приводило к невысокой эффективности прямой пропаганды новых форм быта и досуга. Именно поэтому одним из основных приемов в проведении преобразований стал организационный и количественный рост комсомола, причем в отдельные периоды связанный со стремлением охватить не только социально близкие, но относительно враждебные слои населения, например, казачество.

Ставка на массовость становится основой работы и других организаций в крае, так, например, в Ессентуках на собрании в честь Десятилетия Красной армии даже звучит пожелание о включении в работу ОСОАВИАХИМа не только всех комсомольцев, но и всей молодежи и даже всех трудящихся[1].

Все это позволяет говорить о том, что доминирующим в крае и в общей комсомольской работе, и в просветительской деятельности, и в пропаганде новых форм быта и досуга становится организационный момент и принцип максимального количественного охвата.

В антирелигиозной пропаганде прослеживается та же господствующая тенденция к массовости.

Политика первого периода, связанная с прямой атакой на религию, питалась надеждами на успех, опиравшимися на идеологические представления о разрушении религий после смены общественного строя, не дала положительных результатов. Глубокая укорененность религиозных традиций и вызывающие способы борьбы оттолкнули от большевиков часть сельского и горского населения края.

Смягчение религиозной политики, связанное с попытками привлечь на свою сторону крестьянство и казачество, в целом привело к противоречивым результатам: с одной стороны, медленно росло число отказавшихся от религии, с другой – религии начинали приспосабливаться к новому строю, а в некоторых сферах, например, сектантство, даже конкурировать с новой идеологией и культурой. Кроме того, представители различных верований, опираясь на свой авторитет, начали вытеснять партийный и комсомольский

[1] ГАСК. Ф. Р-2032. Оп. 1. Д. 14. Л. 11-12 об.

актив с руководящих позиций на низовом уровне. Все это не могло устроить руководящие круги партии и государства, последовало очередное изменение антирелигиозной политики.

Желаемые результаты в антирелигиозной пропаганде в 1920-х годах в крае достигнуты не были, потому что в короткий срок изменить религиозное сознание населения оказалось невозможно, тем более при отсутствии материальных ресурсов для систематической антирелигиозной пропаганды.[1]

В итоге, учитывая особый состав и малограмотность населения, власть и партия закрывали глаза на низкий уровень подготовки комсомольцев в казачье-крестьянских и горских районах[2], на низкую эффективность агитационной деятельности «Союза безбожников» и делали ставку на массовость комсомола и антирелигиозных организаций. В национальных областях, при противоречивой оценке качества антирелигиозной работы, количественные показатели уже считались достаточным доказательством эффективности. В одном из документов говорилось: «Рост партийной организации, комсомольской организации, делегатских собраний женщин говорит о том, что старая стена религиозно-бытового уклада рушится…»[3].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что советская власть и партийные лидеры в идеологической работе и построении нового общества задействовали – возможно, впервые в истории так широко – социально-организационный ресурс. Речь идет о практике массового вовлечения молодежи в комсомол, о привлечении молодежи к работе в других массовых

---

[1]См.: Сердюкова Н.В. Государственная политика Советского государства в области религии в 1920-е гг.: На материалах Северного Кавказа: дис. … канд. ист. наук. М., 2006. С. 20.

[2] «Если обратиться к состоянию [и] качеству политического уровня партийцев и комсомольцев в нацобластях, то мы увидим, что абсолютные цифры даже этих организаций дают основания говорить о том, что материалистическое миропонимание не всем еще свойственно из тех, кто фактически является руководящей силой в советском строительстве в горских областях…» – ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 605. Л. 37-63.

[3] ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 605. Л. 37-38.

организациях и обществах, причем к активной работе. Такое вовлечение в формальные социальные группы в сочетании с требованием активной деятельности в этих группах способствовало решению нескольких задач:

– лишало молодых людей свободного, досугового времени, которое могло быть занято участием в других организациях или использовано в религиозных целях;

– обеспечивало потребление советской и партийной культурно-идеологической информации, так как комсомолец, молодой человек обязан был изучать и прорабатывать разнообразные «руководящие материалы»;

– позволяло контролировать поведение, потому что молодые люди, находясь вместе, вступали в общение, говорили и действовали на глазах у других членов комсомола и молодежных организаций.

Изучение процессов, связанных с формированием комсомола и его участием в преобразованиях сферы духовной культуры в Северо-Кавказском крае, позволяет говорить о том, что, несмотря на все колебания политической линии, партийно-государственная верхушка, целенаправленно используя молодежь как одно из орудий слома старого уклада, на опыте пришла к решению о необходимости создания такой организации, которая обеспечивала бы постоянный контроль за формированием нового поколения. Именно этим объясняется поворот к массовости как основе деятельности комсомола, да и пионерии. Для эффективности идеологической работы необходимым условием является постоянство и регулярность воздействия и контроль за таким воздействием. А в условиях неразвитых коммуникационных средств все это могла обеспечить только массовая организация. Можно говорить о том, что комсомол с необходимостью должен был превратиться в такую организацию в условиях общества с господствующей идеологией. И чем неграмотней, невежественней была молодежь, тем четче проявлялась потребность именно в таких действиях.

Источники и литература

1. ИСТОЧНИКИ

1.1. АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

1.1.1. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ)

Ф. 17: Центральный Комитет КПСС (ЦК КПСС) (1898, 1903 – 1991 гг.) – Оп. 3: Протоколы заседаний Политбюро ЦК РКП(б) и ВКП(б) VII – XVIII созывов (1919 – 1952 гг.); Оп. 60: Отдел агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) (1920 – 1928 гг.).

Ф. 65: Юго-Восточное бюро ЦК РКП(б) (1921 – 1924).

Ф. 89: Ярославский Емельян Михайлович (1878 – 1943 гг.) – Оп. 4: Документы о деятельности Ярославского (1918 – 1943 гг.).

Ф. 357: Владимирский Михаил Федорович (1874 – 1951 гг.).

Ф.М – 1: Центральный комитет ВЛКСМ. – Оп. 2: Протоколы, стенограммы пленумов ЦК ВЛКСМ и материалы к ним (1919 – 1978 гг.); Оп. 3: Протоколы заседаний Бюро ЦК ВЛКСМ и материалы к ним (1919 – 1961 гг.).

1.1.2. Государственный архив новейшей истории Ставропольского края (ГАНИСК)

Ф. 3: Ставропольский губернский комитет (губком) РКП(б).

Ф. 7: Терский губернский комитет (губком) РКП (б).

Ф. 66: Партийный архив Ставропольского краевого комитета КПСС.

Ф. 4624.: Терский губком РКСМ.

Ф. 4625: Ставропольский окружком ВЛКСМ.

Ф. 4915: Ячейка РКСМ станицы Сенгилеевской.

Ф. 5938: Терский окружной комитет ВКП(б).

Ф. 6346: Ставропольский губернский комитет РКСМ.

Ф. 6347: Терский окружной комитет ВЛКСМ.

Ф.Р – 197: Ставропольский губернский совет профсоюзов.

Ф.Р – 355: Ставропольский губернский комитет всероссийского производственного союза рабочих кожевенной промышленности.

Ф.Р – 2008: Ессентукский районный совет профессиональных союзов.

1.1.3. Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО)

Ф. 4: Донской обком РКП(б).

Ф. 5: Донской окружком ВКП(б).

Ф. 7: Северо-Кавказский крайком ВКП(б).

Ф. 30: Багаевский РК КПСС, Ростовская область

Ф. 75: Донецкий окружком ВКП(б).

Ф.171: Северо-Кавказский крайком ВЛКСМ, г. Ростов-на-Дону.

1.1.4. Государственное учреждение «Национальный архив Республики Адыгея» (ГУНАРА)

Ф.П – 3: Адыгейский областной комитет ВЛКСМ.

1.1.5. Государственное казенное учреждение Краснодарского края «Центр документации новейшей истории Краснодарского края» (ГКУ ЦДНИКК)

Ф.6: Черноморская окружная контрольная комиссия ВКП(б).

Ф. 1992: Кубано-Черноморский областной комитет РКСМ.

Ф. 1998: Кубанский окружной комитет ВЛКСМ.

Ф. 2000: Черноморский окружной комитет ВЛКСМ.

1.1.6. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК)

Ф.Р – 101: Пелагиадский волостной совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Ф.Р – 164: Отдел народного образования Исполнительного комитета Ставропольского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (ГубОНО).

Ф.Р – 258: Уполномоченный краевой рабоче-крестьянской инспекции по Ставропольскому округу.

Ф.Р – 276: Ставропольская 47-я советская школа 1-й ступени г. Ставрополь.

Ф.Р – 295: Ставропольский окружной отдел профессионального союза работников местного транспорта (Окрместранс).

Ф.Р – 300: Отдел народного образования Исполнительного комитета Ставропольского окружного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (ОкрОНО).

Ф.Р – 530: Александровское общество потребителей «В единении сила» с. Александровское Александровского района Ставропольского округа.

Ф.Р – 1026: Исполнительный комитет Горько-Балковского волостного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов с. Горькая Балка, Медвеженского уезда, Ставропольской губернии Оп. 1. Д. 8. Л. 44.

Ф.Р – 1313: Новогригорьевский волостной исполнительный комитет Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов ст. Новогригорьевская, Георгиевского уезда, Терской губернии.

Ф.Р – 2032: Исполнительный комитет Ессентукского городского Совета народных депутатов.

Ф.Р – 2510: Ставропольский окружной колхозно-кооперативный совет.

1.1.7. Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской республики (ЦГА КБР).

Ф.Р – 2: Исполнительный комитет Кабардино-Балкарского областного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (облисполком).

Ф.Р – 3: Отдел Внутреннего Управления Кабардино-Балкарского Облисполкома.

Ф. Р – 5: Рабоче-крестьянская инспекция Кабардино-Балкарской Автономной области (РКИ).

Ф.Р – 188: Ленинский учебный городок.

Ф.Р – 198: Народный Совет Нальчикского Округа Терской области.

1.1.8. Центр документации новейшей истории Кабардино-Балкарской Республики (ЦДНИ КБР).

Ф.П – 1: Кабардино-Балкарский Республиканский Комитет Коммунистической партии РСФСР (Реском РСФСР).

1.1.9. Государственный архив Ростовской области (ГАРО).

Ф.Р – 4021: Донское окружное отделение рабоче-крестьянской инспекции, г. Ростов-на-Дону.

1.1.10. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания (ЦГА РСО-А).

ФП. 4: Владикавказский окружной комитет ВКП (б).

ФР. 47: Владикавказский городской совет (Владгорсовет).

ФР. 56: Орджоникидзевский исполком депутатов трудящихся.

ФР. 124: Северо-Осетинский областной отдел народного образования.

1.1.11. Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Северная Осетия – Алания (ЦГА ИПД РСО-А).

Ф. 1: Северо-Осетинский обком КПСС.

Ф. 22: Северо-Осетинский обком ВЛКСМ.

1.2. ОПУБЛИКОВАННЫЕ ДОКУМЕНТЫ

1.2.1. Документы партийных и государственных органов

1. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г.: краткие сводки / изд. ЦСУ Союза ССР. – Москва: ЦСУ Союза СССР, 1927 – 1929. – 10 т.

2. Двенадцатый съезд РКП(б). 17 – 25 апреля 1923 года: Стенографический отчёт. — Москва: Политиздат, 1968. — XXII + 904 с.

3. Десятый съезд РКП(б). Март. 1921 г.: [Протоколы] / Под ред. Н. Н. Попова. – Москва: Парт. изд-во, 1933. – VI, 954 с.

4. Директивы ВКП(б) по вопросам просвещения : Вопросы нар. просвещения в Основных директивах съездов, конф-ций, совещаний Центр. ком-та и Центр контрольной комиссии ВКП(б) / Составил А. Я. Подземский ; Под ред. И. Д. Давыдова, И. Г. Клабуновского ; Ин-т планирования и орг-ции нар. образ. – 3-е изд., пересм. и доп. – Москва – Ленинград: Нар ком. прос. РСФСР – Огиз, 1931. – 496 с.

5. Доклад Донского комитета РКСМ на пленуме Донкома РКП(б). // Сборник документов и материалов по истории Ростовской областной организации ВЛКСМ. – Ростов-на-Дону: Кн. изд-во, 1982. – С.46 – 47.

6. Из письма Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б) всем обкомам, губкомам и оргбюро РКП Юго-Востока о тактичном подходе к борьбе с религиозными предрассудками. 25 июня 1923 г. // Культурное строительство на Дону (1920 – 1941 гг.). Сб. документов. – Ростов-на-Дону, 1981. – С. 122.

7. Кронштадтская трагедия 1921 года. Документы. В 2-х кн. / Федер. архив. служба России, Гос. архив Российской Федерации, Рос. гос. воен. архив, Рос. гос. архив Военно-Морского Флота, Рос. гос. архив соц.-полит. истории, Центр. гос. архив Санкт-Петербурга, Центр. гос. архив ист.-полит. документов Санкт-Петербурга, Центр. архив Федер. службы безопасности России, отв. ред. В.П. Козлов, отв. сост. И.И. Кудрявцев. – Москва: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. – Т. 2. – 672 с.

8. Материалы к отчёту Донского окружного комитета В.К.П. (больш.[евиков]) на XII окружной партконференции (ноябрь 1925 – январь 1927 г.). – Ростов-на-Дону: Издание Донкома ВКП(б), 1927. – 126 с.

9. Письма во власть. 1917 – 1927: Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям / Ин-т гос. управления и соц. исслед. Моск. гос. ун-та им. М. В. Ломоносова, Instituto

Italiano Per Gli Studi Filosofici, Ecole Des Hautes Etudes En Sciences Sociales, Maison Des Sciences De L'Homme, сост. А. Я. Лившин, И. Б. Орлов. – Москва: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1998. – 664 с.

10. Программа и устав Всесоюзного Ленинского коммунистического союза молодежи: (Принята IV-м Всерос. съездом РКСМ в сентябре 1921 г.). – Москва: Молодая гвардия, 1927. – 93 с.

11. XV Съезд Всесоюзной Коммунистической Партии (б): Стеногр. отчет. – Москва – Ленинград: Гос. изд-во, 1928. – XIV, 1416 с.

12. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918 – 1939. Документы и материалы. В 4-х т. Т. 2. 1923 – 1929 гг. / Ин-т рос. истории РАН, Дом наук о человеке (Франция), Центр. архив ФСБ РФ, Ин-т истории новейшего времени (Франция), Рос. гос. архив экономики, под ред. А. Береловича, В. Данилова. — Москва.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. — 1168 с.

13. Советская печать в документах: [Сборник]. – Москва: Госполитиздат, 1961. – 559 с.

14. Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства (СУ РСФСР). 1922. № 40. Ст. 461.

15. Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства (СУ РСФСР). 1923. № 14. Ст. 177.

16. Третий съезд РКСМ. Доклад Л. Шацкина «О программе союза» // Задумаемся, сопоставим, сверим. Материалы и документы съездов Комсомола. – Москва, 1988. – С. 7 – 8.

17. Циркуляр ЦК РКП (б) «О восстановлении изб-читален» // Директивы ВКП(б) по вопросам просвещения : Вопросы народного просвещения в основных директивах съездов, конференций, совещаний ЦК и ЦКК ВКП(б) / Ин-т планирования и организации нар. образования ; сост. А. Я. Подземский; под ред. И. Д. Давыдова и И. Г. Клабуновский. – 3-е изд., пересмотр. и доп. – Москва – Ленинград: ОГИЗ : Наркомпрос РСФСР, 1931. – С. 219.

18. Четвертый съезд РКСМ, 21 – 28 сентября 1921 г.: Стеногр. отчет. – Москва – Ленинград: Молодая гвардия, 1925. – 366 с.

1.2.2. Сборники документов ВЛКСМ

1. ВЛКСМ в резолюциях его съездов и конференций. 1918 – 1928 / Под ред. Г. Лебедева, А. Шохина и Г. Ярцева; Истмол ЦК ВЛКСМ. – Москва – Ленинград: Молодая гвардия, 1929. – 354 с.

2. Документы и материалы по истории Краснодарской организации ВЛКСМ (1918 – 1976 гг.) / под ред. Н. П. Гриценко, В. А. Дмитриева, А. В. Дортгольц и др. – Краснодар: Кн. изд-во, 1978. – 255 с.

3. Работа Комсомола в деревне: Стеногр. отчет Совещания секретарей деревенск. ячеек Моск. организации РЛКСМ. (20 – 24 окт. 1924 г.). – Москва: Новая Москва, 1925. – 149 с.

4. Комсомол и молодежная печать: Документы и материалы съездов и конф. ВЛКСМ, пленумов, бюро и секретариата ЦК ВЛКСМ (1919 – 1972). – Москва: Мол. гвардия, 1973. – 319 с.

5. Комсомол Северного Кавказа в подъеме и коллективизации сельского хозяйства / Севкавкрайком ВЛКСМ. – Ростов-на-Дону: [б. и.], 1929. – 104 с.

6. Комсомол Северного Кавказа в цифрах (XII-1930). Статистический сборник к 6-ой Крайконференции и IX съезду Союза. – Ростов-на-Дону: «Северный Кавказ», 1930. – 51 с.

7. КПСС во главе культурной революции в СССР / Ред. коллегия: С. А. Андронов (руководитель) [и др.]; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – Москва: Политиздат, 1972. – 375 с.

8. Ленинский комсомол: Очерки по истории ВЛКСМ / [Предисл. секретаря ЦК ВЛКСМ С. Павлова]; [Ред. Ю. Н. Верченко и др.]. – 3-е изд., перераб. – Москва: Мол. гвардия, 1963. – 815 с.

9. Летопись донского комсомола (1920 – 1945 гг.): Сб. документов и материалов по истории Рост. обл. орг. ВЛКСМ / [Парт. арх. Рост. обкома

КПСС, Рост. обком ВЛКСМ]. – Ростов-на-Дону: Рост. кн. изд-во, 1982. – 287 с.

10. Материалы к отчетному докладу Северо-Кавказского краевого комитета РЛКСМ IV Краевой конференции. [За период IV-1924 – III-1926 г.]. – Ростов-на-Дону: Сев.-Кав. крайком РЛКСМ, 1926. – 65 с.

11. Первый Всероссийский съезд РКСМ, 29 октября – 4 ноября 1918 г.: [сборник] / Истмол ЦК РЛКСМ, Комиссия по изучению истории юношеского движения в России. – 3-е издание. – Москва – Ленинград: Молодая гвардия, 1926. – 102 с.

12. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898 – 1954 / Ин-т Маркса-Энгельса – Ленина-Сталина при ЦК КПСС. – 7-е изд. – Москва: Госполитиздат, 1954 – 1960. – 4 т.

13. XV Съезд Всесоюзной Коммунистической Партии (б) : Стеногр. отчет. – Москва – Ленинград: Гос. изд-во, 1928. – XIV, 1416 с.

14. Материалы докладов по итогам научной работы кафедр истории КПСС, политэкономии и философии вузов Краснодарского края за 1962 год. (Октябрь 1963 г.) / Науч.-техн. совет М-ва высш. и сред. спец. образования РСФСР. Сев.-Кавказский совет по координации и планированию науч.-исслед. работ по гуманитарным наукам. – Краснодар: [б. и.], 1963. – 180 с.

15. Стенографический отчет 12 – 18 июля 1924 г. / Рос. ленинский ком. союз молодежи. 6 съезд Рос. ленинс. ком. союза молодежи. – Москва – Ленинград: Молодая гвардия, 1924. – 376 с.;

1.3. ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ

А) журналы

1. Известия ЦК ВЛКСМ. – 1928 г. – Орган ЦК ВЛКСМ.

2. Известия ЦК РКП(б). – 1920 – 1925 гг. – Орган ЦК РКП(б).

3. Красное знамя. – 1924 – 1937 гг. – Орган Кубанского окружного комитета компартии и окружного исполкома. Приложение к одноименной газете.

4. Молот. – с 1924 – 1934 гг. – Северо-Кавказского крайкома и Донского окружкома компартии и Донисполкома. Приложение к одноимённой газете.

5. Новая деревня. – с 1922 – 1930 гг. – Научно-популярный журнал Наркомата Земледелия СССР.

6. Смена. – с 1924 г. – Орган ЦК РКСМ, ЦК ВЛКСМ.

7. Ставрополье. – 1923 – 1926 гг. – Орган Ставропольского окружкома компартии и окружного исполкома.

Б) газеты

1. Власть Советов. – 1920 – 1930 гг. – Орган Ставропольского окружкома компартии и окружного исполкома.

2. Власть Труда. – 1924 – 1933 гг. – Орган Владикавказского и Сунженского окружкомов ВКП(б), окрисполкома и Совета профсоюзов.

3. Горская правда. – 1921 – 1924 гг. – Орган Горского областного комитета партии.

4. Грозненский рабочий. – 1924 – 1929 гг. – Орган Грозненского окружкома ВКП(б), Совета профсоюзов и исполкома Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.

5. Карахалк. – 1924 – 1931 гг. – Орган областного окружкома Кабардино-Балкарии.

6. Красное знамя. – 1924 – 1931 гг. – Орган Краснодарского окружного исполкома и комитета РКИ.

7. Молодой ленинец. – 1924 – 1927 гг. – Орган Донского комитета РКСМ/ВЛКСМ.

8. Молот. – 1924 – 1931 гг. – Орган Северо-Кавказского крайкома и Донского окружкома компартии и Донисполкома.

9. «Советский пахарь». – 1924 – 1931 гг. – Орган Северо-Кавказского краевого и Донского окружного комитетов компартии.

10. «Советский Юг». – 1920 – 1927 гг. – Орган Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б) и Крайэкономсовета Юго-Востока России.

11. Терек. – 1924 – 1931 гг. – Орган Терского окружкома компартии, окрисполкома, окрсовпрофа и горсовета.

12. Трудовой Дон. – 1921 – 1924 гг. – Орган Донкома РКП (б) и Донского облисполкома.

1.4. ВЫСТУПЛЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЛИДЕРОВ, МЕМУАРЫ, СВИДЕТЕЛЬСТВА

1. Архивные материалы по истории комсомола Ставрополья: (К 40-летию Краев. комсомольской организации) / Ставроп. краев. ком. ВЛКСМ. Гос. архив Ставроп. края. Ставроп. музей краеведения. – Ставрополь: [б. и.], 1960. – 121 с.

2. Архивы Кремля. Политбюро и церковь. 1922 – 1925 гг. В 2-х кн. Кн. 1 / Изд. подготовили Н. Н. Покровский, С. Г. Петров. – Москва: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН); Новосибирск: «Сибирский хронограф», 1997. – (Серия «Архивы Кремля»). – 600 с.

3. Бухарин, Н. Борьба за кадры: Речи и статьи. – Москва – Ленинград: Молодая гвардия, 1926. – 348 с.

4. Бухарин, Н. И. Реконструктивный период и борьба с религией: (доклад на 2-м Всесоюзном съезде Союза безбожников) / Н. И. Бухарин; Центр. совет Союза безбожников СССР. – Москва: Акц. изд-во. о-во «Безбожник», 1929. – 31 с.

5. Бухарин, Н. И., Преображенский, Е. А. Азбука коммунизма: Популярное объяснение программы Рос. ком. партии большевиков / Н. Бухарин и Е. Преображенский. Рос. ком. партия (большевиков). – Гомель: Гос. изд., 1921. – 321 с.

6. Бухарин, Н. Теория исторического материализма: Популярный учебник марксистской социологии / Н. И. Бухарин. – 5-е изд., (стереотип.). – Москва – Ленинград: Гос. изд-во, 1928. – 390 с.

7. Голоса из провинции: жители Ставрополья в 1917 – 1929 годах. Сб. документов / науч. ред. Т.А. Булыгина. – Ставрополь: Комитет Ставропольского края по делам архивов, 2009. – 760 с.

8. Зиновьев, Г. Е. Интернационал молодежи и его задачи: Речь тов. Г. Зиновьева на съезде молодежи 16 сентября 1919 года / Г. Зиновьев. – Петроград: Гос. изд-во, 1919. – 23 с.

9. Коллонтай, А. Автобиография сексуально эмансипированной коммунистки // Марксистский феминизм. Коллекция текстов А. М. Коллонтай / Сост. и общ. ред. В. И. Успенская. – Тверь: ФЕМИНИСТ ПРЕСС – РОССИЯ, 2003. – 298 с.

10. Лебедев-Полянский, П. И. О пролетарской культуре: (Стенограмма речи, произнесенной в Москве 20 ноября 1920 г.) / П. М. [!] Лебедев – Полянский. – Ростов-на-Дону: Донск. обл. отд. Гос. изд-во, 1921. – 3 – 32 с.

11. Ленин, В. И. Полн. собр. соч. / В. И. Ленин. – 5-е изд. – Т. 30. – Москва: Госполитиздат, 1962. – 561 с.

12. Ленин, В. И. Полн. собр. соч. / В. И. Ленин. – 5-е изд. – Т. 35. – Москва: Госполитиздат, 1962. – 599 с.

13. Ленин, В. И. Полн. собр. соч. / В. И. Ленин. – 5-е изд. – Т. 41. – Москва: Госполитиздат, 1963. – 695 с.

14. Ленин, В. И. Полн. собр. соч. / В. И. Ленин. – 5-е изд. – Т. 45. – Москва: Госполитиздат, 1964. – 729 с.

15. Луначарский, А. О быте / А. В. Луначарский. – Москва – Ленинград: ГИЗ, 1927. – 82 с.

16. Микоян, А. И. Партия и казачество. Статьи и речи / А. И. Микоян. – Ростов-на-Дону: Советский Юг, 1925. – 66 с.

17. Орлов, В. Работа среди девушек-крестьянок / В. Орлов. – Москва – Ленинград: Молодая гвардия, 1926. – 63 с.

18. Справочник партийного работника. Выпуск пятый. – Москва: Гос. из-во, 1926. – 574 с.

19. Спутник партработника. 1923. № 11 – 12. С. 53 – 54.

20. Сталин, И. В. Беседа с первой американской рабочей делегацией. 9 сентября 1927 г. / И. В. Сталин // Правда. 1927. 15 сентября.

21. Сталин, И. В. Сочинения / И. В. Сталин. – Т. 4. – Москва: Госполитиздат, 1947. – 487 с.

22. Сталин, И. В. Сочинения / И. В. Сталин. – Т. 6. – Москва: Госполитиздат, 1947. – 433 с.

23. Сталин, И. В. Сочинения / И. В. Сталин. – Т. 9. – Москва: Госполитиздат, 1948. – 383 с.

24. Сталин, И. В. Сочинения / И. В. Сталин. – Т. 10. – Москва: Госполитиздат, 1952. – 399 с.

25. Сталин, И. В. О комсомольском активе в деревне / И. В. Сталин // Правда 15 апреля 1925 г. № 86.

26. Троцкий, Л. Д. Литература и революция / Л. Троцкий. – Москва: Красная новь: Главполитпросвет, 1923. – 392 с.

27. Троцкий, Л. Д. Проблемы культуры. Культура переходного периода // Л. Д. Троцкий. Сочинения. Т.21. – Москва – Ленинград: Госиздат, 1927. – 520 с.

28. Труд, отдых, сон комсомольца-активиста. По материалам выборочного обследования бюджетов времени активных работников РЛКСМ / Центр. Ком. РЛКСМ. Стат. Подотд. – Москва – Ленинград: Молодая гвардия, 1926. – 111с.

29. Цеткин, К. Воспоминания о Ленине / Клара Цеткин. – Москва: Госполитиздат, 1955. – 72 с.

30. Чаплин, Н. Основы юношеского движения / Н. Чаплин. – Москва: Молодая гвардия, 1930. – 45 с.

31. Шохин, А. Краткая история ВЛКСМ / А. Шохин. – Москва: Молодая гвардия, 1928. – 187 с.

32. Шохин, А. Краткий очерк истории комсомола / А. Шохин. – Москва – Ленинград: Молодая гвардия, 1926. – 123 с.

33. Ярославский, Е. Ленин, коммунизм и религия / Е. Ярославский. – Москва: ОГИЗ – Госуд. антирелигиозн. изд-во, 1933. – 612 с.

2. ЛИТЕРАТУРА

2.1. КНИГИ И БРОШЮРЫ

1. Андреева, М. С. Политико-просветительская работа в деревне в конце восстановительного периода: (1924 – 1925 гг.): Лекции для студентов библ. ин-тов по курсу «История культпросвет. работы» / М. С. Андреева. Моск. гос. библиотеч. ин-т им. В. М. Молотова. – Москва: Госкультпросветиздат, 1953. – 24 с.

2. Баберовски, Й. Выжженная земля: сталинское царство насилия / Йорг Баберовски ; [пер. с нем. Л. Ю. Пантитовой]. – Москва: РОССПЭН: Политическая энциклопедия, 2014. – 486 с.

3. Багдасарян, С. Д. Крестьянская повседневность эпохи НЭПА: досуг и праздник в южно-российской деревне в 1920-е годы: монография / С. Д. Багдасарян, А. П. Скорик; отв. ред.: В. А. Бондарев. Южно-Российский гос. технический ун-т (Новочеркасский политехнический ин-т). – Новочеркасск: Лик, 2012. – 239 с.

4. Баранов, А. В. Социальное и политическое развитие Северного Кавказа в условиях новой экономической политики (1921 – 1929 гг.) / А. В. Баранов; Гос. ком. РФ по высш. образованию. С.-Петерб. гос. техн. ун-т. – Санкт-Петербург: Нестор, 1996. – 353 с.

5. Бекижев, М. М. Формирование социалистической интеллигенции у народов Северного Кавказа (1917 – 1941 гг.) / М. М. Бекижев. – Черкесск: Ставроп. кн. изд-во. Карачаев.-Черкес. отд-ние, 1978. – 285 с.

6. Боевой путь Ленинского комсомола. – Москва: Мол. гвардия, 1947. – 168 с.

7. Брудный, В. И. Обряды вчера и сегодня / В. И. Брудный. – Москва: Наука, 1968. – 200 с.;

8. Водолацкий, В. П. Казачий Дон: очерки истории и культуры: учебное пособие / В. П. Водолацкий, А. П. Скорик, Р. Г. Тикиджьян; под ред. проф. А. П. Скорика. – Ростов-на-Дону: ООО «Терра», 2005. – 448 с.

9. Генкина, Э. Б. Переход Советского государства к новой экономической политике: (1921 – 1922) / Э. Б. Генкина. Акад. наук СССР. Ин-т истории. – Москва: Госполитиздат, 1954. – 504 с.;

10. Глебкин, В. В. Ритуал в советской культуре / В. В. Глебкин. – Москва: Янус-К, 1998. – 167 с.

11. Грамотность / Российская педагогическая энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: www.otrok.ru/teach/enc/txt/4/page95.html (Дата обращения: 17.02.2014).

12. Грамши, А. Тюремные тетради: [Пер. с итал.] / Антонио Грамши. – Москва: Политиздат, 1991. 1. ч. 559 с.

13. Гурьянова, Н. Авангард и идеология. [Электронный ресурс]. URL: http://hylaea.ru/pdf/nina_gurianova.pdf (Дата обращения: 17.02.2014).

14. Денисов, С. Г. Борьба партии за культурное преобразование деревни (1917 – 1937 гг.): Ист. очерк / С. Г. Денисов. – Москва: Мысль, 1981. – 197 с.

15. Динес, В. А. Партийное руководство комсомолом / В. А. Динес; под ред. В. В. Всемирова. – Москва: Изд-во Саратовского ун-та, 1984. – 366 с.

16. Дэвис, С. Мнение народа в сталинской России: террор, пропаганда и инакомыслие, 1934 – 1941 / Сара Дэвис; [пер. с англ. В. Н. Морозова]. – Москва: РОССПЭН: Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011. – 229 с.

17. Екатеринодар-Краснодар: Два века города в датах, событиях, воспоминаниях [1793 – 1993]: Материалы к летописи / ГА КК, ЦДНИ КК; А. М. Авраменко и др. – Краснодар: Кн. изд-во, 1993. – 798 с.

18. Блюм, А. В. За кулисами «министерства правды»: Тайн. история сов. цензуры, 1917 – 1929 / А. В. Блюм. – Санкт-Петербург: Гуманит. агентство «Акад. проект» : ТОО «Абрис», 1994. – 319 с.

19. Зиновьев, А. А. Логическая социология: избранные сочинения / Александр Александрович Зиновьев. – Москва: Астрель, 2008. – 606 с.

20. Игонин, А. В. Северокавказское общество на историческом переломе (1917 – конец 1920-х гг.) / А. В. Игонин, Е. Ю. Оборский, Н. И. Суханова. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2009. – 292 с.

21. Иегошуа Яхот. Подавление философии в СССР (20-е – 30-е годы) // «Вопросы философии». М. 1991. №№ 9, 10, 11 [Электронный ресурс]. URL: http://www.ihst.ru/projects/sohist/papers/yakh91vf.htm (Дата обращения: 17.02.2017).

22. Ислам и советское государство. Вып. 1: (по материалам Восточного отд. ОГПУ. 1926 г.) / вступ. ст., сост. и коммент. Д. Ю. Арапова и Г. Г. Косача. – Москва: Изд. дом Марджани, 2010. – 152 с.

23. История философии в СССР: В 5 т./ Т. 5: [В 2 кн.] / Б. В. Богданов, Б. Н. Бессонов, В. Н. Колосков и др. – Москва: Наука, 1988. – 575 с.

24. Завгородний, Н. Г. Неиссякаемая живучесть (записки краеведа) /Н. Г. Завгородний. – Михайловск, 2004. – 151 с.

25. Казначеев, В.А. Юная гвардия Ставрополья / В. А. Казначеев, Н. И. Иванько. – [2-е изд., испр. и доп.]. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1970. – 247 с.

26. Кобрин, К. «Человек 20-х годов». Случай Лидии Гинзбург (к постановке проблемы) [Электронный ресурс]. URL: http://magazines.russ.ru/nlo/2006/78/kk3 – pr.html (Дата обращения: 17.02.2017).

27. Комсомол в деревне: очерки / под ред. В. Г. Тана-Богораза. Москва – Ленинград: ГИЗ, 1926. – 203.с.

28. Коршун, О. (Ставрополь) «Мир повседневности» женщины в 20-е гг. XX века в Ставропольской губернии [Электронный ресурс] // Новая локальная история. URL: http://www.newlocalhistory.com/node/168 (дата обращения: 24.01.2015).

29. Красный цвет в русском искусстве. Альбом / Науч. руководитель Е. Н. Петрова. Авт. вступ. статей: Е. Н. Петрова, И. Киблицкий, Т. Б. Вилинбахова. – Санкт-Петербург: Palace Editions, 1997. – 184 с.

30. Криворученко, В. К. Молодёжь, комсомол, общество 30-х годов XX столетия: к проблеме репрессий в молодёжной среде. 2011. [Электронный ресурс] // Московский гуманитарный университет. URL: http://doc.knigi – x.ru/22monografiya/87964 – 1 – moskovskiy – gumanitarniy – universitet – krivoruchenko – molodezh – komsomol – obschestvo – 30 – h – godov – stoletiya – probleme – repressiy.php (дата обращения 25.092017).

31. Криворученко, В. К. Советское общество в воспитании молодежи. 1917 – 1941 гг. [Электронный ресурс] // Московский гуманитарный университет. URL: http://www.zpu – joumal.rU/e – zpu/2011/4/Krivoruchenko~Tsvetliuk_Soviet_Society/ (дата обращения 21.03.2016).

32. Курёнышев, А. А. Крестьянство и его организации в первой трети XX века / А. А. Куренышев; Гос. ист. музей. – Москва: Гос. ист. музей, 2000. – 222 с.

33. Лебина, Н. Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии : 1920 – 1930 годы / Н. Б. Лебина. – Санкт-Петербург: Журн. «Нева»: Летний Сад, 1999. – 316 с.

34. Лебина, Н. Б. Проституция в Петербурге (40-е гг. XIX в. – 40-е гг. XX в.) / Лебина Н. Б., Шкаровский М. В. – Москва: Прогресс-Академия, 1994. – 219 с.

35. Магомедов, А. М. Расцвет и сближение народов Дагестана на путях к коммунизму / А. М. Магомедов. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1966. – 311 с.

36. Мамсиров, Х. Б. Модернизация культур народов Северного Кавказа в 20-е годы XX века / Х. Б. Мамсиров. – Нальчик: Эльбрус, 2004. – 324 с.

37. Мельников, В. В. Культурная революция и комсомол / В. В. Мельников. – Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1973. – 281 с.

38. Мозохин, О. Б. ВЧК-ОГПУ. Карающий меч диктатуры пролетариата: На защите экономической безопасности государства и в борьбе с терроризмом / Олег Мозохин. – Москва: Яуза: Эксмо, 2004 – 443 с.

39. Национально-государственное строительство Российской Федерации: Северный Кавказ (1917 – 1941 гг.) / Ф. А. Озова, Н. Ф. Бугай, У. И. Улигов и др.; Адыг. респ. ин-т гуманитар. исслед., Ин-т рос. истории РАН. – Майкоп: Меоты, 1995. – 286 с.

40. Очерки истории молодежного движения / под ред. В. Н. Сивохина. – Москва: Институт молодежи, 1993. – 237 с.

41. Панкова-Козочкина, Т. В. Казачье-крестьянское самоуправление эпохи НЭПА: проблемы модернизации властных отношений на Юге России в 1920-е годы / Т. В. Панкова-Козочкина ; отв. ред.: А. П. Скорик. – Новочеркасск: Лик, 2014. – 307 с.

42. Пузиков, В. И. История Благодарненского комсомола: док. повесть 1920 – 1956 гг. / В. И. Пузиков. – Благодарный: Благодарн. тип., 2012. – 128 с.

43. Рожков, А. Ю. В кругу сверстников: жизненный мир молодого человека в советской России 1920-х годов / Александр Рожков. – 2-е изд. – Москва: Новое литературное обозрение, 2016. – 630 с.

44. Сиюхов, С. Избранное. КЛИО. Серия: Кавказский литературно-исторический Олимп. Раздел «Литература». Вып. 4: Избранное / Сефербий Сиюхов; сост., предисл. и коммент. к текстам Р. Х. Хашхожевой. – Нальчик: ЭльФа, 1997. – 414 с.

45. Скорик, А. П. Донцы в 1920-х годах: очерки истории / А. П. Скорик, Р. Г. Тикиджьян ; отв. ред. В. А. Бондарев. – Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2010. – 243 с.

46. Слезин, А. А. «Миру крикнули громко ...»: Комсомол Центр. Черноземья в духов. жизни о-ва 1921 – 1929 гг.: соц.-полит. аспекты / А. А. Слезин. – Тамбов: Изд-во ТГТУ, 2002. – 142 с.

47. Слезин, А. А. В борьбе за нового человека: Комсомол 1920-х годов как ин-т полит. социализации / А. А. Слезин. – Тамбов: Изд-во ТГТУ, 1998. – 247 с.

48. Слезин, А. А. За «новую веру». Государственная политика в отношении религии и политический контроль среди молодежи РСФСР (1918 – 1929 гг.) : монография / А. А. Слезин. – Москва: Акад. Естествознания, 2009. – 222 с.

49. Словарь русского языка: в 4 т. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз.; Изд. 3-е, стер. – Москва: Русский язык, 1985 – 1988.

50. Соболева, А. Н. Участие молодежи БМАССР в модернизационных процессах 1920-х – 1930-х гг.: монография / А. Н. Соболева. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2014. – 184 с.

51. Соколов, В. И. История молодежного движения России (СССР) со второй половины XIX до XXI века / Соколов В. И. – 2. изд. испр. и доп. – Рязань: Узорочье, 2002. – 626 с.

52. Стецюра, Ю. А. Молодежь в постреволюционном преобразовании России в 20 – 30-е годы: Монография / Стецура Ю. А. – Москва: Социум, 1998. – 179 с.

53. Текуева, М. А. Мужчина и женщина в адыгской культуре: традиции и современность / М. А. Текуева. – Нальчик: Эль-Фа, 2006. 260 с.

54. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация : Учеб. пособие для студентов, аспирантов и соискателей по специальности «Лингвистика и межкультур. коммуникация» / С. Г. Тер-Минасова. – Москва: Слово/Slovo, 2000. – 261 с.

55. Товарищ Комсомол: Документы съездов, конференций и ЦК ВЛКСМ: В 2 т. Т. 1. 1918 – 1941 / Сост.: В. Десятерик и др. – Москва: Молодая гвардия, 1969. – 606 с.

56. Фицпатрик, Ш. Повседневный сталинизм: Социал. история Совет. России в 30-е годы: город / Шейла Фицпатрик; [Пер. с англ. яз. Л. Ю. Пантиной]. – Москва: РОССПЭН, 2001. – 332 с.

57. Хутыз, К. К. Национальные отношения в условиях тоталитаризма: опыт и уроки, 1917 – 1940 гг.: (На материалах адыг. народов Сев. Кавказа) / Хутыз К. К. – Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. гос. ун-та, 1993. – 259 с.

58. Цветлюк, Л. С. Молодежь в преобразовании страны на коммунистических началах: методология, историография, исторические уроки 1917 – 1941 / Л. С. Цветлюк. – Москва: Изд-во Моск. гум. ун-та, 2006. – 393 с.

59. Цветлюк, Л. С. (2011) Молодежь и юношеские организации в политической системе советского общества. 20 – 30-е годы XX столетия [Электр.ресурс] // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». URL: http://www. zpu – journal.ru/e – zpu/2011/2/Tsvetliuk_Youth/ (дата обращения: 27.01.2016)

60. Шаповалов, С. Н. Генезис советских государственных праздников на Кубани в 1918 – 1930-е гг.: монография / С. Н. Шаповалов. – Краснодар: Издательско-полиграфический центр Кубанского гос. ун-та, 2012. – 125 с.

61. Щетнев, В. Е. История Кубани. XX век / В. Е. Щетнев, Е. В. Смородина. – 2-е изд., [испр. и доп.]. – Краснодар: Перспективы образования, 2005. – 206 с.

62. Яковлев, Я. А. Наша деревня: Новое в старом и старое в новом / Я. Яковлев. – 4-е изд. – Москва; Ленинград: Гос. изд-во, 1925. – 191 с.

63. Longman dictionary of English language and culture / Ed. director Della Summers. – Harlow (Essex): Longman, 1992. – 1528 p.

64. Kassof, A. The Soviet Youth Programm. Regimentation and Rebellion. – Harvard University Press, 1965. – 206 p.

65. Fainsod, M. How the Soviet Union is governed / Jerry F. Hough a. Merle Fainsod. 4. print. – Cambridge (Mass.); London: Harvard univ. press, 1980. – XIV, 679 p.

66. The Concise Oxford Dictionary of Current English. / Edited by H. W. Fowler and F. G. Fowler based on The Oxford Dictionary. Fifth edition. – Oxford University Press, 1964 г. – 1558 p.

2.2. СТАТЬИ

1. Андриец, У. М. В авангарде атеистического воспитания: к вопросу об антирелигиозной деятельности дальневосточного комсомола в 1920-е гг./ У. М. Андриец // Инновационные технологии в области общественных наук. Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. – 2016. – С. 5 – 10.

2. Андриец, У. М. Особенности становления коммунистического союза молодёжи в Дальневосточном регионе (1920 – 1923 гг.) / У. М. Андриец // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. – № 6. – Ч. 1. – С. 32 – 37.

3. Асаока, Дз. Крестьянская печать и общественность в нэповской советской деревне: сельский корреспондент как деревенский актив / Дзэндзи Асаока // XX век и сельская Россия: сб. науч. работ / отв. ред. Х. Окуда. – Токио, 2012. Вып. 2. С. 110 – 126.

4. Ахмадова, М. Чеченская женщина в условиях социально-экономического и культурного строительства в Чеченской автономной области 20 – 30 гг. XX века / М. Ахмадова, А. Абубакарова // Вайнах. – 2014. – № 1 – С. 85 – 89.

5. Белецкая, Е. М. Фольклор станицы Червленной: память поколений (1890–1990-е гг.) / Е.М. Белецкая // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа. Материалы Шестой Междунар. Кубанско-Терской конф. / Под ред. Н. Н. Великой, С. Н. Лукаша. – Краснодар – Армавир, 2008. – С. 29 – 35.

6. Билим, Н. Н. Политическое воспитание молодых людей в 1920-е гг. (региональный аспект) / Н. Н. Билим // Общество: философия, история, культура. – Краснодар – 2016. – № 1. – С. 72 – 74.

7. Билим, Н. Н. Пропаганда как форма воспитания советской молодежи в 1920 – 1930-е гг. (по материалам Дальневосточного края) / Н. Н. Билим //

Теория и практика общественного развития. – Краснодар – 2015. – № 8. – С. 141 – 143.

8. Давыдов, Д. «Комсомолки краситься и пудриться не должны!» / Д. Давыдов // Родина. – 2016. – № 5. – С. 117 – 119.

9. Еремеева, А. Н. «Просим обратить соответствующее внимание»: письма «во власть» студентов южнороссийских вузов 1920-х гг. / А. Н. Еремеева, С. Г. Темиров // Проблемы национальной безопасности России: уроки истории и вызовы современности. К 75-летию битвы за Кавказ в годы Великой Отечественной войны: сб. ст. / отв. ред. А. А. Зайцев. – Краснодар: Традиция, 2018. – С. 108 – 114.

10. Журавлев, С. В. Повседневная жизнь советских людей в 1920-е годы / С. В. Журавлев, А. К. Соколов // Социальная история. Ежегодник. 1997. – Москва: РОССПЭН, 1998. – С. 287 – 332.

11. Закарян, С. А. Молодежь в условиях культурной революции в советской Россиии в 1920-е гг.: проблемы социализации / С. А. Закарян // Наука и образование: проблемы, идеи, инновации. – 2019. – № 10. – С. 12 – 15.

12. Зиберт, Н. П. Антирелигиозная деятельность комсомольских и пионерских организаций на Алтае в 1920-е гг. / Н. П. Зиберт // Известия Алтайского государственного университета. – 2017. – № 5 (97). – С. 44 – 48.

13. Зуев, Ю. П. Динамика религиозности в России в XX веке и ее социологическое изучение / Ю. П. Зуев // Гараджа В. И. Социология религии. – Москва: Аспект – Пресс, 1995. – С. 187 – 194.

14. Иванцов, И. Г. О конфликтных комиссиях в комсомоле (на материалах районных КК – РКИ Северо-Кавказского края). 1925 – 1934 гг. / И. Г. Иванцов // Международный журнал экспериментального образования. – 2015. – № 8 – 1. – С. 61 – 64.

15. Казюкин, И. С. Культурно-политическое шефство города над селом на Северном Кавказе в период создания фундамента социализма / И.С. Казюкин

// Из истории партийных организаций Краснодарского края / Отв. ред. И. И. Алексеенко. – Краснодар, 1968. – С. 49 – 70.

16. Карлявина, А. И. Антирелигиозная карикатура в советской периодической печати 1920-х гг. (По материалам газеты «Безбожник») / А. И. Карлявина // Клио. – 2019. – № 4. – С. 34 – 39.

17. Коваль, С. А. Комсомол как социальный лифт для девушек / С. А. Коваль // Сила слабых: гендерные аспекты взаимопомощи и лидерства в прошлом и настоящем. Материалы Десятой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 7 – 10 сентября 2017 г., Архангельск: В 3 – х томах / Отв. ред. Н. Л. Пушкарева, Т. И. Трошина. – Москва: ИЭА РАН, 2017. – Т. 2. – С. 144 – 148.

18. Кожемяко, Т. Н. Ликвидация неграмотности как основа изменения социокультурного пространства Северного Кавказа в контексте советской модернизации / Т. Н. Кожемяко, С. Н. Борисенко, А. И. Федоренко // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 12. – С. 336.

19. Королёва, Л. А. Борьба комсомола с религией в СССР в 1920-е гг. (по материалам Пензенского региона) / Л. А. Королева // Уроки истории: 1917 – 2017 годы: материалы Четвёртых региональных Рождественских образовательных чтений / Московский Патриархат, Русская православная церковь [и др.] ; под общей редакцией Гагаева П. А. – Пенза: Пензенская духовная семинария, 2017. С. 79 – 83.

20. Королева, Л. А. Политическое образование пензенской молодежи в начале 1920-х гг. / Л. А. Королева // Образование и наука в современном мире. Инновации. – 2016. – № 4. – С. 44 – 50.

21. Костякова, Ю. Б. Политические ритуалы в жизни комсомольцев начала 1920-х гг. / Ю. Б. Костякова // Интеллигенция и мир. – 2020. – № 1. – С. 46 – 60.

22. Котов, В. Северный Кавказ в 30 – 40-е годы. Проблемы этно-демографического развития / В. Котов // Россия XXI. – 1996. – № 1−2. – С. 66 – 80.

23. Кромер, Л. В. Роль политического просвещения в адаптации комсомольской молодежи Сибири к коммунистическому режиму первой половины 1920-х годов / Л. В. Кромер // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2016. – Т. 15. – № 8. – С. 120 – 132.

24. Кромер, Л. В. РКСМ-РЛКСМ-ВЛКСМ как социальный лифт молодежи в годы новой экономической политики / Л. В. Кромер, Т. И. Морозова // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых. Сборник материалов Всероссийской молодежной научной школы-конференции. – Новосибирск: «Апельсин», 2016. – С. 158 – 166.

25. Лебина, Н. Б. Повседневность 1920 – 1930-х годов: «борьба с пережитками прошлого» / Н. Б. Лебина // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. – Москва: Изд. центр Рос. гос. гуманит. ун-та (РГГУ), 1997. – Т. 1. – С. 244 – 290.

26. Лобанова, Д. В. Основные тенденции советского воспитания молодежи в 1920 – 1930-е гг. / Д. В. Лобанова // Из истории культуры народов Северного Кавказа. Научный альманах под ред. Ю. А. Прокопенко, Т. А. Невской. – Ставрополь: Графа, 2016. – С. 134 – 138.

27. Магомадов, А. С. Антирелигиозные гонения советского государства на мусульманскую религию в середине 1920-х – начале 1930-х гг. / А. С. Магомадов // Актуальные проблемы истории Чечни: взгляд молодых. Материалы Городской студенческой научно-практической конференции. 2019. – Грозный: Чеченский педагогический университет, 2019. – С. 72 – 77.

28. Манхейм, К. Идеология и утопия / Карл Манхейм // Диагноз нашего времени: Пер. с нем. и англ. / Карл Манхейм. – Москва: Юрист, 1994. – С. 7 – 276.

29. Меркулов, П. А. Борьба РКСМ с другими общественными организациями за влияние на молодежь в 1920-е годы / П. А. Меркулов // Управленческое консультирование. – 2017. – № 9 (105). – С. 164 – 169.

30. Меркулов, П. А. ВКП(Б) и комсомол в 1920 – 1930-е гг. / П. А. Меркулов // Управленческое консультирование. – 2016. – № 11 (95). – С. 120 – 127.

31. Меркулов, П. А. Молодежные организации РСФСР начала 1920-х годов / П. А. Меркулов // Управленческое консультирование. – 2017. – № 1 (97). – С. 196 – 204.

32. Меркулов, П. А. Нормативно-правовой статус комсомола в 1920 – 1930-е годы / П. А. Меркулов // Управленческое консультирование. – 2017. – № 2 (98). – С. 85 – 94.

33. Минц, М. М. Тирадо И. Деревенский авангард комсомола: молодежь и политика в деревне в период нэпа / М. М. Минц. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 5: История. Реферативный журнал. – Москва, 2015. – № 4. – С. 101 – 103.

34. Можаева, Л. А. Опиум для народа. Молодежные антирелигиозные праздники 1920-х гг / Л. А. Можаев // История в подробностях. – 2016. – № 1 – 2 (67 – 68). – С. 76 – 83.

35. Мусина, Н. Е. Комсомол Беларуси в жизни молодого поколения 1920-х годов / Н. Е. Мусина // Достижения фундаментальной, клинической медицины и фармации. Материалы 72-ой научной сессии сотрудников университета. Витебский государственный медицинский университет. – 2017. – С. 540 – 542.

36. Никитина, А. А. Особенности правил приёма в высшие учебные заведения в 1920-х гг. / А. А. Никитина // История государства и права. – 2021. – № 10. – С. 24 – 28.

37. Ногина, Е. В. Городская культура на Ставрополье в годы НЭПа / Е. В. Ногина // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: V «Минаевские чтения» по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа. Тезисы докладов межрегиональной научной конференции. – Ставрополь, 2001. – С. 124.

38. Нурдыгин, Е. А. Развитие физической культуры и спорта в советской России в середине 1920-х гг. / Е. А. Нурдыгин, Н. В. Рыжкин, Е. В. Немцева // Культура физическая и здоровье. – 2019. – № 2. – С. 14 – 16.

39. Окуда, Х. «От сохи к портфелю»: деревенские коммунисты и комсомольцы в процессе раскрестьянивания (1920-е – начало 1930-х гг.) / Х. Окуда // История сталинизма: итоги и проблемы изучения. Материалы Международной науч. конф., г. Москва, 5 – 7 декабря 2008 г. – Москва: РОССПЭН, 2011. – С. 502 – 524.

40. Осипович, Т. Проблемы пола, брака, семьи и положение женщины в общественных дискуссиях середины 1920-х годов / Т. Осипович // Общественные науки и современность. – 1994. – № 1. – С. 161 – 171.

41. Панкова-Козочкина, Т. В. Особенности создания идеологической платформы советской обрядности: «красные праздники» в казачьих станицах Юга России 1920-х гг. / Т. В. Панкова-Козочкина, Р. Г. Тикиджьян // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». – 2009. – № 3. – С.97 – 104.

42. Пушков, В. П. Опыт изучения особенностей культурного развития советского доколхозного крестьянства: По данным бюджетных обследований крестьянских хозяйств 20-х годов / В. П. Пушков // История СССР. – 1978. – № 5. – С. 118 – 131.

43. Рачков, П. А. О смерти и бессмертии идеологии / П. А. Рачков // Вестник Московского университета. Сер. 7, Философия. – 1999. – № 2. – С. 30 – 49.

44. Рожков, А. Ю. Молодой человек и советская действительность 1920-х годов: формы повседневного протеста / А. Ю. Рожков // Способы адаптации населения к новой социально-экономической ситуации в России / Отв. ред. И. А. Бутенко. – Москва: МОНФ, 1999. – С. 128 – 143.

45. Рожков, А. Ю. Письма «во власть» как исторический источник изучения социальных проблем студенчества в советской России 1920-х гг. /

А. Ю. Рожков, О. А. Мамонтова // Общество: философия, история, культура. – 2019. – № 1. – С. 85 – 93.

46. Рыбаков, Р. В. Динамика роста комсомольских организаций в начале 1920-х гг. / Р. В. Рыбаков // Динамика систем, механизмов и машин. – 2016. – Т. 4. – № 1. – С. 394 – 397.

47. Рыбаков, Р. В. «Социалистической культуре недостает каких-то добродетельных начал»: из опыта воспитания советской молодежи в 1920-е гг. / Р. В. Рыбаков // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 11 – 1 (73). – С. 122 – 126.

48. Рыбаков, Р. В. «Я теряю веру в социализм, теряю веру в то, что комсомол есть что-то дельное, хорошее»: контент-анализ писем молодежи 1920-х гг. / Р. В. Рыбаков // Вестник Томского государственного университета. – 2017. – № 422. – С. 145 – 152.

49. Рыбаков, Р. В. Социально-политическая идентичность молодежи в эпистолярном наследии 1920-х гг. / Р. В. Рыбаков // Вестник архивиста. – 2020. – № 1. – С. 72 – 86.

50. Сабанчиева, В. С. Становление советской системы подготовки учителей в Кабардино-Балкарии / В. С. Сабанчиева // Педагогика. – 2009. – № 6. – С. 103 – 109.

51. Савченко, Ж. Ю. Комсомол и молодёжные движения в 1920-х годах на Кубани / Ж. Ю. Савченко // История и обществознание. – 2016. – № XIII. – С. 77 – 80.

52. Скоропад, А. Э. «Одевичивание» комсомола как составляющая политического контроля / А. Э. Скоропад // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В. И. Вернадского. – 2013. – № 2. – С. 234 – 238.

53. Скоропад, А. Э. Осуществление открытого политического контроля над комсомолом (1918 – 1929): основные последствия / А. Э. Скоропад // Вестник ТГТУ. – 2013. – Т. 19. – № 2. – С. 481 – 486.

54. Слезин, А. А. Сельский комсомол 1920-х годов: реалии «одевичивания» / А. А. Слезин // Женщины села : проблемы адаптации к историческим условиям России: Материалы науч.-практ. конф., 21 – 22 февр. 2002 г. – Оренбург, 2002. – С. 80 – 85.

55. Слезин, А. А. Становление культа Ленина в комсомоле / А. А. Слезин // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2011. – № 3. – С. 19 – 25.

56. Слезин, А. А. Антирелигиозные политсуды 1920-х годов как фактор формирования общественного правосознания / А. А. Слезин // Право и политика. – 2009. – № 5. – С. 1156 – 1159.

57. Слезин, А. А. Антирелигиозные праздники 1920-х гг. / А. А. Слезин // Вопросы истории. – 2010. – № 12. – С. 82 – 91.

58. Слезин, А. А. Институализация комсомола как государственного органа: теоретическая основа / А. А. Слезин // Политика и общество. – 2008. – № 4. – С. 68 – 71.

59. Слезин, А. А. История раннего комсомола: к характеристике архивно-источниковой базы / А. А. Слезин // Исторический журнал: научные исследования. – 2012. – № 5. – С. 24 – 30.

60. Слезин, А. А. Источниковая база истории раннего комсомола / А. А. Слезин // Genesis: исторические исследования. – 2012. – № 2. – С. 108 – 148.

61. Слезин, А. А. Огосударствление комсомола: неоднозначность последствий / А. А. Слезин // Юридический мир. – 2006. – № 9. – С. 75 – 80.

62. Слезин, А. А. Регулирование состава комсомола на рубеже 1920-х – 1930-х годов и трансформация общественного правосознания / А. А. Слезин // Право и политика. – 2010. – № 3. – С. 547 – 551.

63. Слезин, А. А. Сельский комсомол 1920-х годов: реалии «одевичивания» / А. А. Слезин // Женщины села: проблемы адаптации к историческим условиям России. – Оренбург, 2002. – С. 80 – 85.

64. Слезин, А. А. Этатизация комсомола: этап второй / А. А. Слезин // Вестник ТГТУ. – 2009. – Т. 15. – № 1. – С. 249 – 255.

65. Слезин, А. А. Противодействие комсомольских организаций религиозному влиянию среди «восточных национальных меньшинств»: специфика первой половины 1920-х годов / А. А. Слезин, А. В. Баланцев // Социодинамика. – 2012. – № 3. – С. 48 – 100.

66. Слезин, А. А. Быт и досуг комсомольцев в сфере политического контроля в РСФСР 1918 – 1929 гг. / А. А. Слезин, А. Э. Скоропад // NB: Исторические исследования. – 2014. – № 2. – С. 78 – 105.

67. Слезин, А. А. Открытый внешний политический контроль над комсомольскими организациями в РСФСР (1918 – 1929 гг.) / А. А. Слезин, А. Э. Скоропад // Социодинамика. – 2013. – № 12. – С. 97 – 123.

68. Слезин, А. А. Сельская молодежь первой трети XX в. и ее влияние на социум в оценках современных исследователей / А. А. Слезин // Вопросы истории. – 2022. – № 8-2. – С. 106-128.

69. Слезин, А. А. Теоретические основы функционирования раннего комсомола в системе советского политического контроля / А. А. Слезин, А. Э. Скоропад // NB: Проблемы политики и общества. – 2014. – № 2. – С. 75 – 98.

70. Соболева, А. Н. Молодежь Бурят-Монгольской АССР и комсомол в 1920-е гг.: причины участия и неучастия в организации / А. Н. Соболева // Вестник Бурятского государственного университета. – 2015. – № 7. – С. 174 – 179.

71. Соболева, А. Н. Проблемы молодежного движения 1920 – 1930-х гг. в отечественной историографии / А. Н. Соболева // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. – 2015. – Т. 11. – С. 126 – 132.

72. Соболева, А. Н. Формирование образа героя и образа врага у советской молодежи в 1920 – 1930-е гг. / А. Н. Соболева // Политика и общество. 2017. № 10. – С. 78 – 87.

73. Стеллиферовская, Е. Н. Культурно-просветительная работа в деревне (1924 – 1925) / Е. Н. Стеллиферовская // Очерки по истории советской науки и культуры. – Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1968. С. 69 – 100.

74. Струмилин, С. Г. Бюджет времени русского крестьянина / С. Г. Струмилин //Бюллетени Госплана (Плановое хозяйство). Информационный журнал. – Москва, 1923. – Вып. 8 – 9. – С. 13 – 30.

75. Текуева, М. А. «Решение» женского вопроса в Кабардино-Балкарии в 1917 – 1941 гг. Социальная история / М. А. Текуева //Ежегодник. 2008. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2009. – С. 303 – 326.

76. Фоминых, С. Ф. Становление органов студенческого самоуправления в 1920-е гг.: (на материалах Томского государственного университета) / С. Ф. Фоминых, Д. Е. Шандала // Вестник Томского государственного университета. История. – 2015. – № 2 (34). – С. 50 – 58.

77. Харченко, И. А. Образ комсомолки в советской культуре 1920-х гг. / И. А. Харченко // Молодежь, власть, общество: проблемы и перспективы взаимодействия. Сборник статей международной научно-практической конференции. – Саратов: ООО «Центр социальных агроинноваций СГАУ», 2021. – С. 19 – 24.

78. Хубулова, С. А. «Советский проект» и его реализация на Северном Кавказе в 1920-е гг. / С. А. Хубулова // Взаимоотношения советской власти и общества при реализации национальной политики 1920-х гг.: историческая реальность, память, наследие. Материалы международной научно-практической конференции. – Краснодар: издательство КГУ, 2021. – С. 68 – 72.

79. Шмелёв, С. А. Формирование нового быта молодежи в 1920-е годы / С. А. Шмелев // Самарский научный вестник. – 2018. – Т. 7. – № 1 (22). – С. 190 – 196.

80. Brinkley, G. Controlling the Youth of the Soviet Union // The Review of Politics. – 1960. – Vol. 22. – No. 3. – pp. 441 – 444.

81. Tirado, I. A. The Komsomol and the Krestianka. The Political Mobilization of Young Women in the Russian Village (1921 –1927) // Russian History. – 1996. – Vol. 23. – № 1–4. – pp. 345 – 366.

2.3. ДИССЕРТАЦИИ И АВТОРЕФЕРАТЫ ДИССЕРТАЦИЙ

1. Аверьянов, А. В. Национальная политика советского государства на Дону, Кубани и Ставрополье в 1920 – 1930-е гг.: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Антон Викторович Аверьянов. – Ростов-на-Дону, 2021. – 701 с.

2. Адухов, М. Д. Становление и развитие светского образования в Дагестане: Вторая половина XIX в. – XX в.: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Адухов Магомед Джабраилович. – Махачкала, 2004. – 500 с.

3. Багдасарян, С. Д. Сельская повседневность на юге России в эпоху НЭПа: устойчивость традиций и противоречия преобразований: д-ра ист. наук: 07.00.02 / Багдасарян Сусанна Джамиловна. – Новочеркасск, 2017. – 869 с.

4. Булгакова, Н. И. Сельское население Ставрополья во второй половине 20-х – начале 30-х годов XX века: изменения в демографическом, хозяйственном и культурном облике: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Булгакова Наталья Ивановна. – Ставрополь, 2003. – 325 с.

5. Бодрова, Е. В. Создание и деятельность системы обеспечения людскими ресурсами действующей армии в годы Великой Отечественной войны: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Бодрова Елена Владимировна. – Москва, 2000. – 494 с.

6. Бондарев, В. А. Российское крестьянство в условиях аграрных преобразований в конце 20 – начале 40-х годов XX века (на материалах Ростовской области, Краснодарского и Ставропольского краев): автореферат дис. … доктора исторических наук: 07.00.02 / Бондарев Виталий Александрович. – Новочеркасск, 2007. – 55 с.

7. Демидова, Г. А. Руководство Северо-Кавказской партийной организацией культурным строительством в деревне (1928 – 1932 гг.): дис. … канд. ист. наук: 07.00.00 / Демидова Галина Анатольевна. – Москва, 1972. – 215 с.

8. Измозик, В. С. Политический контроль в советской России 1918 – 1928 гг.: автореф. дис. … д-ра ист. наук: 07.00.01 / Измозик Владлен Семенович. – Москва, 1995. – 39 с.

9. Ильин, В. А. Борьба Коммунистической партии за культурную революцию на селе в годы коллективизации (1929 – 1933 гг.): дис. … канд. ист. наук: 07.00.00 / Ильин Вениамин Александрович. – Ростов-на-Дону, 1963. – 276 с.

10. Капустина, Н. И. Развитие общественных организаций Ставрополья в 1920 годы: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Капустина Наталья Ивановна. – Пятигорск, 2005. – 231 с.

11. Коваленко, М. В. Развитие высшего образования на Дону в 1920 – 1930-е гг. : дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Коваленко Матвей Владимирович. – Ростов-на-Дону, 2009. – 189 с.

12. Лиджеева, К. Ф. Развитие сферы образования в национальных районах юга России в 1918 – 1941 гг.: сравнительно-исторический анализ : автореферат дис. ... доктора исторических наук : 07.00.02 / Лиджеева Клара Федоровна. – Астрахань, 2014. – 39 с.

13. Микуленок, Ю. А. Городская повседневность в раннем советском обществе в ракурсе жилищного и внутрисемейного конфликта (по материалам контрольных органов Кубани и Черноморья 1920-х годов): дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Микуленок Юлия Андреевна. – Краснодар, 2015. – 191 с.

14. Ногина, Е. В. Социокультурное развитие городского населения Ставрополья в 1920 – 1930 годы: опыт исторического исследования: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Ногина Елена Владимировна. – Ставрополь, 2004. – 264 с.

15. Семисотов, И. Н. Ленинский комсомол – помощник Коммунистической партии в проведении культурной революции в деревне в годы первой пятилетки (1928 – 1932 гг.): дис. … канд. ист. наук: 07.00.00 / Семисотов Иван Николаевич. – Ставрополь, 1969. – 317 с.

16. Сердюкова, Н. В. Государственная политика Советского государства в области религии в 1920-е гг.: На материалах Северного Кавказа: дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Сердюкова Наталья Владимировна. – Москва, 2006. – 172 с.